

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 5

Сентябрь – Октябрь 2002

Том 8

Москва

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2002

Содержание

Редакционная статья	
Хорошие новости с саммита «восьмерки»	3
Горячая тема	
Дмитрий Ковчегин, Виталий Федченко. Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе	4
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	8
В России. Из досье по химическому и биологическому оружию	15
В мире	16
Дума и контроль над вооружениями	18
Документы	
Заявление лидеров «восьмерки». Глобальное Партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения	20
Глобальное Партнерство «восьмерки»: Принципы, направленные на предотвращение доступа террористов или тех, кто их укрывает, к оружию или материалам массового уничтожения	20
Глобальное Партнерство «восьмерки»: Основные направления для новых и расширенных проектов сотрудничества	21
Интервью	
Сэм Нанн: «Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма»	23
Анализ	
Александр Федоров. Международная информационная безопасность: арена соперничества или путь сотрудничества?	25
Полемика	
Екатерина Степанова. Незаконный оборот наркотиков в Афганистане и Центральной Азии в контексте антитеррористической кампании	36
Владимир Новиков. Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана	49
Комментарий	
Анатолий Лучин. О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО)	53
Алексей Краснов. Иранская тема в российско-американском диалоге по ракетному нераспространению	56
Обзор	
Виталий Цыгичко, Владимир Дьяченко. Оружие нелетального воздействия	58
Страницы истории	
Роланд Тимербаев. Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией	68
Сообщения	
О заседании Наблюдательного комитета проекта «Совместное снижение угрозы: американо-европейская инициатива»	74
О заседании рабочей группы по тактическому ядерному оружию Пагуошского движения	74
О Международном форуме по проблемам нераспространения ракет и ракетных технологий	74
Об академической конференции ПОНАРС в Сиэтле	75
О ежегодной конференции Консорциума «Партнерство во имя мира»	75
О конференции Института ядерного менеджмента	76
О заключительной сессии Группы правительственных экспертов по подготовке исследования ООН по образованию и повышению квалификации в области разоружения и нераспространения	76
Книжные новинки	78
Новости ПИР-Центра	80
Summary	87
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 5 (65), Том 8****Сентябрь – Октябрь 2002 г.****Издается с ноября 1994 г.****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Владимир Дворкин
 Дмитрий Евстафьев
 Василий Лата
 Евгений Маслин
 Владимир Орлов
 Роланд Тимербаев
 Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор
 Валентина Березническая, помощник редактора
 Карина Фуралева, технический редактор
 Дмитрий Ковчегин, корреспондент
 Елена Полидва, секретарь редакции
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
 Виктор Меримсон – производство
 Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 123001, Москва,
 Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б

редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7–095–234–0525

(многоканальный)

Факс: +7–095–234–9558**Представительство в интернете
и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие вопросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле.

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–234–0525. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Maria Vernikova +7–095–234–9558 (fax) or info@pircenter.org.

Тираж 2500 экз.**Подписано в печать 5 августа 2002 г.****Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения издателя.
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редколлегии ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и Фонда Плаушер.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей В. Загорский, член Совета

Евгений П. Маслин, член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

© ПИР-Центр, 2002

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2002

Редакционная статья**ХОРОШИЕ НОВОСТИ С САММИТА «ВОСЬМЕРКИ»**

В конце июня закончился саммит «большой восьмерки» в канадском городе Кананаскис. Главы крупнейших стран обсуждали вопросы глобальной безопасности, международного терроризма, роль России в «восьмерке», проблемы образования, транспортной безопасности и другие серьезные темы. Результаты саммита оказались успешными для России.

Во-первых, было принято решение о том, что Россия возьмет на себя обязанности председателя и принимающей стороны саммита «восьмерки» в 2006 году. Как было признано на саммите главами государств, в изменяющемся мире Россия продемонстрировала свою способность играть повесную и значительную роль в решении глобальных проблем современности.

Во-вторых, главы государств «восьмерки» дали обязательство ассигновать до 20 миллиардов долларов на выполнение программ по нераспространению и антитеррористической деятельности. Решено, что половину этой суммы выделят США, остальное – другие страны «восьмерки» в течение 10 лет. Россия была названа основным получателем средств, что дало повод многим СМИ объявить о том, что «иностранные государства подарят России 20 миллиардов долларов».

Но наивно было бы ожидать, что после Кананаскиса Россия получит такую сумму. Прежде всего, эти средства запланировано предоставить не только для использования в России. В дальнейшем предполагается выделение части суммы и другим странам. Вообще, главы государств «восьмерки» формально не ограничивали список государств, имеющих возможность получить часть из этих 20 миллиардов. Кроме того, среди вариантов помощи предусматривается не только выделение денег, но и списание части долгов России в обмен на проведение программ по нераспространению. Вероятно, возможны и другие механизмы. В любом случае России придется четко определить тот объем работ, который она способна выполнить своими силами.

Далее, высказанные намерения еще не гарантируют реального финансирования. В демократических странах выделением средств из бюджета занимается парламент, и нельзя быть заранее уверенным в беспрепятственном прохождении соответствующих законов через парламенты стран «восьмерки». Несмотря на очевидность необходимости выделения денег, этот процесс никогда не гладок. Например, в начале 2002 года Конгресс США заморозил финансирование некоторых программ содействия России из-за невыполнения всех требуемых формальных условий.

Даже если Россия получит максимально возможный объем средств, неизвестно, решат ли эти деньги проблему предотвращения попадания ОМУ в руки террористов. Несмотря на то что помощь «восьмерки» несомненно будет полезна, говорить о достаточности этих средств, видимо, нельзя.

В так называемом докладе Бейкера–Катлера, подготовленном рабочей группой высокопоставленных экспертов для министерства энергетики США, рекомендуемое финансирование программ, проходящих только через это министерство, составляет порядка 30 миллиардов долларов в течение 10 лет. Таким образом, рекомендованное в упомянутом докладе финансирование в полтора раза превышает то, которое решила выделить «восьмерка», причем рекомендации не учитывают потребностей программ, находящихся в ведении министерства обороны и государственного департамента США, суммарный объем необходимых работ по которым сопоставим с объемом работ по программам министерства энергетики.

В такой ситуации российскому руководству нужно четко осознавать, какие инструменты укрепления режима нераспространения и борьбы с терроризмом оно имеет. Интересным представляется заявление Владимира Путина, сделанное им на саммите, о том, что Россия готова принять участие в ликвидации ОМУ не только у себя, но и в других государствах – там, где оно есть. Сам факт такого заявления говорит о том, что Россия готова активно подтверждать свой статус лидера глобальных усилий, направленных на нераспространение ОМУ и борьбу с международным терроризмом.

Горячая тема**РЕШЕНИЯ ПО ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА САММИТЕ В КАНАНАСКИСЕ****Дмитрий Ковчегин
Виталий Федченко**

Конец весны – начало лета 2002 г. ознаменовались высокой внешнеполитической активностью России. 24–26 мая в Москве прошел саммит президентов России и США, затем – заседание Совета Россия – НАТО и встреча Россия – Европейский союз, а завершающим аккордом стал саммит глав государств «большой восьмерки», состоявшийся в конце июня в канадском городе Кананаскисе.

Один из главных предметов обсуждения на этих международных форумах – проблема противодействия мирового сообщества взаимно усиливающим друг друга угрозам, исходящим от международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки.

В совместной декларации президентов России и США, принятой на московском саммите, отмечается, что «Россия и США будут наращивать совместные усилия в борьбе с новыми глобальными вызовами XXI века, включая борьбу с взаимосвязанными угрозами международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки». Также подчеркивается, что «исключительно важно, чтобы все страны мира сотрудничали в решительной борьбе с этой угрозой. В этих целях Россия и США вновь подтверждают свою приверженность совместной работе как на двусторонней, так и на многосторонней основе».

В Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО заявлено, что стороны договорились «укреплять сотрудничество на основе многопланового подхода, включая совместные оценки угрозы терроризма для безопасности в евроатлантическом регионе, сфокусированные на конкретных угрозах». В том же документе государства обязуются «расширять и укреплять сотрудничество в противодействии распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки и содействовать укреплению существующих договоренностей в области нераспространения».

Закономерным следствием признания существующих угроз стали решения, принятые лидерами стран «большой восьмерки» на саммите в Кананаскисе.

Создание глобального партнерства

В документе «Глобальное Партнерство “восьмерки” против распространения оружия и материалов массового уничтожения»¹ лидеры государств объявили о своей приверженности задаче предотвращения приобретения или создания террористами любого ОМУ и об учреждении новой коалиции «Глобальное Партнерство “восьмерки” против распространения оружия и материалов массового уничтожения». «Восьмерка» приняла обязательство в течение следующих десяти лет ассигновать на цели Партнерства до 20 млрд долл., половину из которых, как предполагается, предоставят США, а другую половину – европейские государства, Япония и Канада.

Также было заявлено об оказании поддержки «конкретным проектам сотрудничества, первоначально в России, для решения вопросов нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности». Основные направления сотрудничества фактически отражены в «Принципах, направленных на предотвращение доступа террористов или тех, кто их укрывает, к оружию или материалам массового уничтожения»², одобренных «большой восьмеркой». Эти направления включают:

- укрепление международной правовой базы и многосторонних инструментов предотвращения распространения;
- обеспечение сохранности и защиты материалов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки;
- повышение эффективности пограничного и экспортного контроля, а также правоохранительной деятельности и международного сотрудничества с целью недопущения распространения ОМУ;
- сокращение и ликвидацию запасов ядерных, биологических и химических материалов.

Среди первоочередных задач Партнерства – уничтожение химического оружия, утилизация списанных атомных подводных лодок, а также расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников.

Как видно, направления деятельности и задачи Партнерства очень во многом совпадают с развивающимися и применяющимися уже десять лет различными программами иностранного содействия России в области нераспространения, известными под общим названием «программа Нанна–Лугара».

Программа Нанна–Лугара и решения, принятые в Кананаскисе

Эта программа была создана, чтобы ответить на вызов глобальной безопасности, возникший в начале 1990-х гг., когда после распада СССР десятки тысяч боеголовок, средства их доставки, запасы ядерных материалов и масштабные производства химического и биологического оружия оказались в ведении не только России, но и Украины, Казахстана и Белоруссии. Новые независимые государства были не в состоянии обеспечить адекватное с точки зрения нераспространения ОМУ обращение с унаследованным ими арсеналом. Ценность программы Нанна–Лугара состоит в том, что она повлияла на ядерную стратегию США и постепенно трансформировала политику сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения в отношении с СССР в согласованную политику нераспространения на основе международного сотрудничества с новыми независимыми государствами³.

Возможно, развитие международного партнерства в области нераспространения, и в частности программы Нанна–Лугара, происходило медленнее, чем это было возможно, и наверняка гораздо медленнее, чем требовалось. Тем не менее к началу XXI века Россия, США, Европа и Япония уже имели опробованный механизм взаимодействия, направленного на нераспространение ОМУ. Первоначально этот механизм был предназначен для решения очевидной, но, как многим казалось, теоретической проблемы предотвращения распространения ОМУ. Происходившие ранее террористические акты были недостаточно масштабны для того, чтобы нераспространение оказалось на первом месте в «повестке дня» мирового сообщества.

Так, 10 января 2001 г. был выпущен отчет рабочей группы министерства энергетики США, возглавляемой бывшим лидером

большинства в сенате Говардом Бейкером и бывшим советником президента Картера Ллойдом Катлером. В рабочую группу входило еще четыре бывших сенатора (включая Сэма Нанна) и три бывших члена палаты представителей США⁴. Эта группа высокопоставленных экспертов пришла к следующему выводу⁵: «Сегодня существует реальная угроза национальной безопасности США: оружие массового поражения или материалы, которые можно использовать для его изготовления, в России могут быть похищены и проданы террористам и враждебным государствам...»

Для уменьшения этой угрозы рабочая группа предложила потратить в течение 10 лет 30 млрд долл. для резкого наращивания темпов и масштабов правительственных программ по обеспечению сохранности материалов, пригодных для изготовления ОМУ. Однако скептицизм по поводу необходимости программ содействия России в области нераспространения был высок, и выводы рабочей группы не встретили должного понимания.

Ситуация самым драматическим образом изменилась после событий 11 сентября 2001 г. Терроризм стал восприниматься в мире как актуальнейший источник угрозы глобальных по своим последствиям жертв и разрушений. Мировое сообщество увидело уже не теоретические размышления, а наглядный пример возможностей террористов. Идеи сенаторов Сэма Нанна и Ричарда Лугара, а также выводы группы Бейкера–Катлера приобрели должную актуальность. Конгресс выделил огромные средства на борьбу с терроризмом и значительно увеличил финансирование программы Нанна–Лугара, признав таким образом актуальность ее в борьбе с терроризмом с использованием ОМУ.

Но сенаторы Нанн и Лугар не остановились на этом. По выражению Ричарда Лугара, для победы в борьбе с «мегатерроризмом» (терроризм с применением ОМУ) необходимо «не дать ни одному террористу или террористической ячейке завладеть оружием или материалами для производства оружия массового поражения»⁶. В интервью журналу *Ядерный Контроль*⁷ Сэм Нанн указывает: «Предотвращение распространения и использования ядерного, биологического и химического оружия должно стать главным организующим принципом безопасности, и оно должно объединить усилия обеих наших стран в XXI веке. Я полагаю, что

Соединенным Штатам и России следует взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма, ведущего к катастрофическим последствиям. Самая большая опасность XXI века – это угрозы, с которыми сталкиваются все страны, но ни одна не способна устранить их собственными силами. Приобретение оружия и материалов для его производства – наиболее трудный для террористов этап и наиболее легкий этап для нас – чтобы остановить их. И наоборот, каждый последующий шаг в этом процессе все легче для террористов и все тяжелее для нас».

Таким образом, сенаторы Нанн и Лугар призывают мировое сообщество создать «многоуровневую глобальную коалицию против терроризма, ведущего к катастрофам». Идея, которая привела к необходимости создания этой коалиции, состоит в том, что, в отличие от осуществления контроля над замыслами террористов по всему миру, воспрепятствовать доступу террористов к ОМУ – выполнимая, хотя и очень сложная задача. Решить эту задачу возможно только масштабными совместными действиями многих государств, и прежде всего США и России.

Очень важно подчеркнуть, что в глобальной антитеррористической коалиции в концепции Нанна–Лугара Россия воспринимается уже не только как государство-акцептор помощи или как страна, которой нужно содействовать в интересах глобальной безопасности. Такая точка зрения была характерна в первое десятилетие после распада СССР и начала действия программы Нанна–Лугара. Сегодня все большую актуальность приобретает взгляд на Россию как на равноправного, наряду с США и Европой, партнера, лидера глобальных антитеррористических усилий⁸.

Решения «большой восьмерки» в Кананаскисе как нельзя лучше вписываются в эту концепцию Нанна–Лугара: и с точки зрения признания России равноправным партнером, и с точки зрения целей и задач коалиции Нанна–Лугара.

Изменяющееся восприятие роли России

На саммите «восьмерки» было принято специальное заявление⁹ о роли России в мире. Из этого документа следует, что в изменяющемся мире Россия уже является «полновесным и значительным» игроком и одним из мировых лидеров в решении глобальных проблем, в частности проблемы международного терроризма.

Итак, из «младшего брата», государства-получателя помощи со стороны, как, к сожалению, Россия рассматривалась в течение первых десяти лет развития совместных программ Нанна–Лугара, Россия превращается в полноценного участника сотрудничества. Это результат политики, которую президент России Владимир Путин проводит с самого начала обсуждения возможностей создания международной антитеррористической коалиции – с 11 сентября 2001 г.

Признание России в качестве полноценного участника «восьмерки», с одной стороны, дает возможность нашей стране на равных участвовать в процессе принятия решений по вопросам борьбы с международным терроризмом и распространением ОМУ, причем даже не только на своей территории. Как заявил Владимир Путин¹⁰, Россия готова принять участие в ликвидации ОМУ не только у себя, но и в других государствах – там, где оно есть. Россия обладает огромным опытом обращения с ядерным, биологическим и химическим оружием и связанными с ними материалами и технологиями. Кроме того, у России есть и значительный опыт участия в реализации совместных программ в области совместного уменьшения угроз.

С другой стороны, теперь Россия «несет основную ответственность за выполнение своих обязательств, а также требований в рамках Партнерства», а тот факт, что угрозы, исходящие из России, составляют значительную часть вызовов режиму нераспространения, вдвойне усиливает эти требования.

В частности, приобретает актуальность одна из основных претензий стран-доноров: что Россия сама делает для решения стоящих перед ней задач и какие ресурсы на это направляет? Теперь России не на словах, а на деле предстоит доказать, что она предпринимает все возможное для предотвращения распространения ОМУ. В первую очередь это должно выразиться в повышенном внимании к проблемам безопасности российского ядерного, биологического и химического комплексов, повышении культуры безопасности на всех уровнях принятия и исполнения решений, переходу от политических деклараций к работе над конкретными проблемами.

Строгое выполнение Россией достигнутых на саммите договоренностей при неизбежной на данный момент помощи со стороны других

государств-членов «большой восьмерки», может стать хорошим примером и движущей силой, которая способна привести в создаваемое Глобальное Партнерство новых участников – как получателей помощи, так и новых возможных государств-доноров.

Главный итог саммита для России (который важен и для всего мира) видится не в обязательстве выделить на реализацию проектов в области нераспространения до 20 млрд долл. (хотя в настоящей ситуации любое увеличение финансирования способствует успеху России), но в признании ее равного статуса. В соответствии с этим признанием России теперь предстоит доказать свое право на равных влиять на принятие решений в элитном клубе мировой политики.

Для мирового сообщества основной итог саммита состоит в том, что создается международная коалиция по борьбе с распространением ОМУ и международным терроризмом и определяются основные направления и принципы сотрудничества в этой области. Есть основания надеяться, что остро стоящая угроза терроризма с применением ОМУ не позволит ведущим мировым державам остановиться на уровне

громких заявлений, а остальным странам оставаться в стороне от этого процесса.

¹ Заявление лидеров «восьмерки». Глобальное Партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Документы «Группы восьми». Официальное интернет-представительство Президента России: president.kremlin.ru. 27 июня 2002.

² Глобальное партнерство «Группы восьми»: Принципы, направленные на предотвращение доступа террористов или тех, кто их укрывает, к оружию или материалам массового уничтожения. Официальное интернет-представительство Президента России: president.kremlin.ru. 27 июня 2002.

³ The Nunn-Lugar Vision. 1992-2002. Nuclear Threat Initiative, 2002.

⁴ Howard Baker, Lloyd Cutler et al. A Report Card on the Department of Energy's Nonproliferation Programs with Russia. The Secretary of Energy Advisory Board, United States Department of Energy. January 10, 2001.

⁵ Русский перевод цит. по: Видение Нанна–Лугара. 1992-2002 (The Nunn-Lugar Vision. 1992-2002. Nuclear Threat Initiative, 2002).

⁶ Там же.

⁷ См. интервью с Сэмом Нанном в разделе «Интервью» текущего номера журнала.

⁸ The Nunn-Lugar Vision. 1992-2002. Nuclear Threat Initiative, 2002.

⁹ Роль России в «восьмерке». Документы «Группы восьми». Официальное интернет-представительство Президента России: president.kremlin.ru. 27 июня 2002.

¹⁰ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пресс-конференции по окончании саммита «большой восьмерки». Официальное интернет-представительство Президента России: president.kremlin.ru. 27 июня 2002.

Вышли в свет в июне – июле 2002 года

- *Ядерный Контроль*. Том 8, № 4. Июль–Август 2002. В номере: Юрий Федоров «Новая парадигма российско-американских отношений»; Владимир Барановский, Дмитрий Евстафьев, Ирина Звягельская, Эмиль Паин, Роланд Тимербаев, Иван Тюлин, Юрий Федоров «Международный терроризм: предпосылки, идеология и методы противоборства»; Роберт Айнхорн, Гэри Сеймур «Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы»; Роланд Тимербаев «Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции»; Владимир Хлебников «Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий – пять лет»; Антон Хлопков «Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать»; Мортен Бремер Маэрли «Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры». Цена 1500 руб.

См. также с. 35, 48

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье» и «досье по химическому и биологическому оружию» ПИР-Центра, опубликованные в июне–июле 2002 г. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

• Сокращение ядерных вооружений

США вышли из Договора по ПРО

13 июня президент США Джордж Буш объявил, что российско-американской Договор по ПРО «остался позади» и для Вашингтона теперь важно разработать и развернуть эффективную систему обороны от ограниченного ракетного удара.

В заявлении, сделанном в связи с официальным выходом США из российско-американского Договора по ПРО, Джордж Буш подчеркнул также, что он и президент России Владимир Путин «согласились в том, что США и Россия будут искать пути для сотрудничества в ракетной обороне, включая расширение военных учений, обмен данными раннего предупреждения, а также изучение возможностей для потенциальных совместных исследований и разработок технологий противоракетной обороны».

«В течение минувшего года наши страны плотно работали над тем, чтобы преодолеть наследие холодной войны и демонтировать ее структуры», отметил глава Белого дома, подчеркнув, что США и Россия сейчас «выстраивают новые отношения, основанные на общих интересах и во все большей степени на общих ценностях».

«В соответствии с Московским договором ядерные арсеналы наших стран будут сокращены до самых низких уровней за десятилетия, и сотрудничество в ракетной обороне также внесет важный вклад в укрепление отношений, к которым мы все стремимся», – заявил Джордж Буш.

По его словам, в настоящий момент США и Россия «больше не живут в мире холодной войны, для которого был задуман Договор по ПРО». «Сейчас мы сталкиваемся с угрозами, исходящими от террористов, которые стремятся уничтожить нашу цивилизацию

любыми средствами, доступными для «государств-изгоев», вооруженных оружием массового уничтожения и ракетами дальнего радиуса действия», отметил г-н Буш, указав, что «защита американского народа от этих угроз является высшим приоритетом главнокомандующего».

«Новые стратегические вызовы XXI века требуют, чтобы мы думали по-другому, и требуют также, чтобы мы действовали», – отметил президент США, который призвал американский Конгресс принять в полном объеме бюджетный запрос администрации на финансирование работ по противоракетной обороне.

Заявив о своей приверженности развернуть противоракетную оборону в США «как можно быстрее» для защиты «американского народа и наших развернутых вооруженных сил», Джордж Буш сообщил, что США будут «углублять диалог и сотрудничество с другими странами по ракетной обороне». (Аркадий Орлов. Джордж Буш объявил, что российско-американской Договор по ПРО «остался позади» и для США важно разработать и развернуть эффективную систему обороны от ограниченного ракетного удара. РИА *Новости*. 14 июня 2002.)

Выйдя из Договора по ПРО, США сразу же провели испытания противоракетной системы морского базирования. С полигона Кауаи на Гавайских островах была запущена модернизированная ракета SM-3, которая стала мишенью для ракеты-перехватчика, запущенной с крейсера *Lake Erie* в Тихом океане, а на базе Форт-Грили на Аляске в торжественной обстановке были заложены шесть шахт для ракет-перехватчиков наземного базирования. Предполагается, что они будут построены к осени 2004 г. По замыслу Пентагона эта база должна стать ядром новой американской системы ПРО – там предполагается разместить около 100 ракет-перехватчиков.

Начиная новую программу, США сконцентрировали силы и средства по ПРО в одних руках. В январе по распоряжению министра обороны Дональда Рамсфельда был значительно расширен круг полномочий агентства по ПРО. Его главной задачей стало сведение воедино всех программ в области ПРО, ранее распределенных по разным видам вооруженных сил. В будущем году администрация США намерена израсходовать на нужды ПРО 8 млрд долл. А общая стоимость системы составит около 70 млрд.

Правда, противники новой системы ПРО в США уверены, что этим траты не ограничатся. Бывший директор программ ракетных испытаний министерства обороны Филип Койл обвинил администрацию Джорджа Буша в том, что она скрывает от народа истинный масштаб расходов на ПРО. По оценкам экс-чиновника, в 70 млрд долл. обойдется только первый этап создания ПРО, «а полная многослойная система, планируемая администрацией Буша, будет стоить более 200 млрд долл.»

В Москве к аннулированию Договора по ПРО отнеслись спокойно, хотя недавно российские политики и военные называли это соглашение краеугольным камнем всей послевоенной системы безопасности и говорили, что в случае выхода США из Договора наступит прямо-таки апокалипсис. Глава российского МИДа Игорь Иванов, участвовавший во встрече министров иностранных дел «восьмерки» в Канаде, заявил, что в Москве не ожидают никаких сюрпризов от выхода США из Договора по ПРО.

По словам министра, главное сейчас – приступить к реализации договоренностей, достигнутых на последнем российско-американском саммите в Москве, т.е. добиться ратификации Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов и запустить новый механизм двустороннего диалога – группы по вопросам стратегической безопасности. Госсекретарь США Колин Пауэлл, с которым встретился Игорь Иванов, полностью согласился с российским коллегой. (Геннадий Сысоев. Договора по ПРО больше нет. *Коммерсант*. 14 июня 2002.)

Министр обороны РФ на пресс-конференции после завершения заседания Совета министров обороны государств СНГ заявил, что Россия пока не планирует ответных мер в связи с решением США о выходе из Договора по ПРО.

Сергей Иванов подчеркнул, что «подтверждение американцами объявленного ими полгода назад решения о выходе из Договора по ПРО не новость». Это, по словам г-на Иванова, суверенное право США. В то же время, подчеркнул министр, Россия по-прежнему считает этот шаг ошибочным.

«Нас этот договор полностью устраивал, поэтому мы не согласились с предложением американцев об одновременном выходе из него», – отметил глава российского военного ведомства. Он не стал комментировать возможное развитие ситуации после совершенного американцами шага. По его мнению, «перспектива развития ситуации в области ПРО весьма туманная».

«Архитектуры национальной противоракетной обороны как таковой, будь она тактическая или стратегическая, в природе нет, – подчеркнул министр. – Она существует пока исключительно виртуально». В этой связи Сергей Иванов считает, что говорить о каких-то конкретных шагах России в ответ на действия США преждевременно. (Ольга Семенова. Россия пока не планирует ответных мер на решение США о выходе из Договора по ПРО. *РИА Новости*. 14 июня 2002.)

МИД России опубликовал заявление «О правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», в котором говорится:

«В мае 2000 г. Российская Федерация ратифицировала Договор между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2), а также нью-йоркские договоренности от 26 сентября 1997 г. в связи с Договором по ПРО. При этом имелось взаимопонимание с Американской Стороной, что и США поступят аналогичным образом. Это позволило бы реализовать указанные важнейшие договоренности, касающиеся стратегических наступательных и оборонительных вооружений обеих стран.

Однако США отказались от ратификации Договора СНВ-2 и нью-йоркских договоренностей. Более того, 13 июня с.г. Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО, в результате чего этот международно-правовой акт, служивший в течение трех десятилетий краеугольным камнем стратегической стабильности, утратил силу. Принимая во внимание изложенные действия

США и исходя из положений Федерального закона о ратификации Договора СНВ-2, Российская Федерация отмечает отсутствие каких-либо предпосылок для вступления в силу Договора СНВ-2 и не считает себя более связанной предусмотренным международным правом обязательством воздерживаться от действий, которые могли бы лишить этот договор объекта и цели». (Заявление Министерства иностранных дел России «О правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений». *Департамент информации и печати МИД РФ*. 14 июня 2002.)

Выход США из Договора по ПРО и отмена в связи с этим Договора СНВ-2 дает России «гораздо больше гибкости в строительстве и планировании своих стратегических ядерных сил». Об этом заявил глава Минобороны России Сергей Иванов, отвечая на вопрос о политических и военных последствиях для России в связи с объявлением США о выходе из Договора по ПРО.

При этом г-н Иванов подчеркнул, что никаких шагов Россия «не собирается делать, поскольку в последнее время изменилось качество российско-американских отношений». В качестве подтверждения Сергей Иванов привел подписание Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

Министр отметил, что в связи с выходом США из Договора по ПРО «исчезнут все предпосылки для вступления в силу Договора СНВ-2». Договор СНВ-2 «полностью утратил свою силу», сказал г-н Иванов.

По его словам, времена холодной войны, когда обе стороны могли уничтожить друг друга по многу раз, миновали, и наличие такого количества стратегических ядерных сил не является необходимым.

В связи с тем, что у России появилась «гибкость и свобода выбора, мы можем планировать дальнейшее строительство своих Вооруженных сил на таком уровне, который позволит нам безусловно использовать ядерное оружие как надежное политическое средство предотвращения агрессии против нашей страны», подчеркнул Сергей Иванов. С другой стороны, Россия может подходить теперь к строительству ядерных сил по принципу: «что нам выгоднее, эффективнее и дешевле», а не из принципа: «что нам можно,

а что нельзя». (Сергей Иванов заявил, что выход США из Договора по ПРО и отмена Договора СНВ-2 дали России больше гибкости в строительстве и планировании своих стратегических ядерных сил. *РИА Новости*. 19 июня 2002.)

Начальник Генштаба Вооруженных сил России Анатолий **Квашнин** заверил, что Россия «имеет и будет иметь баллистические ракетные комплексы наземного базирования с разделяющимися головными частями, в том числе и тяжелые ракетные комплексы типа *Сатана*».

Комментируя выход США из Договора по ПРО, г-н Квашнин подчеркнул, что Россия имеет свободу выбора и действий «при строительстве и организационно-штатных преобразованиях в целом стратегических сил сдерживания, в том числе стратегических наступательных сил».

По словам Анатолия Квашнина, для России «это существенно при определенном минимальном уровне в 1700–2200 боеголовок и по финансовым затратам». (Начальник Генштаба ВС России Анатолий Квашнин заверил, что Россия имеет и будет иметь тяжелые ракетные комплексы типа *Сатана*. *РИА Новости*. 19 июня 2002.)

• Стратегические ядерные силы

Стратегические ядерные силы России испытывают новые вооружения

4 июня в военном ведомстве РФ сообщили, что специалисты Ракетных войск стратегического назначения приступили к опытно-испытательным работам на мобильном комплексе с межконтинентальной баллистической ракетой (МБР) *Тополь-М* РС-12М2 (по зарубежной классификации – СС-27).

Работы, которые проводятся на Государственном испытательном космодроме Плесецк, касаются как ракеты РС-12М2, так и подвижного грунтового ракетного комплекса (ПГРК) нового поколения.

До принятия на вооружение ракетного комплекса предстоит осуществить 10 пусков МБР с мест постоянной дислокации или запланированных маршрутов патрулирования. Первый и успешный испытательный пуск ПГРК *Тополь-М* был произведен в конце сентября 2000 г. с северного космодрома России, а первый испытательный пуск ракеты

Тополь-М с шахтной пусковой установки состоялся 20 декабря 1994 г. (Владислав Кузнецов. На космодроме Плесецк приступили к опытно-испытательным работам на мобильном ракетном комплексе *Тополь-М*. *ИТАР-ТАСС*. 4 июня 2002.)

На стратегическом объекте Космических войск России в Барановичах (Белоруссия) завершили испытания радиолокационной станции (РЛС) системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

Как сообщили **4 июня** в пресс-службе Космических войск РФ, в настоящее время объект несет опытное дежурство и осуществляется подготовка к началу боевого дежурства. Завершена отладка боевых алгоритмов и программ. РЛС работает в штатном режиме по реальному космическому фону – обнаруживает и сопровождает космические объекты и выдает информацию на командный пункт.

В пресс-службе отметили, что заступление радара на боевое дежурство предполагается в ходе летнего периода обучения 2002-го учебного года. С вводом в строй радиолокационной станции в Белоруссии эффективность Ракетно-космической обороны России и стран СНГ повысится.

Как отмечают специалисты, РЛС будет осуществлять радиолокационное наблюдение за космическим пространством на западном и северо-западном направлениях вместо демонтированного радара в Скрунде (Латвия). Станция в Белоруссии представляет собой принципиально новую РЛС, которая способна отслеживать пуски баллистических ракет на всей территории Европы. (Владислав Кузнецов. На стратегическом объекте Космических войск РФ в Барановичах завершили испытания радиолокационной станции. *ИТАР-ТАСС*. 4 июня 2002.)

• Международное сотрудничество

Подведены итоги саммита глав государств «восьмерки» в Кананаскисе

Отвечая на вопросы журналистов по окончании саммита «восьмерки» в Кананаскисе (Канада) президент России Владимир Путин заявил, что «тема глобальной борьбы с терроризмом обсуждалась давно. Она связана с Россией, с некоторыми другими странами, в которых сосредоточены определенные запасы оружия, прежде всего оружия массового уничтожения.

Для России эта тема актуальна, потому что нам в наследство от Советского Союза досталось несколько проблем, достаточно сложных, главные из которых – долг бывшего Советского Союза, с которым мы, как вы знаете, несмотря на все проблемы, справляемся, и большое количество вооружения, которое уже давным-давно не используется, складировано и подлежит уничтожению. Речь идет, прежде всего, об атомном оружии».

Владимир Путин также отметил, что некоторые международные телевизионные каналы говорят «о какой-то угрозе распространения на территории России оружия подобного рода». Президент России подчеркнул, что «нет никакой угрозы распространения, все это оружие находится под строгим контролем», «оно не используется, складировано. Но оно представляет собой определенную опасность, прежде всего с точки зрения экологии». «Для нас наибольший интерес представляет сотрудничество по уничтожению запасов подлежащего уничтожению химического оружия, выведенных из боевого состава ВМФ ядерных подводных лодок, – сказал Владимир Путин. – Многие из них не уничтожены еще с советских времен. Прежде всего хочу отметить, что ответственность за уничтожение этих вооружений лежит на самой России. Мы занимались утилизацией этого оружия, занимаемся и будем заниматься впредь. Если наши партнеры готовы оказать здесь содействие, мы будем благодарны.

Мы сейчас договорились о сотрудничестве в рамках этого глобального партнерства ... выработали определенные подходы, правила совместной работы. ... Россия намерена и впредь выполнять все свои обязательства в этой сфере, но это сотрудничество будет распространяться и на другие страны, прежде всего страны бывшего Советского Союза. Тема актуальная, важная, и мы весьма удовлетворены тем, что наши коллеги сочли возможным обратить на нее внимание». (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пресс-конференции по окончании саммита «большой восьмерки». *Пресс-служба Президента РФ*. 27 июня 2002.)

Одним из наиболее существенных итогов саммита «восьмерки» в Канаде стало оформление «Глобального Партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения» (см. раздел «Документы»). На это указала на итоговом

брифинге для журналистов помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс.

Речь идет о выделении партнерами Москвы в течение ближайших 10 лет до 20 млрд долл. на уничтожение химического, бактериологического и ядерного оружия, а также на ужесточение режима ядерной безопасности в России и других странах бывшего СССР. «Мы считаем, что это очень важная инициатива и счастливы, что удалось этого добиться», – сказала г-жа Райс.

В целом, по ее мнению, саммит позволил «существенно продвинуть вперед повестку дня» американской администрации в области борьбы с терроризмом и решения проблем ОМУ. Все участники форума «чрезвычайно активно поддерживают борьбу против терроризма», – подчеркнула Кондолиза Райс.

После ее выступления другие официальные лица дали репортерам пояснения на условиях сохранения анонимности. В частности, журналистов интересовали точные суммы, которые Россия должна получить в рамках новой инициативы по уничтожению ОМУ. Суть ответов сводилась к тому, что сами США сохраняют приверженность своему обязательству выделять на эти цели примерно по 1 млрд долл. в год в течение ближайших 10 лет. Ряд других страны, включая, например, Германию и Канаду, также уже взяли на себя конкретные обязательства.

Вместе с тем ряду правительств лишь предстоит это сделать – и получение ими от своих парламентов ассигнований на эти нужды будет во многом зависеть от хода реализации разоруженческих программ на постсоветском пространстве. «Значение инициативы в том, что мы помогаем европейцам, японцам и другим принять гораздо более активное участие в этой работе», – сказал один из американских экспертов.

По его словам, каждая страна будет выбирать проекты по своему усмотрению и договариваться с Россией о порядке их реализации. Сама «восьмерка» будет контролировать ход общей работы с помощью особого механизма: лидерам ежегодно будут представляться отчеты.

Согласно пояснениям, готовность к финансированию инициативы по ОМУ проявляют и государства, не входящие в «восьмерку». «Есть заинтересованность скандинавов, мы также ожидаем взносов и от

других европейцев», – сказал на брифинге еще один американский специалист.

По его словам, для западных партнеров Москвы приоритет имеет «безопасное и эффективное» уничтожение российских запасов химического оружия, оцениваемых примерно в 40 тыс. тонн. Что касается самой России, продолжал он, то она считает приоритетным демонтаж «примерно 200» атомных подводных лодок. Наконец, в центре внимания остается обеспечение безопасности реакторов на АЭС «чернобыльского типа», заявил специалист.

Ведущие брифинга подтвердили, что участие западных стран в инициативе обставляется рядом условий. В частности, они получают широкие права по проведению инспекций, их фирмы-подрядчики освобождаются в России от уплаты налогов и получают иммунитет от возможных преследований по суду. (США считают одним из главных итогов саммита «восьмерки» глобальное партнерство в помощи России в ликвидации оружия массового поражения. *ИТАР-ТАСС*. 28 июня 2002.)

«Большим шагом вперед» в решении проблемы нераспространения назвал госсекретарь США Колин Пауэлл новую программу оказания финансовой помощи России в обеспечении безопасности и ликвидации оружия массового уничтожения и материалов, пригодных для его создания. **28 июня** в интервью агентству *Associated Press* глава американской дипломатии выразил уверенность в том, что меры, одобренные на саммите «большой восьмерки» в Кананаскисе, помогут предотвратить утечку ядерных материалов и технологий в «государства-изгои».

Всеобъемлющая программа финансового содействия России по защите и уничтожению ОМУ и расщепляющихся материалов, утвержденная лидерами ведущих стран мира, получила неофициальное название «10 плюс 10 на 10». В соответствии с ней в течение следующих 10 лет Соединенные Штаты, с одной стороны, и Европейский союз, Канада и Япония – с другой, выделяют на эти цели по 10 млрд долл. Инициатива нашла полную поддержку президентов России и США – Владимира Путина и Джорджа Буша, а также других глав государств и правительств «восьмерки», встретившихся в Кананаскисе. (Иван Лебедев. Колин Пауэлл назвал программу «10 плюс 10 на 10», одобренную в Кананаскисе, «большим шагом вперед» в деле

нераспространения. *ИТАР-ТАСС*. 29 июня 2002.)

Премьер-министр Канады Жан **Кретъен** назвал значительным достигнутое на саммите «большой восьмерки» в Кананаскисе соглашение о финансировании проектов по уничтожению ОМУ бывшего СССР на сумму в 20 млрд долл.

Выступая на итоговой пресс-конференции по завершении саммита, канадский премьер подчеркнул, что в предстоящие 10 лет Соединенные Штаты выделяют 10 млрд долл. на эти цели, и отметил, что Канада, Франция, Германия, Британия и Италия также внесут свой вклад. Пока не определилось участие Японии, сказал г-н Кретъен, назвав в качестве причины продолжающиеся экономические трудности, переживаемые этой страной.

Как отметил канадский премьер, председательствующий на саммите «восьмерки», в первую очередь речь идет о финансировании проектов по ликвидации ОМУ и выведенных из боевого состава атомных подлодок. Жан Кретъен сказал, что Канада в рамках реализации проекта может, например, заняться оказанием помощи России в ликвидации до десяти таких подлодок. Он подчеркнул, что для работы над этими проектами потребуются подписание двусторонних договоров с Россией.

Как заявил глава канадского правительства, по его мнению, реализация плана очень важна, так как нельзя допустить, чтобы ОМУ попало в руки террористов.

«Я очень удовлетворен достигнутым соглашением», – сказал г-н Кретъен. Премьер сообщил, что ход реализации соглашения будет рассматриваться на предстоящем саммите «большой восьмерки» в 2003 г. во Франции. (Николай Власов. Премьер-министр Канады удовлетворен достигнутым в Кананаскисе соглашением о финансировании проектов по уничтожению оружия массового поражения бывшего СССР. *РИА Новости*. 28 июня 2002.)

Сформированы российско-американские рабочие группы по сотрудничеству в области нераспространения

5 июня министр РФ по атомной энергии академик РАН Александр **Румянцев** сообщил, что, согласно Совместной декларации, подписанной на саммите в Москве Владимиром **Путин** и Джорджем **Бушем**, в

России и США сформированы рабочие группы по сотрудничеству в области нераспространения.

По его словам, созданы две подкомиссии. Первая займется изучением «мер по увеличению количества подлежащего ликвидации расщепляющегося материала», пригодного для создания оружия. Со стороны России эту подкомиссию возглавил первый заместитель главы Минатома РФ Лев **Рябев**, со стороны США – заместитель министра по вопросам науки, энергетики и защиты окружающей среды министерства энергетики США Роберт **Кард**.

Целью работы второй подкомиссии является подготовка «рекомендаций о совместных усилиях по исследованию и разработке передовых технологий ядерного реактора и топливного цикла, устойчивых с точки зрения распространения». Со стороны России ее возглавил первый заместитель министра РФ по атомной энергии Михаил **Солонин**, со стороны США – заместитель министра по вопросам ядерной безопасности министерства энергетики США, генерал Джон **Гордон**.

«Обе подкомиссии представят министрам России и США доклады с соответствующими рекомендациями. Первая подкомиссия – через два месяца, вторая – через полгода», – уточнил г-н Румянцев. (Эдуард Пузырев. В России и США сформированы рабочие группы по сотрудничеству в области работы с ядерными материалами. *РИА Новости*. 5 июня 2002.)

Расширение российско-иранского сотрудничества

Председатель правительства РФ Михаил **Касьянов** одобрил проект долгосрочной программы развития торговли и сотрудничества между Россией и Ираном. Этот объемный документ обязательно привлечет внимание США, которые пристально следят за российско-иранским сотрудничеством: первый раздел программы рассказывает о планах Минатома построить до 2012 г. в Иране шесть блоков АЭС мощностью по 1000 МВт каждый, а также четыре новых энергоблока на площадках в Бушере и в Ахвазе. Строительство одного такого блока оценивается не менее чем в 800 млн долл.

Администрация США возражает против строительства Россией АЭС в Бушере. На позицию США не повлияло и личное общение двух президентов на майском саммите в Москве. Свое негативное отношение к

российско-иранскому взаимодействию в атомной энергетике Вашингтон объясняет тем, что, завладев современными ядерными технологиями, Иран сможет создать собственную ядерную бомбу. Российская сторона уверена, что условия эксплуатации строящейся АЭС в Бушере таковы, что ни о каком «нерегламентированном» использовании ядерных материалов и речи быть не может.

«АЭС в Бушере мы планируем ввести в действие в конце 2003 г. – начале 2004 г., но эксплуатировать станцию в течение первых нескольких лет будет только российский персонал. За это время мы планируем наладить обучение иранских специалистов, чтобы в перспективе они постепенно заменили наш персонал на станции своим. Кроме того, мы ставим перед иранской стороной важнейшее условие: чтобы все поставляемое российское ядерное топливо для АЭС в Бушере после окончания цикла его работы полностью возвращалось обратно в Россию на переработку и хранение. Так что Россия выполняет все международные требования по нераспространению оружия массового уничтожения и делящихся материалов», – заявил в интервью *Коммерсанту* министр по атомной энергии Александр Румянцев. 1 июня 2002 г. в Тегеране российский Минатом и Комиссия по атомной энергии Ирана подписали протокол, где зафиксировали, что соответствующие изменения будут внесены и в межправительственное соглашение, и в коммерческий контракт на строительство станции уже в сентябре 2002 г. – после того, как выйдут последние нормативные акты, регламентирующие порядок ввоза ОЯТ в Россию. Таким образом, считает министр, у России появляется реальный шанс увеличить свою долю присутствия на мировом рынке хранения и переработки ОЯТ, которое составляет сейчас всего 10%.

Александр Румянцев уверен, что с учетом возросшего уровня доверия между Россией и США, в том числе и в атомной сфере, компромисс вполне может быть найден. Так, в 2002 г. Россия после долгого перерыва возобновила поставки в Америку изотопа плутония-238, который используется при изготовлении элементов энергопитания для космических аппаратов. Контракт оценивается в несколько десятков миллионов долларов. Истекающий осенью 2002 г. десятилетний срок соглашения о поставках будет, вероятно, продлен еще до окончания его действия. Кроме того, совсем недавно правительство одобрило и новое ценовое соглашение на поставки

низкообогащенного оружейного урана для американских атомных станций, которое дает России ежегодно 500 млн долл. Сейчас половина американской атомной энергетики работает на топливе, полученном из бывших российских ядерных ракет. (Алена Корнышева. *Коммерсантъ*. 27 июля 2002.)

Российско-американские консультации по борьбе с терроризмом

27 июля первый заместитель министра иностранных дел России Вячеслав Трубников, выступая в Вашингтоне на пресс-конференции, посвященной итогам 8-го заседания российско-американской Рабочей группы по борьбе с терроризмом, заявил, что у России имеются данные о попытках «Аль-Кайды» и других международных террористических организаций получить доступ к ядерному, биологическому и химическому оружию.

По словам г-на Трубникова, эти попытки несут прямую угрозу безопасности России.

Заседание группы с участием представителей дипломатических, военных и разведывательных организаций России и США состоялось на территории главной военно-морской академии США в Аннаполисе (штат Мэриленд) под сопредседательством первого заместителя министра иностранных дел России Вячеслава Трубникова и первого заместителя госсекретаря США Ричарда Армитеджа.

Первый заместитель главы российского МИДа сообщил также, что в рамках расширенного мандата Рабочей группы, одобренного в ходе майского саммита президентов России и США в Москве, в ее структуре создана специальная подгруппа по борьбе с угрозой ядерного, биологического и химического терроризма. В состав этой подгруппы помимо представителей внешнеполитических ведомств, министерств обороны и спецслужб двух стран включены также представители Минатома РФ и министерства энергетики США, сказал г-н Трубников. (Аркадий Орлов. Россия располагает данными о попытках международных террористических организаций получить доступ к оружию массового поражения. *РИА Новости*. 27 июля 2002.)

Как отмечается в совместном заявлении для печати, принятом по итогам заседания российско-американской Рабочей группы по борьбе с терроризмом, делегации сторон

«обсудили ряд ключевых региональных вопросов, включая последние события в Афганистане, Центральной Азии, отношения между Индией и Пакистаном, Юго-Восточной Азии и Йемене», а также «некоторые вопросы, касающиеся Ирана и Ирака».

Москва и Вашингтон «выразили твердую поддержку переходной администрации Афганистана и Международным силам содействия безопасности», размещенным в этой стране, в выполнении ими своей миссии. Одновременно была выражена озабоченность «в связи с продолжением деятельности остатков движения «Талибан» и группировки «Аль-Кайда» и недавним убийством вице-президента Афганистана Хаджи Абдул Кадыра». Стороны согласились с тем, что перегруппировка сил прежнего радикального кабульского режима «в Афганистане, в частности, на его южных и юго-восточных рубежах, представляет собой серьезную угрозу как для самого Афганистана, так и для мира и стабильности в регионе».

Кроме того, эксперты «продолжили обсуждение ситуации, возникшей на стратегических перекрестках Центральной Азии и Закавказья». «Обе стороны провели обзор своих инициатив в сфере борьбы с терроризмом и безопасности», были предложены и «новые области для возможного российско-американского сотрудничества в тесной координации со странами этих регионов».

Стороны «договорились о ряде совместных мер по поддержанию стабильности, безопасности и экономического развития в странах Центральной Азии и Закавказья», подчеркивается в заявлении. В заявлении также отмечается, что стороны «обсудили угрозу потенциального использования террористами оружия массового уничтожения» и согласились с тем, что «эти вопросы требуют наиболее приоритетного внимания и привлечения всех разведывательных и правоохранительных ресурсов».

Делегации рассмотрели вопросы координации своих действий по борьбе с терроризмом по каналам международных организаций, в том числе в рамках ОБСЕ, Совета Россия–НАТО. Следующее заседание группы планируется провести в Москве в декабре 2002 г. (Дмитрий Кирсанов. Комплекс вопросов борьбы с терроризмом обсудили в США российские и

американские официальные лица. ИТАР-ТАСС. 27 июля 2002.)

• Экспортный контроль

Россия принимает меры по повышению эффективности системы экспортного контроля

В Российской Федерации продолжается работа, направленная на повышение эффективности системы контроля за экспортом товаров и технологий двойного назначения, включая соблюдение установленных правил хранения «чувствительной» продукции, связанной с ОМУ, и средств его доставки.

Для выполнения этих задач в мае 2002 г. приняты федеральные законы, которые внесли изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, ужесточающие наказание за соответствующие правонарушения.

Кроме того, с 1 июля 2002 г. в Российской Федерации вступает в силу новый Кодекс об административных правонарушениях, предусматривающий применение штрафных санкций к юридическим и физическим лицам, осуществляющим экспорт товаров и технологий двойного назначения в обход существующих норм и правил.

Таким образом, действуя в интересах национальной безопасности, Россия еще раз наглядно демонстрирует твердую и последовательную приверженность нераспространению, подкрепляя собственную принципиальную линию конкретными действиями по совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики. (О мерах, предпринимаемых Россией по повышению эффективности системы контроля за экспортом товаров и технологий двойного назначения. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 30 мая 2002.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ И БИОЛОГИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Состоялось заседание Госкомиссии по химическому разоружению

25 июля в Москве состоялось заседание Государственной комиссии по химическому разоружению. Один из вопросов, рассматриваемых на заседании, касался подготовки к вводу в эксплуатацию в пос.

Горный первого в России объекта по уничтожению химического оружия.

Генеральный директор Российского агентства по боеприпасам Зиновий **Пак**, комментируя ход подготовки к эксплуатации объектов в Горном, заявил, что в настоящий момент стоимость этого объекта приближается к 5 млрд руб. Далее Зиновий Пак добавил: «На уничтожение химического оружия на объекте в Горном в 2003 г. будет затрачено 800 млн руб.». Российское агентство по боеприпасам рассчитывает эксплуатировать объект в Горном два года, и, как отметил г-н Пак, за это время сумма финансирования для уничтожения отравляющих веществ – а именно иприта, люизита и ипритно-люизитных смесей, которые располагаются в Горном, – составит около 2 млрд руб. Всего в поселке Горный находится 2,9% всех запасов химического оружия России.

Председатель Госкомиссии, полномочный представитель президента РФ в Приволжском федеральном округе Сергей **Кириенко** напомнил журналистам, что в начале 2002 г. Государственная комиссия приняла решение обратиться к Счетной палате РФ, Главному контрольному управлению президента РФ и аппарату Совета безопасности России с просьбой провести комплексные проверки финансирования процесса химического разоружения в России. По словам председателя Государственной комиссии по химическому разоружению, акты проверки получены и даны соответствующие поручения

ответственным работникам федеральных министерств и ведомств по устранению выявленных нарушений. Эта работа продолжится, и в ноябре повторно будет вынесен на заседание Государственной комиссии вопрос о контроле за процессом уничтожения химического оружия, как подчеркнул Сергей Кириенко.

Комментируя ход строительства других объектов по уничтожению химического оружия, Сергей Кириенко сказал: «Мы приняли решение готовить альтернативный вариант финансирования строительства промышленной зоны объекта по уничтожению химического оружия в поселке Щучье Курганской области. Дело в том, что есть политическая договоренность с американскими коллегами о финансировании этих работ. В частности, в бюджет США заложено на эти цели в 2002 г. 50 млн долл. и в 2003 г. – 130 млн долл. Тем не менее финансирование пока не идет. На тот случай, если американские коллеги сорвут выполнение своих обязательств, мы готовим вариант финансирования строительства объекта в Щучьем из бюджета России. Но я бы не хотел пока распространяться на эту тему, потому что надеюсь, что все договоренности американцами будут выполнены». (Сергей Кириенко: рабочий срок пуска в эксплуатацию завода по уничтожению химического оружия в поселке Горный – 12 августа. Пресс-служба полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе. 25 июля 2002.)

В МИРЕ

• Китай

Китай испытал новую баллистическую ракету

23 июля представители разведсообщества США сообщили, что Китай в начале июля с.г. провел летные испытания баллистической ракеты средней дальности (БРСД) *Дунфэн-21* (CSS-5 по классификации НАТО), которая несла многочисленные ложные боеголовки. Эта БРСД была запущена с ракетной базы на юге Китая. Аналитики разведки заявляют, что присутствие на испытанной ракете большого числа ложных боеголовок является свидетельством того, что китайские военные готовятся к преодолению региональных систем противоракетной обороны в Азии вроде тех, над которыми в настоящее время работают Япония и Соединенные Штаты Америки.

Разведывательные спутники США отслеживали полет ракеты *Дунфэн-21* с момента старта и до падения в западной части Китая. Она пролетела около 2000 км. Представитель ЦРУ США от комментариев в связи с появившимся сообщением об испытаниях китайской ракеты воздержался.

Китай с конца 1990-х гг. осуществляет замену своего арсенала устаревающих баллистических ракет промежуточной дальности (БРПД) *Дунфэн-3* (CSS-2) на более совершенные ракеты *Дунфэн-21*. Полагают, что испытанная ранее в этом месяце ракета являлась усовершенствованным вариантом *Дунфэн-21*. Она способна нести ядерную головную часть мощностью до 300 кт. Но может оснащаться и головной частью в обычном снаряжении.

Ричард **Фишер**, специалист по вооруженным силам Китая, заявил, что *Дунфэн-21* является основной ракетной системой Китая для использования против вооруженных сил США в Азии или против Тайваня. Г-н Фишер отметил, что головная часть ракеты оснащена высокоточной системой наведения, вероятно использующей данные спутников Глобальной системы определения координат (GPS). (Билл Герц. Китай испытал новую баллистическую ракету средней дальности со средствами преодоления противоракетной обороны. *Washington Times*, перевод *Inosmi.ru*. 23 июля 2002.)

- **Япония**

Представитель правительства Японии заявляет о возможности отказа от неядерного статуса

Япония, высоко оценившая российско-американский Договор о сокращении стратегических потенциалов и призывавшая к сдержанности Индию и Пакистан, балансирующие на грани ядерной войны, **31 мая** поразила мир: один из ее высокопоставленных чиновников сделал заявление о возможности отказа страны от безъядерного статуса. Генеральный секретарь кабинета министров Ясуо **Фукуда** на пресс-конференции сказал, что, хотя «у Японии нет ракет большой дальности и ядерных бомб, поскольку ее базовый курс предполагает действовать в пределах, допустимых для самообороны», пассивная оборона вовсе не означает юридического запрета на обладание ракетно-ядерным оружием, поэтому действующий сейчас добровольный отказ от него Японии – не более чем политическое решение, которое может быть пересмотрено. В тот же день г-н Фукуда заявил о возможности пересмотра так называемых «трех неядерных принципов» (не обладать, не производить и не ввозить ядерное оружие), провозглашенных Токио в 1960 г.

Эти заявления, уже вызывавшие резкую критику в Китае и Корее, были в срочном порядке дезавуированы премьер-министром Японии Дзюньитиро **Коидзуми**. Выступая перед журналистами в Сеуле, г-н Коидзуми заверил, что «кабинет сохранит три неядерных принципа». Оппозиция в лице парламентских фракций социал-демократической, демократической, либеральной и коммунистической партий 3 июня на

экстренном совещании приняла решение добиваться проведения экстренных слушаний в присутствии премьера и потребовала отставки Ясуо Фукуды, пригрозив в противном случае бойкотировать обсуждение в парламенте ряда правительственных законопроектов.

Ясуо Фукуда поспешил заявить, что он выразил лишь свое личное мнение, которое к тому же было неверно истолковано: «Любое японское правительство немедленно слетит, как только заявит о пересмотре неядерных принципов». Сейчас оппозиция постарается сделать все, чтобы эти слова оказались пророческими, хотя бы для самого г-на Фукуды. (Андрей Иванов. Япония не поступается принципами. *Коммерсант*. 4 июня 2002.)

Комментируя заявление японского политика о возможности приобретения Японией ядерного оружия, официальный представитель МИД РФ Александр **Яковенко** заявил, что «провозглашенные японским парламентом “три неядерных принципа” на протяжении многих лет позитивно воспринимались в мире как свидетельство реалистического характера внешней политики Японии».

Как отметил г-н Яковенко, «нынешнее заявление официального представителя правительства Японии о возможности пересмотра в будущем этих принципов вызывает понятную озабоченность. Япония – крупная мировая держава, единственная жертва атомных бомбардировок – всегда была в первых рядах сторонников ядерного разоружения. Сейчас, когда эта проблема приобрела особую актуальность и ведущие ядерные державы делают шаги в сторону сокращения своих ядерных потенциалов, подобные заявления японских официальных представителей, на наш взгляд, не способствуют укреплению режима нераспространения и выглядят явным анахронизмом». (Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос информационного агентства *Киодо Цусин* в связи с заявлениями ведущих японских политиков о готовности руководства Японии в будущем пересмотреть «три основополагающих неядерных принципа». *Департамент информации и печати МИД РФ*. 2 июня 2002.)

ДУМА И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О новых договоренностях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки по вопросам стратегической стабильности»

Принято постановлением Государственной Думы № 2881-III ГД от 14 июня 2002 г.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации с сожалением констатирует, что 13 июня 2002 года прекращает действие Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года (Договор по ПРО). Решение Соединенных Штатов Америки от 13 декабря 2001 года об одностороннем выходе из Договора по ПРО остается крупной политической ошибкой, способной нанести серьезный ущерб международной безопасности. Стремление США утвердить приоритет односторонних действий в стратегической области в обход международных соглашений не может не вызывать обеспокоенность у депутатов Государственной Думы и требует принятия руководством Российской Федерации дополнительных мер по обеспечению безопасности государства.

Государственная Дума отмечает, что в соответствии с Федеральным законом «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (Договор СНВ-2) вступление его в силу обусловлено соблюдением США Договора по ПРО и ратификацией США документов в связи с Договором по ПРО. Односторонний выход Соединенных Штатов Америки из Договора по ПРО, а также их отказ ратифицировать указанные документы делает невозможным вступление в силу Договора СНВ-2. В сложившейся ситуации Российская Сторона вправе считать себя свободной от выполнения всех обязательств по Договору СНВ-2.

Подписание 24 мая 2002 года в ходе визита в Москву Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении

стратегических наступательных потенциалов (далее – Договор СНП) и Декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки позволяет уменьшить ущерб, нанесенный стратегической стабильности и безопасности Российской Федерации в результате одностороннего выхода США из Договора по ПРО.

Договор СНП не накладывает каких-либо дополнительных ограничений на планы развития стратегических ядерных сил Российской Федерации и позволяет России осуществлять их модернизацию с максимальной экономической эффективностью. Договор СНП не противоречит уже утвержденным программам модернизации стратегических ядерных сил Российской Федерации, включая сохранение в боевом составе межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Это дает возможность Российской Федерации своевременно реагировать на шаги США по развертыванию систем ПРО. В этой связи Государственная Дума считает приоритетным финансирование программ модернизации стратегических ядерных сил Российской Федерации. При этом главной из них является ускоренное оснащение стратегических ядерных сил Российской Федерации ракетными комплексами *Тополь-М*.

Вместе с тем Договор СНП не содержит четкий график сокращений ядерных сил Сторон. Срок исполнения обязательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки иметь 1700–2200 оперативно развернутых боезарядов наступает фактически только в последний день действия указанного Договора. Отсутствие требований об обязательной ликвидации носителей или о переоборудовании платформ, а также сохранение большого резерва ядерных боезарядов дает США возможность быстро и скрытно наращивать количество оперативно развернутых ядерных сил. Особую обеспокоенность у депутатов Государственной Думы вызывает тот факт, что в 2009 году прекращает действие Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года (Договор СНВ-1), а также

предусмотренные в нем процедуры проверки, применяемые в целях Договора СНП.

В совокупности эти факторы могут привести к росту недоверия Сторон относительно соблюдения взаимных обязательств и, как следствие, ослабить их заинтересованность в осуществлении заявленных сокращений стратегических ядерных сил. Ключевое значение для ратификации Государственной Думой Договора СНП приобретает скорейшее достижение дополнительных договоренностей между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки по обеспечению транспарентности и предсказуемости сокращений стратегических наступательных потенциалов.

Государственная Дума выражает надежду, что предусмотренное московскими договоренностями от 24 мая 2002 года продолжение российско-американского диалога по вопросам контроля над ядерными вооружениями позволит в ближайшее время начать практическую работу по формированию эффективной системы мониторинга сокращения ядерных боезарядов в соответствии с положениями Договора СНП. Государственная Дума призывает Стороны в кратчайшие сроки выработать реалистичный график сокращений своих стратегических потенциалов в соответствии с целями Договора СНП и оставляет за собой право внести в проект федерального закона о ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов положения, которые позволили бы обеспечить предсказуемость реальных сокращений стратегических ядерных сил США.

Московские договоренности от 24 мая 2002 года подтверждают обязательства России и США как государств-депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по дальнейшему сокращению своих ядерных арсеналов и тем самым укрепляют режим нераспространения ядерного оружия. Целям нераспространения ядерного оружия отвечала бы также полная ликвидация Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией избыточных боезарядов, подлежащих

демонтажу в соответствии с положениями Договора СНП. Государственная Дума отмечает, что отказ США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) подрывает международный режим нераспространения ядерного оружия.

Договор СНП и Декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки закрепляют взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений на основе формулы, зафиксированной в совместном заявлении Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегическим вопросам 22 июля 2001 года в Генуе. Государственная Дума выражает обеспокоенность тем, что США отказываются брать на себя какие-либо обязательства по ограничению масштабов будущей оборонительной системы, и призывает Стороны выработать процедуры взаимного обмена информацией о проводимых испытаниях систем ПРО, посещениях объектов ПРО, а также другие меры по повышению транспарентности в данной области. По мнению депутатов Государственной Думы, целесообразно реально оценить возможности российско-американского сотрудничества по созданию и развертыванию систем ПРО. Принципиально важным остается обеспечение защиты конфиденциальной информации о российских разработках в области противоракетной обороны.

Государственная Дума выражает готовность к продолжению консультаций с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Правительством Российской Федерации по всем аспектам ратификации Договора СНП, а также дальнейшим перспективам российско-американского диалога по вопросам контроля над ядерными вооружениями. (Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О новых договоренностях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки по вопросам стратегической стабильности». *Парламентская Газета*. 29 июня 2002.)

Документы

**ЗАЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРОВ «ВОСЬМЕРКИ».
ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО «ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО
УНИЧТОЖЕНИЯ**

Нападения 11 сентября продемонстрировали готовность террористов использовать любые средства, чтобы создать атмосферу террора и вызвать массовую гибель невинных людей. Мы привержены задаче предотвращения того, чтобы террористы или те, кто их укрывает, смогли приобрести либо разработать ядерное, химическое, радиологическое или биологическое оружие, ракеты, а также соответствующие материалы, оборудование и технологии. Мы призываем все страны присоединиться к нам в принятии свода принципов нераспространения, о которых мы объявили сегодня.

В качестве крупной инициативы по претворению в жизнь этих принципов мы также приняли сегодня решение учредить новое Глобальное Партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения. В рамках этой инициативы мы окажем поддержку конкретным проектам сотрудничества, первоначально в России, для решения вопросов нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности. Среди наших первоочередных задач – уничтожение химического оружия, утилизация списанных ядерных подводных лодок, а также расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников. Мы принимаем обязательство ассигновать до

20 миллиардов долларов на такие проекты в течение следующих десяти лет. Страны, вносящие вклад в данное Глобальное Партнерство, смогут воспользоваться рядом вариантов финансирования, включая возможность использования конверсии двустороннего долга в целях осуществления программ. Мы приняли свод основных направлений, который станет основой для переговоров по конкретным соглашениям о новых проектах, к которым этот свод будет сразу же применяться, чтобы обеспечить их эффективную и действенную разработку, координацию и реализацию. В течение следующего года мы рассмотрим эти основные направления на предмет их применимости к уже существующим проектам.

Исходя из того, что Глобальное Партнерство укрепит международную безопасность и стабильность, мы приглашаем другие страны, которые готовы принять эти совместные принципы и основные направления, вступить с нами в обсуждения относительно участия в данной инициативе и вклада в нее. На нашем следующем саммите в 2003 году мы рассмотрим ход выполнения настоящего Глобального Партнерства.

Канада, Кананаскис
27 июня 2002 г.

**ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО «ВОСЬМЕРКИ»:
ПРИНЦИПЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДОСТУПА
ТЕРРОРИСТОВ ИЛИ ТЕХ, КТО ИХ УКРЫВАЕТ, К ОРУЖИЮ ИЛИ
МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ**

«Восьмерка» призывает все страны присоединиться к ней в приверженности следующим шести принципам, направленным на недопущение того, чтобы террористы или те, кто их укрывает, приобретали или разрабатывали ядерное, химическое, радиологическое или биологическое оружие; ракеты; а также связанные с ними материалы, оборудование и технологии.

1. Способствовать принятию, универсализации, полному осуществлению и, когда это необходимо, усилению многосторонних

договоров и других международных инструментов, целью которых является предотвращение распространения или незаконного приобретения этих предметов; усилить институты, которые предназначены для реализации этих инструментов.

2. Разработать и осуществлять соответствующие эффективные меры отчетности и обеспечения безопасности для таких предметов при производстве, использовании, хранении, внутренних и международных перевозках; оказать помощь

государствам, не имеющим достаточных ресурсов для введения отчетности по таким предметам и обеспечения их безопасности.

3. Разработать и осуществлять соответствующие эффективные меры физической защиты, включая эшелонированную оборону, в отношении объектов, на которых хранятся такие предметы; оказать помощь государствам, не имеющим достаточных ресурсов для обеспечения защиты собственных объектов.

4. Разработать и осуществлять эффективные меры пограничного контроля, деятельность в правоохранительной области и в области международного сотрудничества с целью обнаружения, недопущения и запрещения случаев незаконного оборота таких предметов, например путем установки систем обнаружения, подготовки служащих таможенных и правоохранительных органов и развития сотрудничества в отслеживании таких предметов; оказать помощь государствам, не имеющим достаточного опыта или ресурсов, в укреплении их потенциала в области обнаружения, недопущения и запрещения случаев незаконного оборота таких предметов.

5. Разработать, пересмотреть и осуществлять эффективные меры по контролю за

национальным экспортом и перевалкой предметов, включенных в списки многостороннего режима экспортного контроля, а также предметов, которые не включены в подобные списки, но могут, тем не менее, способствовать разработке, производству или использованию ядерного, химического и биологического оружия и ракет, при уделении особого внимания аспектам конечного пользования, всеобъемлющего контроля и посредничества; оказать помощь государствам, не имеющим законодательной и регулирующей инфраструктуры, опыта реализации и/или ресурсов, необходимых для разработки соответствующей системы контроля за экспортом и перевалкой.

6. Предпринять и активизировать усилия по управлению запасами расщепляющихся материалов, определенных как более не требуемые для целей обороны, и их ликвидации, уничтожить все химическое оружие и свести к минимуму запасы опасных биологических возбудителей болезней и токсинов, основываясь на признании того, что угроза приобретения террористами таких материалов уменьшается вместе с сокращением их общего количества.

Канада, Кананаскис
27 июня 2002 г.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО «ВОСЬМЕРКИ»: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ НОВЫХ И РАСШИРЕННЫХ ПРОЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

Страны «восьмерки» будут осуществлять партнерство на двусторонней и многосторонней основе в целях разработки, координации, реализации и финансирования в соответствии с имеющимися средствами новых или расширенных проектов сотрудничества для решения вопросов (I) нераспространения, (II) разоружения, (III) борьбы с терроризмом и (IV) ядерной безопасности (включая экологическую), а также с целью укрепления стратегической стабильности, соответствующей нашим целям по обеспечению международной безопасности, и в поддержку многосторонних режимов нераспространения. Каждая страна несет основную ответственность за выполнение своих обязательств и требований в сферах нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и ядерной безопасности и берет на себя обязательство всецело сотрудничать в рамках Партнерства.

Проекты сотрудничества данной инициативы будут определяться и осуществляться с учетом международных обязательств и национальных законодательств участвующих в проектах партнеров в рамках двусторонних и многосторонних правовых основ, которые, при необходимости, будут включать следующие элементы:

(I) Потребуется взаимно согласованные меры и процедуры эффективного мониторинга, аудита и транспарентности в целях обеспечения соответствия совместных усилий согласованным задачам (включая, при необходимости, необратимость) и подтверждения эффективности работы, установления отчетности за расходуемые средства и предоставления адекватного доступа представителей доноров на объекты;

(II) Проекты будут осуществляться в соответствии с экологическими нормами и будут отвечать самым высоким нормам безопасности;

(III) Для каждого проекта будут четко определены этапы реализации, включая возможность приостановки или прекращения проекта, в случае если эти этапы не будут достигнуты;

(IV) Материалы, оборудование, технологии, услуги и квалификационные навыки будут предоставляться исключительно для использования в мирных целях и, при отсутствии других договоренностей, только в целях осуществления данных проектов и не будут являться предметом передачи. Также будут применяться адекватные меры физической защиты для предотвращения краж или актов саботажа;

(V) Все правительства предпримут необходимые шаги для обеспечения того, чтобы предоставляемая помощь считалась безвозмездным техническим содействием и была освобождена от налогов, пошлин, сборов и других выплат;

(VI) Приобретение товаров и услуг будет осуществляться, насколько это возможно, в соответствии с международной практикой открытости и с учетом требований национальной безопасности;

(VII) Все правительства предпримут необходимые шаги для обеспечения того, чтобы странам-донорам, их персоналу и подрядчикам обеспечивалась защита по искам, связанным с таким сотрудничеством;

(VIII) Представителям госучреждений стран-доноров, работающим в рамках проектов сотрудничества, будут предоставляться соответствующие привилегии и иммунитеты;

(IX) Будут приняты меры по обеспечению эффективной защиты чувствительной информации и интеллектуальной собственности.

Учитывая широту и масштаб предстоящей деятельности, страны «восьмерки» создадут соответствующий механизм для ежегодного обзора продвижения этой инициативы, который может включать проведение консультаций по вопросам приоритетов,

определения недостатков и потенциального дублирования проектов, а также оценку соответствия проектов сотрудничества обязательствам и задачам в области международной безопасности. Осуществление конкретных двусторонних и многосторонних проектов будет координироваться в зависимости от соответствующих договоренностей по проектам, включая существующие механизмы.

Для целей настоящих основных направлений фраза «новые или расширенные проекты сотрудничества» означает проекты сотрудничества, которые будут начаты или расширены на основе данного Глобального Партнерства. Все денежные средства, выделенные или направленные после объявления о нем, будут включены в общую сумму обязательств. Страны, вносящие вклад в данное Глобальное Партнерство, смогут воспользоваться рядом вариантов финансирования, включая возможность использования конверсии двустороннего долга в целях осуществления программ.

Глобальное Партнерство будет первоначально географически фокусироваться на проектах в России, которая несет основную ответственность за выполнение своих обязательств, а также требований в рамках Партнерства.

Кроме того, страны «восьмерки» хотели бы вступить в переговоры с любыми другими странами-получателями, включая бывшие республики Советского Союза, которые будут готовы принять данные основные принципы для того, чтобы вступить в Партнерство.

В связи с тем, что Глобальное Партнерство призвано укрепить международную безопасность и стабильность, «восьмерка» приглашает другие стороны внести свой вклад в данную инициативу и присоединиться к ней.

Что касается ядерной безопасности, то партнеры согласились создать новую группу «восьмерки» по ядерной безопасности к нашему следующему саммиту.

Канада, Кананаскис
27 июня 2002 г.

Источник: Информационный бюллетень
Министерства иностранных дел. 1 июля 2002.

Интервью**СЭМ НАНН: «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И РОССИЯ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ИНИЦИАТИВУ В СОЗДАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА»**

За десять лет действия программы Нанна–Лугара России и странам СНГ была предоставлена международная помощь, которая способствовала решению ряда критически важных проблем и выполнению необходимых работ. «Самым большим успехом [программы за прошедшие годы] стало то, что удалось убедить Украину, Казахстан и Белоруссию отказаться от ядерного оружия, которое они унаследовали от Советского Союза», – заявил Сэм Нанн, сопредседатель фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», в беседе с главным редактором журнала «Ядерный Контроль» Владимиром Орловым.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Большинство людей в России теперь согласны, что программа Нанна–Лугара (под этим названием в России известны такие программы иностранного содействия в области нераспространения, как программа Совместного уменьшения угрозы, программа ФЗУК ЯМ и др.) отвечает российским национальным интересам. Объясните, пожалуйста, почему Вы полагаете, что поддержание и, возможно, расширение этой программы отвечает и национальным интересам США?

НАНН: В интересах национальной безопасности Соединенным Штатам крайне необходимо быть уверенными в том, что опасные оружие и материалы – где бы они ни находились – хорошо охраняются и не попадут в руки самых опасных людей в мире. В то время, когда Россия сталкивается с серьезными экономическими и социальными вызовами, Соединенные Штаты, безусловно, заинтересованы в предоставлении России необходимых ресурсов, чтобы помочь поддерживать и улучшать систему безопасного хранения оружия и материалов для его создания, оставшихся от советского арсенала времен холодной войны. Мы не можем позволить себе упустить из виду тот факт, что террористы и некоторые государства стремятся завладеть оружием массового уничтожения, и мы должны вместе стремиться к тому, чтобы остановить их.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Сейчас, по прошествии десяти лет после начала программы Нанна–Лугара, что бы Вы назвали ее самым большим успехом в деле ядерного нераспространения?

НАНН: Я полагаю, что самым большим успехом стало то, что удалось убедить Украину, Казахстан и Белоруссию отказаться от ядерного оружия, которое они унаследовали от Советского Союза. Это дало возможность уничтожить больше ядерного оружия, чем содержалось в ядерных арсеналах Китая, Франции и Великобритании вместе взятых, и не позволило новым независимым государствам «держать палец на ядерной кнопке». И, что не менее важно, этот успех доказывает, что Россия и Соединенные Штаты могут сотрудничать в целях достижения впечатляющих изменений и улучшения положения в сфере глобальной безопасности. Необходимо, чтобы мы нашли новые, творческие возможности для развития этого сотрудничества перед лицом опасности терроризма, который может привести к катастрофическим последствиям.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Усилия по уменьшению риска «мегатерроризма» были объявлены одним из главных вопросов американо-российских отношений в сфере безопасности, основанных на новом стратегическом партнерстве. Какие практические действия, по Вашему мнению, должны быть предприняты Соединенными Штатами, Россией и нашими странами совместно в этом отношении в ближайшем будущем?

НАНН: Я согласен с вашей оценкой и добавил бы, что предотвращение распространения и использования ядерного, биологического и химического оружия должно стать главным организующим принципом безопасности, и оно должно объединить усилия обеих наших стран в XXI веке. Я полагаю, что Соединенным Штатам и России следует взять на себя инициативу в создании глобальной

коалиции против терроризма, ведущего к катастрофическим последствиям. Самая большая опасность XXI века – это угрозы, с которыми сталкиваются все страны, но ни одна не способна устранить их собственными силами. Приобретение оружия и материалов для его производства – наиболее трудный для террористов этап [подготовки теракта с использованием ОМУ. – *Прим. перев.*] и наиболее легкий этап для нас – чтобы остановить их. И наоборот, каждый последующий шаг в этом процессе все легче для террористов и все тяжелее для нас.

Коалиция, как я ее вижу, должна начинать формироваться с России и Соединенных Штатов, а затем быстро расширяться и включать другие страны Европы, Японию, Канаду, Китай, Индию и Пакистан. В эту коалицию должны входить все государства, обладающие ядерным оружием и материалами для его производства. Мы должны помнить, что уже накоплено почти 20 тонн высокообогащенного урана в 345 гражданских исследовательских центрах в 58 странах, но на данный момент не существует никаких международных стандартов по обеспечению безопасности этих ядерных материалов в пределах страны. Под руководством США и России мы сможем помочь каждому государству, обладающему ядерными материалами, принять стандарты и осуществить совместные программы по обеспечению контроля, охраны и безопасности ядерных материалов. Такая коалиция могла бы также предпринять действия по ужесточению пограничного и экспортного контроля и подготовить международные команды для работы на случай осуществления террористами ядерного

взрыва или потери контроля над ядерным оружием или материалами.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что, по Вашему мнению, частный фонд «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» должен добавить к международным усилиям по сокращению угроз распространения в странах бывшего Советского Союза?

НАНН: «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI) – это благотворительная организация, работа которой направлена на уменьшение глобальных угроз от ядерного, биологического и химического оружия. В настоящее время NTI в сотрудничестве с Минатомом России предпринимает усилия, чтобы оценить возможность ускорения и расширения работы по разбавлению ВОУ, извлеченного из демонтированного российского ядерного оружия. NTI проводит подобную деятельность в Казахстане, направленную на то, чтобы собрать и обеднить ВОУ, находящийся в исследовательских реакторах. NTI также финансирует совместные работы – к моему удовлетворению, ПИР-Центр активно участвует в них – научно-исследовательских институтов США, России и других европейских стран с целью увеличения европейского участия в совместных действиях по сокращению ядерной угрозы в России и бывшем Советском Союзе. Частью этих усилий может стать дальнейшее изучение возможности списания доли российского долга, унаследованного от Советского Союза, взамен на обязательство России выделить более значительные ресурсы на повышение безопасности ее объектов, где хранится ядерное оружие и материалы для его изготовления.

Анализ**МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: АРЕНА СОПЕРНИЧЕСТВА ИЛИ ПУТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА?****Александр Федоров**

В последнее десятилетие резко проявилась и встала в один ряд с проблемой нераспространения ОМУ проблема международной информационной безопасности. Ведутся серьезные разговоры об информационном противостоянии, информационном оружии как оружии XXI века, по потенциальной эффективности оставляющем далеко позади все известные виды оружия массового поражения. На создание средств защиты информации и средств преодоления уже созданных средств защиты тратятся миллиардные суммы. Ведущие страны мира включают в свои военные доктрины, концепции национальной безопасности, законодательные системы и уголовные законодательства статьи, направленные на противодействие информационным угрозам как отдельной личности, так и государству. В связи с тем, что компьютерная преступность приобрела международный характер, Евросоюз разработал Конвенцию по киберпреступности и 23 ноября 2001 г. открыл ее для подписания; странами «большой восьмерки» в повестки дня Римской и Лионской групп внесены вопросы противодействия кибертерроризму и киберпреступности.

Основываясь на материалах последних четырех сессий ГА ООН¹, можно констатировать, что международная информационная безопасность признана как самостоятельная общемировая проблема, а ее обеспечение как одно из необходимых условий существования человеческого сообщества в «информационный век»².

Инициатором вынесения этого вопроса на международный уровень стала Российская Федерация³. Однако реакция на российские инициативы оказалась неоднозначной и их путь к признанию – непростым.

Два подхода к определению информационной безопасности

Информационные технологии, являясь в основном мирными, коренным образом меняют военную составляющую безопасности: как ее теорию, влияя на военное искусство (размывая считавшиеся устоявшимися понятия, в частности, предвоенного и начального периода войны), так и практику, значительно повышая

эффективность применения других видов оружия. Надо прямо признать, что даже паритет ядерных сил в настоящее время во многом зависит от паритета в информационных технологиях: превосходство в последних может привести к созданию средств, позволяющих нарушать командные коды или процедуры и сделать системы управления ненадежными или неработоспособными. Нарушение информационного обмена или информационных потоков в критических областях (транспорт, связь, энергоснабжение, чрезвычайные ситуации и т.д.), а также вмешательство в них с целью дезорганизации могут нарушить экономические или военные отношения между странами и вызвать ответные действия. К серьезным политическим и экономическим последствиям могут привести успешные психологические операции с применением информационных технологий. Вследствие всего этого информационная сфера государства в случае возникновения войны становится наиболее вероятной целью воздействия информационными же средствами. Соответственно возник и развивается новый феномен безопасности – информационная безопасность, чаще всего выступающий как частный вид общей безопасности личности, общества, государства.

Пожалуй, главным фактором в этом формирующемся феномене является то, что изменилось понимание самой безопасности. Прежние, строившиеся на принципе иерархии угроз системы безопасности, вершиной которых была военная область (и с ней же в основном и ассоциировалось понятие «безопасность»), а другие области занимали подчиненное положение, перестают соответствовать реальным системам угроз. Адекватным разрешением этого противоречия является отказ от традиционной, ориентированной на военный аспект иерархии в системе безопасности и признание невоенных сфер деятельности общества в качестве факторов безопасности наряду с военными сферами, т.е. система безопасности представляется не в виде пирамиды, а в виде сети. При этом в центре (а не на вершине!) любой из таких систем будет связывающая все остальные ее элементы информационная безопасность.

Угрозу безопасности личности, обществу или государству (группе стран) можно в широком смысле определить как то, что в конечном счете существенным образом может ограничить или нанести ущерб имеющемуся уровню самостоятельности (т.е. способности на основе независимо принимаемых решений достигать своих целей, исходя из собственных фундаментальных ценностей и функций) данной личности, общества или государства. При таком определении становится очевидным, что сила, и в частности военная сила, традиционно рассматриваемая как основной инструмент политики безопасности, может быть использована лишь в ограниченном и узко определенном множестве случаев. А тогда критерием значимости разных форм деятельности в различных общественных сферах является их способность обеспечить достижение обществом целей, определяемых его собственной системой ценностей.

Приведенные рассуждения справедливы и в отношении частных видов безопасности, в том числе информационной⁴.

Таким образом, сформировались два различных взгляда на проблему обеспечения информационной безопасности: более узкий (традиционный), предусматривающий предотвращение только физического ущерба информационному потенциалу

(информационным массивам, системам и сетям) вследствие применения любых вооружений, и более широкий, основанный на сформулированном выше понятии угрозы безопасности и не ставящий во главу угла только защиту от военного или другого разрушающего воздействия. В целом именно к этому сводятся в своей основе расхождения двух основных подходов к проблеме международной информационной безопасности, главными выразителями которых, к сожалению пока в противостоянии друг другу (как ниже будет показано, ничем, кроме как политическими интересами, не обоснованном), вновь являются Россия и Соединенные Штаты Америки.

Сравним подходы аналитиков в России и США к понятиям «информация» и «информационная безопасность»⁵ (см. таблицу).

Определения этих двух понятий в любом их изложении до сих пор не являются устоявшимися и общепринятыми. Почему это относится к первому, ясно: к сожалению, до сих пор не удастся до конца точно определить это фундаментальное понятие⁶. Столь же ли объективны трудности во втором случае?

Есть у этих понятий и принципиальное отличие. Если первое определяет сам предмет, то второе характеризует его конкретное состояние, причем в определенных внешними

Информация

В России	В США
1. Сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми. 2. Уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений. 3. Сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик. 4. Передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы) ⁷ .	1. Факты, данные или сообщения в любых условиях или форме. 2. Значение, которое человек придает данным на основе известных соглашений, используемых при их представлении ⁸ .

Информационная безопасность

В России	В США
Состояние защищенности основных интересов личности, общества и государства в информационном пространстве ⁹ , включая информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию в отношении таких ее свойств, как целостность, объективность, доступность и конфиденциальность ¹⁰ .	Обеспечение защиты информации и информационных систем от неавторизованного доступа или изменения информации при ее хранении, обработке или передаче и противодействие отказу от обслуживания авторизованных пользователей или обеспечению обслуживания неавторизованных пользователей. Информационная безопасность включает необходимые меры определения, документирования и предотвращения таких угроз. Информационная безопасность состоит из компьютерной безопасности и безопасности сетей связи ¹¹ .

обстоятельствами условиях потенциального или актуального воздействия на предмет извне. И в этом «основной узел», связывающий абсолютное понятие с вне его находящейся активностью субъекта. Именно эта сторона понятия информационной безопасности дает возможность использовать его в политических целях, в интересах определенных стран и групп.

Анализ рассмотренных фундаментальных понятий способствует адекватному восприятию процесса становления информационной безопасности как самостоятельной проблемы и ее выхода на международный уровень.

В принципе, защита информационного ресурса в ее конкретно-исторических формах — проблема вечная, существующая так же объективно, как и ее контртип — стремление к получению информации, необходимой для оптимизации стратегии деятельности субъекта, общества, государства в соответствующей системе. И в этом смысле замечание Лисой своих следов также может рассматриваться как защита информации¹², не говоря уж о мимикрии и защитной окраске у насекомых. То есть защита своей информации (как и стремление к получению чужой) является неотъемлемой функцией субъекта, существующего в динамической, саморазвивающейся системе с разнонаправленными интересами ее участников. Причина в том, что основой коммуникативности субъектов является способность к обмену информацией, которую они используют в своих стратегиях обеспечения жизненных интересов и определения своего положения в этой системе. Следовательно, в общем смысле никоим образом нельзя говорить о проблеме информационной безопасности как о принципиально новой и связывать ее только с развитием информатики и электронных средств передачи и хранения данных¹³.

В этом выводе снова проявляется противоречие двух позиций, олицетворяемых российским и американским подходами к проблеме и ее разрешению. В чем разница этих подходов? И столь ли уж они различны?

Подходы к вопросу информационной безопасности нашли отражение в основных концептуальных документах и России, и США. Пересмотрев свои военные приоритеты и национальные интересы в сфере безопасности, обе страны подняли на стратегический уровень задачу защиты

информационных ресурсов. Но пути защиты выбраны неодинаковые. Качественно оценить уровень и акцентуацию в подходах стран к этой проблеме можно, в частности, по материалам, представленным ими Генеральному секретарю ООН в соответствии с резолюцией 53/70 Генеральной Ассамблеи ООН.

Позиция России¹⁴ в этих материалах отражается, в частности, в следующих утверждениях: «...Создается реальная угроза использования достижений в информационной сфере в целях, несовместимых с задачами поддержания мировой стабильности и безопасности, соблюдения принципов суверенного равенства государств, мирного урегулирования споров и конфликтов, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, уважения прав и свобод человека... В этой связи возникает очевидная потребность в международно-правовом регулировании мировых процессов гражданской и военной информатизации, разработке отвечающей интересам мировой безопасности согласованной международной платформы по проблеме информационной безопасности»¹⁵.

А вот как в тексте доклада Генерального секретаря ООН на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи была отражена позиция США¹⁶: «Соединенные Штаты также полагают, что любое незаконное вмешательство или попытка нарушить или изменить любой аспект их национальных информационных систем представляет собой потенциальную опасность для основных объектов их национальной инфраструктуры, а значит, и угрозу их национальным интересам... Соединенные Штаты полагают, что всем государствам следует принять на национальном уровне меры, необходимые как для охраны их национальных систем, так и для обеспечения того, чтобы преступники или международные террористы, ... которые пытаются нарушить функционирование этих систем, карались бы за это по всей строгости закона»¹⁷.

Здесь, как и при сравнении определений понятий «информация» и «информационная безопасность», обращает на себя внимание то, что США рассматривают в качестве объектов информационной угрозы только информационные системы. Если в российском определении информации к данному понятию относится фактически все, что дает представление об объекте, то в американском принимаются во внимание только факты и

семантические значения передаваемых или получаемых (строго говоря – человеком) данных. В соответствии с этим и информационная безопасность в американской трактовке сводится к защите информационных систем, и в первую очередь компьютерных комплексов и сетей связи.

Таким образом, американская трактовка есть, по сути, лишь сужение российской. И в этом смысле американская и российская позиции непротиворечивы; можно сказать, что российская исчерпывающим образом дополняет американскую, та же, в свою очередь, благодаря своей более узко очерченной проблематике обеспечивает глубину проработки вопроса.

На самом деле такой подход американцев имеет под собой сугубо национальную основу – как ментальную (чисто американский прагматизм), так и фактическую (актуальность для США решения задачи защиты «электронной информации»). Соединенные Штаты на сегодняшний день являются общепризнанным лидером в области компьютерной обработки данных. На их долю приходится до 46% мирового парка персональных компьютеров. США являются и наиболее активным пользователем сети Интернет: за 1999 г. с территории США было зафиксировано 100 млн обращений (с территории России только 2 млн)¹⁸. Передача основной массы информационных сообщений и проведение практически всех финансовых расчетов, включая заметную часть розничных, производятся с использованием компьютерных сетей и сетей связи. Поэтому более чем оправданны беспокойства официальных лиц и аналитиков США именно за эту область своей инфосферы.

Почему актуальна проблема информационной безопасности?

В настоящее время количество существующих средств обработки информации и средств информационного воздействия стало так велико, что явно проявилась необходимость в защите первых от применения вторых. Во многих развитых странах сформировалась фундаментальная зависимость основных сфер жизнедеятельности личности, общества и государства (коммуникации и связи, экономика, политика, наука, культура, обеспечение национальной и международной безопасности и др.) от нормального обмена информацией, надежного функционирования информационных и телекоммуникационных систем, технологий и средств. Во многих

странах информация стала в значительной степени определять жизнедеятельность как общества в целом, так и отдельного человека. Отсюда и настораживающая многих перспектива: увеличение военного потенциала, прежде всего высокоразвитых стран, за счет использования в военных целях новейших информационных технологий и средств воздействия на индивидуальное и общественное сознание, т.е. того, что в последнее время принято называть информационным оружием. Это чревато изменением глобального и региональных балансов сил, дополнительной напряженностью между традиционными и нарождающимися центрами силы, появлением новых сфер конфронтации. Признано, что потенциальное разрушительное воздействие уже известных видов информационного оружия на экономику и социум в целом многократно превышает результаты применения традиционных видов оружия массового поражения. А в связи с относительной дешевизной, скрытостью производства и размещения, эффективностью применения как в военное, так и в мирное время, возможностью в большом числе случаев использовать мирные технологии в качестве информационного оружия такой способ увеличения своего военного потенциала для многих стран становится крайне заманчивым¹⁹. Имеется достаточно сведений о развертывании рядом стран целенаправленных исследований и разработок соответствующих технических средств, технологий и методик их практического применения, которые в совокупности позволили бы осуществлять непосредственный контроль над информационным ресурсом потенциального противника, а в необходимых случаях и прямо вмешиваться в него. Ведется, а в некоторых странах уже завершена разработка комплексных средств информационного противоборства с вероятными противниками и проведения информационных операций как в условиях военных конфликтов различной степени интенсивности, так и в мирное время, причем не только на стратегическом, но и на оперативном и даже тактическом, вплоть до поля боя, уровнях. Большое внимание уделяется вопросам защиты собственного информационного пространства от действия информационного оружия со стороны враждебных государств, несанкционированного воздействия на инфосферу.

Масштабы и объемы финансирования ведущихся в этих направлениях НИОКР (только на программы защиты киберпространства от криминальных и

террористических угроз в 2002 г. предусматривается выделить почти 200 млн долл., на 2003 г. запланировано в полтора раза больше²⁰) позволяют утверждать, что разработка средств ведения информационного противоборства становится неотъемлемым элементом государственной военно-технической политики. Способность отдельной страны вести войну в информационном пространстве многими «стратегами» уже рассматривается как дополнительный фактор сдерживания и обеспечения военно-политического паритета, весомость которого сравнима со сдерживающим эффектом ядерного оружия.

Так что же все-таки сулит человечеству информатизация – путь к всеобщему благосостоянию или очередной виток гонки вооружений на новом качественном уровне и новую основу для противостояния? Как и в случаях с другими видами прорывных (в смысле выхода на создание принципиально новых видов оружия) направлений науки и техники, в отношении информационных технологий такое противопоставление некорректно и бессмысленно. В определенной мере будет и то и другое. И надеяться только на возобладание разума над политическим и экономическим интересом здесь так же малоперспективно, как и в области других видов вооружений. Никто не сумел найти внешние рычаги воздействия на Израиль, Индию и Пакистан и заставить их отказаться от стремления к обладанию ядерным оружием. Мировое сообщество имеет лишь один пример добровольного ухода с дороги ядерного вооружения – ЮАР, но и в этом случае были причины внутреннего характера²¹, совершенно фиктивные в отношении оружия информационного: его применение во внутриполитических целях может быть и уже является ничуть не менее эффективным, чем в целях воздействия на противника за границами своего государства.

Благодаря своему лидерству в информационной сфере США всегда были озабочены главным образом не столько воздействием, которое оказывают информационные технологии, сколько способом их применения для оказания заданного воздействия. Лишь позднее возник вопрос о влиянии информационных технологий на общество и национальную инфраструктуру применительно к своей стране. И немедленно выяснилось, что и гражданские, и военная сферы становятся предметом террористических и криминальных посягательств.

США оказались едва ли не в первую очередь (если считать абсолютные цифры) подверженными атакам на их локальные компьютерные сети, рабочие станции и серверы, имеющие выход в глобальные сети. Так, Computer Emergency Response Team Coordination Center (CERT/CC), например, сообщает о том, что в 1997 г. было 2 134 инцидентов, в 2000 г. – 21 756 и в первые три квартала 2001 г. – почти 35 000 инцидентов.

Не всегда это были просто хакеры, но последние нанесли существенный урон как отдельным пользователям, так и всему государству. До последних лет, по разным оценкам, до 94% подобных преступлений исходило от внутренних пользователей²². По мере развития Интернета и принятия информационных технологий на вооружение политическими и преступными группировками ситуация, естественно, меняется и становится трудно анализируемой, однако, согласно одному из исследований Совета национальной безопасности США, по меньшей мере 13 стран имеют программы ведения информационной войны против США. Кроме того, американцы отмечали кибератаки со стороны китайских, французских, израильских, российских и других хакеров. По заявлению спецслужб США, им удается выявить не более 10% тех, кто предпринимает попытки незаконно проникнуть в правительственные компьютерные системы²³.

Фиксировались нападения на компьютерные сети практически всех государственных учреждений. Только по подсчетам Пентагона, его компьютерные сети «взламываются» примерно 250 тыс. раз в год, при этом не менее 500 раз это серьезные попытки проникновения в секретные системы. По оценке руководителя подразделения информационных операций военно-морских сил США Дж. Ньюмана²⁴ компьютерные сети ВМС США подвергаются атакам 12 000 раз в год, правда, лишь 0,5% из них достигают успеха. В частном секторе наиболее впечатляющим было известное хищение Санкт-Петербургским хакером В. Левиным из Нью-Йоркского «CityBank» 10 млн долл. Только в 1998 г. в США зарегистрировано (т.е. принято к уголовному рассмотрению) свыше 300 преступлений такого рода, но более мелких²⁵. В начале февраля 2000 г. в течение трех дней (с 8-го по 10-е) была проведена массированная атака на самые популярные веб-сайты в Интернете (Yahoo!, Amazon.com, CNN и др.). Кроме неудобств, созданных частным пользователям²⁶, эта акция нанесла

заметный ущерб финансовым рынкам США и способствовала резкому падению котировок акций. В результате индекс Доу Джонса рухнул почти на 260 пунктов (около 2,4%), композитный индекс электронной биржи НАСДАК не только перестал расти, но и упал более чем на 64 пункта (около 1,5%). Нападающие предприняли самый простой ход, «завалив» серверы ложными запросами. Но даже в этих условиях ФБР, перед которым президент США (!) поставил задачу разобраться, вынуждено было признаться в своей беспомощности, заявив лишь о том, что атаки проводились в разное время из разных мест, в том числе из-за рубежа²⁷.

Близкой по форме к военной была атака на целый ряд серверов государственных учреждений США, осуществленная китайскими хакерами в период разрешения конфликта в связи с захватом американского самолета в КНР и гибелью китайского летчика. Начатая как по команде и так же организованно оконченная хакерская атака привела к блокировке большого числа систем; это показало, что в информационной войне, в том числе в противоборстве с США, КНР уже представляет существенную силу.

Конечно, информационным нападениям подвергаются не только американские информационные системы. На территории Западной Европы ежегодно фиксируется до 300 проникновений хакеров в военные, государственные и коммерческие сети. Известны нападения на информационные сети Китая, Тайваня, Индии, Индонезии. Идет прямое информационное противоборство Пекина и Тайбэя²⁸, противостояние хакерских групп Армении и Азербайджана²⁹. Весной 2002 г. антиглобалистами были сдублированы сайты Всемирной торговой организации³⁰.

Не обошла чаша сия и Россию. Один из наиболее известных примеров: 12 февраля 2000 г. произошло, пусть не столь масштабное, но качественно весьма значительное проникновение в один из самых крупных российских серверов «Росбизнесконсалтинг». Взломав защиту, хакер от имени чеченских националистов поместил доступное всем клиентам обращение, содержащее призывы к физическому устранению Владимира Путина как основного виновника произошедших на Северном Кавказе событий. Еще долго головной болью российских спецслужб будет сайт «Кавказ», руководимый и наполняемый с территории США, что исключает применение

каких либо мер воздействия к его организаторам, действия которых иначе как террористические и подрывные квалифицировать трудно.

Такая ситуация вызывает беспокойство. И все страны предпринимают определенные шаги как в правовой, так и в технической сфере. В национальные уголовные законодательства внесены статьи, предусматривающие значительную ответственность за компьютерные преступления; в ряде международных организаций начаты исследования, направленные на борьбу с компьютерной преступностью. К работе по противодействию актам информационной агрессии привлечены десятки государственных ведомств. Директор ЦРУ Джордж Тенет прямо заявил, что борьба с компьютерными взломщиками является первостепенной задачей правоохранительных органов США³¹.

Опираясь на свои интересы и уже инициированную работу, Соединенные Штаты, вероятно, имели даже некоторое моральное право не поддерживать российские международные инициативы 1998–1999 гг. Не претерпела изменения их позиция и в 2000 г. Вынеся на 55-ю сессию ГА ООН собственный проект резолюции по борьбе с кибертерроризмом, США подтвердили, что они придают преобладающее значение борьбе с информационной преступностью³².

Однако можно с той же уверенностью констатировать, что, несмотря на достаточно жесткую официальную позицию Вашингтона, фактические подходы США и России к проблеме все более сближаются, и именно на основе российской позиции. И объясняется это в первую очередь ситуацией в самих Соединенных Штатах.

Так, например, в период завершения 54-й сессии ГА ООН (декабрь 1999 г.³³) в течение всего 10 дней в США проходили три представительные научные встречи, которые заслуживают самого пристального внимания. Это конференция «Международное сотрудничество в борьбе с компьютерной преступностью и терроризмом», научный семинар «Интернет и международные системы: информационная технология и американская политика принятия решений в международной сфере» и круглый стол «Информационная война и кибертерроризм: заслон кибернетическим угрозам в новом тысячелетии»³⁴. Если конференция

задумывалась как международная (что, правда, не совсем получилось – участвовало всего два неамериканца из Израиля и Норвегии), то остальные встречи были чисто национальными. Они показали, что американские ученые далеко не солидарны с дипломатами и военными. В частности, на примере косовского конфликта на семинаре с очевидностью было продемонстрировано, что существует не теоретическая возможность, а самое практическое наличие и эффективность информационного оружия. На заседании круглого стола прозвучала еще более близкая российскому пониманию проблемы сентенция: в отношении кибертерроризма было прямо указано на политическую мотивацию как обязательную характеристику этого вида преступления. Осталось лишь признать, что такие действия могут производиться в интересах не только отдельных личностей или политических групп, как это было, например, в ходе индонезийского кризиса в октябре 1999 г.³⁵, но и в интересах государств или групп государств, – и это было бы изложением российской позиции. Но пока этого не прозвучало. Впрочем, термин «информационное оружие» здесь уже воспринимался как определяющий все виды и способы воздействия на инфосферу, т.е. практически так же, как и в российской трактовке.

Тщательного изучения требуют материалы упомянутой конференции. Итоговый документ представительнейшего национального форума (конференция проводилась в рамках ежегодного Национального форума безопасности), в работе которого участвовал, в частности, Уильям Перри, в случае, если бы он стал государственным, полностью изменил бы взгляд на позицию Соединенных Штатов по вопросу международной информационной безопасности.

Уже в первых строках этого документа записано: «Транснациональный характер мировых информационных систем и их использования влечет за собой повышение значимости международных соглашений, направленных на защиту от известных методов воздействия». Далее следуют предложения, касающиеся действий, которые могли бы быть предприняты на международной арене. Предлагается целый ряд достойных поддержки мероприятий: от «выработки единой системы определений действий, подлежащих запрету» до «сотрудничества по выработке технических мер с целью минимизации вмешательства в частную сферу»³⁶. Если под «действиями,

подлежащими запрету» понимать и неспровоцированную агрессию против государства (а именно так это отметила в 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН, осудив своей специальной резолюцией агрессию против Никарагуа) и допустить, что преступные действия могут исходить не только от частных лиц, но и от государства или группы стран (заметим, что государственный терроризм, т.е. преступление, совершаемое государством, вполне допускается американской политической теорией и практикой), то под такими предложениями мог бы подписаться любой оппонент американской позиции. Интересно и, хочется верить, символично то, что такой документ принят на конференции в Стэнфордском университете, когда ректором и куратором этой проблематики там была Кондолиза Райс, нынешний помощник президента США по национальной безопасности.

Всего за три месяца до этого, в августе 1999 г. в Монтерее (США, штат Калифорния) в Центре по исследованию терроризма и нетрадиционных войн (Center for the Study of Terrorism and Irregular Warfare) Морской высшей школы (Naval Postgraduate School – NPS) опубликован отчет, названный «Cyberterror: Prospects and Implications». Позже, анализируя этот документ, известный американский профессор, специалист по информационной безопасности Дороти Деннинг пишет: «Информационное пространство стало больше, чем пространство для электронной коммерции и связи. Оно стало цифровым полем боя»³⁷.

Интересно, что проходившие в 2000 и 2001 гг. в США научные дискуссии, хотя и во многом откликнулись на официальный «призыв» и в существенно большей степени уделили внимание преступности в информационной сфере, не ушли от сформулированных оценок общей угрозы информационных войн и констатировали все новые ее проявления. В октябре 2000 г. та же NPS публикует по материалам проведенной конференции второй доклад с подробным исследованием вопросов международного противодействия организованному кибертерроризму различных национальных и международных организаций. Четкие оценки необходимости международных соглашений и примерные их схемы прозвучали на проходившей в июне 2001 г. в Берлине конференции «Ограничение вооружений в информационном пространстве» (Arms Control in Cyberspace)³⁸.

К этому времени уже многие американские исследователи признают, что информационное пространство надо рассматривать как возможное поле боя, на деятельность в нем надо распространить положения международного права, а также что законность в действиях в киберпространстве является основой международного мира и безопасности³⁹.

Компромисс вполне возможен

Таким образом, справедливо предположить, что позиции аналитиков сходятся и в пределе своем близки к российской. И причина, видимо, не в прозорливости российских аналитиков, как научных, так и государственных. Некоторое отставание России в сфере информатизации от западных стран, и в первую очередь США, позволили использовать накопленный там опыт и увидеть тенденции, признание которых американцами на официальном уровне требовало отказа от некоторых уже прозвучавших и юридически оформленных установок.

Тем самым не лишены основания следующие выводы.

1. В российских и американских подходах к проблеме нет принципиального отличия, исключающего возможность найти общие точки и устранить имеющиеся расхождения.
2. Позиции сторон сводятся к признанию актуальности создания международного механизма предотвращения информационных войн и борьбы с информационной преступностью, включая терроризм.

Несмотря на то что количество нерешенных вопросов велико, лишь часть из них требует дальнейшего обсуждения, в том числе в конференционном формате. С другой стороны, без диалога наших стран говорить об укреплении безопасности в мире не приходится. Опыт обсуждения проблем оружия массового уничтожения и других неконвенционных видов вооружений только подчеркивает необходимость побороть «робость» в этом вопросе. Если в будущем одна из жизненно важных систем страны будет подвергнута «удачной» кибератаке и будет подозрение (хотя в действительности и ложное), что это сделало государство-опponent, то запустят ли США или Россия свои ядерные ракеты, по сути, лишь потому, что они не общались или недостаточно общались друг с другом по этой проблеме? Отказ от совместной работы по контролю за

немирным использованием информационных средств и технологий будет только поощрять непонимание и страх.

Естественным развитием двусторонних контактов были бы международно-правовое оформление общих пунктов позиций всех заинтересованных стран, выработка международных документов и гармонизация национальных правовых систем. И здесь опыт работы США в области национального законодательства был бы не только важен, но и крайне ценен. Однако пока никаких подвижек в этом направлении нет⁴⁰. Определенным исключением можно считать работу по противодействию кибертерроризму и киберпреступности, активизированную особенно в рамках «G-8» после 11 сентября 2001 г.

В ряде разделов международного права существуют нормы, которые можно было бы отнести к отдельным элементам или обстоятельствам конкретных «информационных операций», однако до настоящего времени не существует единого четкого понимания, что есть «военные действия» в инфосфере.

Создание системы международного регулирования деятельности в инфосфере представляется достаточно сложной задачей, так как существует множество систем и структур, которые потенциально могут стать объектами атак, разнообразны способы нападения, огромно количество потенциальных агрессоров и, кроме того, происходит быстрое совершенствование как потенциальных объектов агрессии, так и информационного оружия и технологий его применения. До сих пор не найден даже общий подход к определениям и понятийному аппарату. Еще не выработаны фундаментальные внешнеполитические решения, определяющие долговременные интересы стран в связи с возможным принятием на вооружение или, напротив, отказом от применения средств информационной войны. С одной стороны, имеется очевидная заинтересованность военных в получении возможностей проникновения в информационные системы противника и воздействия на них при наличии надежной защиты собственных сетей. Информационное оружие привлекает их целым рядом уникальных преимуществ перед другими вооружениями: оно минимизирует потери в живой силе, не наносит ущерба технике, зданиям и сооружениям, не требует

передислокации воинских контингентов и т.д. С другой стороны, государство, располагающее разветвленной информационной инфраструктурой (а любое государство в будущем видит себя именно таким), уязвимо по отношению к компьютерным атакам, демократическое – к психологическому воздействию на население, авторитарное – к воздействию на представителей правящей элиты, и все это также окажет влияние на позицию политического руководства при разработке норм международного права в этой области.

Появление отдельного международного правового акта, направленного на существенное ограничение или запрещение информационного оружия, в ближайшем будущем маловероятно. Однако никто и не отклоняет идею начала работы по подготовке такого документа. Напротив, 56-я сессия ГА ООН по инициативе России приняла решение о создании специальной группы правительственных экспертов для анализа проблемы и выработки рекомендаций с целью формирования практических шагов в обеспечении системы международной информационной безопасности. Уже не в качестве отдельных специалистов, а в качестве облеченных полномочиями представителей направивших их стран они смогли бы подготовить квалифицированные предложения и предложить их Генеральному секретарю и Генеральной Ассамблее ООН.

В связи с недостаточной изученностью и динамичностью проблемы ее рассмотрение должно вестись как в научном, так и в дипломатическом формате. В свете высказанных выше тенденций к сходимости процессов выработки национальных позиций уже в ближайшие годы могут быть определены общие подходы к ее решению. На их основе, но только под эгидой ООН возможно вслед за тем выработать международные документы (первоначально, вероятно, в форме декларации или концепции), официально от имени мирового сообщества формулирующие и международноправовым образом закрепляющие принципы международной информационной безопасности. При этом, естественно, следует исходить из необходимости рассмотрения и принятия международным сообществом таких принципов в комплексе, т.е. с учетом угроз как военного, так и криминального (в том числе и террористического) характера применительно и к военным, и к гражданским сферам.

На подготовительных этапах⁴¹ на этом пути могли бы быть разработаны системы понятий, используемых при анализе и обсуждении проблемы; основы построения глобальной системы обеспечения международной информационной безопасности; соглашения по частным вопросам, включая противодействие международному информационному терроризму и преступности; основные принципы, подлежащие учету в национальных законодательствах с целью гармонизации последних. Тогда же могут быть согласованы основы организации механизма обеспечения безопасности международного информационного пространства и его взаимодействия с международными системами, функционирующими в сфере информатизации, телекоммуникации, средств массовой информации и прав человека, а также экспортного контроля⁴².

Завершающим этапом должно стать подписание всеми членами международного сообщества многостороннего договора (или конвенции), окончательно закрепляющего принципы обеспечения международной информационной безопасности и вводящего в действие механизм контроля безопасности международного информационного пространства.

Абсолютно очевидно, что полезные и реализуемые результаты на этом пути могут быть получены только на основе самого широкого международного сотрудничества. И трудно переоценить роль, которую в этом процессе могут сыграть США и Россия. Их единство на пути предотвращения гонки информационных вооружений и развязывания информационных войн может решить новые сложные проблемы, порожденные вхождением человечества в информационную эру, и обеспечить реальную международную информационную безопасность. Только такая однополюсность может дать позитивные гарантии миру.

⁴¹ 53, 54, 55 и 56-я сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1998–2001 гг.) на основании консенсуса приняли резолюции 53/70, 54/49, 55/28 и 56/19 под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», которые посвящены вопросу создания в перспективе международного механизма предотвращения гонки информационного оружия и информационных войн.

⁴² В англоязычной литературе на эту тему широкое распространение получил термин «information age». Этот эпитет не представляется излишне патетическим и может быть использован и в русском переводе.

³ Впервые вопрос был поднят в выступлении российской делегации в мае 1996 г. на Международной конференции по глобальному информационному сообществу в Мидранде (ЮАР). Спонтанно поднятый вопрос о назревающем «новом вызове» повлек неожиданно бурную реакцию. Проблема оказалась не только интересной для большинства участников, но, как выяснилось, практически созрелой для обсуждения. Для российских экспертов, занимавшихся в то время этой проблемой, стало ясно – ее надо выносить на переговорный уровень. (Подробнее см. Крутских А.В. Информационный вызов накануне 21 века. *Международная жизнь*. 1999. № 2.)

⁴ Отсюда же с очевидностью следует и определение понятия «информационное оружие» как средства реализации угрозы (т.е. нарушения) информационной безопасности. Ниже мы еще обратимся к этому моменту. Следует заметить, что разница в определении информационной безопасности обязательно влечет разницу в средствах ее нарушения. То есть, что важно, более фундаментальным становится не понятие информационного оружия – как средства воздействия на информацию, а понятие информационной безопасности – как стационарного состояния информации, ее ненарушенности.

⁵ Поскольку США, в отличие от России, не выносили официально на международный уровень свои системы определений в данной области, то здесь и далее их определения даются по доступным автору открытым внутренним национальным источникам.

⁶ Выше дано определение по словарю 1983 г. В более поздних советских и российских изданиях, в том числе и в самой свежей четырехтомной «Новой философской энциклопедии» (М.: Мысль, 2001), это понятие как самостоятельное либо вообще отсутствует, либо никак не определяется.

⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁸ U.S. DOD. Dictionary of Military Terms.

⁹ Информационное пространство (инфосфера) – сфера деятельности, связанная с созданием, преобразованием и использованием информации, включая индивидуальное и общественное сознание, информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию.

¹⁰ Пятьдесят четвертая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Нью-Йорк, 1999. A/54/213. (Текст на русском языке.) С. 17.

¹¹ U.S. DOD. Dictionary of Military Terms.

¹² Если Н. Винер считал оправданным моделирование нейрона водопроводным краном, то и наше сравнение имеет право на существование.

¹³ См. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: «Вузовская книга», 2001.

¹⁴ Эта позиция нашла свое подтверждение в новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24), отмечающей, что «серьезную опасность представляют собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, ... разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, а также сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним». В соответствии с этим в ряду важнейших задач обеспечения информационной безопасности Российской Федерации

стоит «противодействие угрозе развязывания противоборства в информационной сфере».

¹⁵ Пятьдесят четвертая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Нью-Йорк, 1999. A/54/213. (Текст на русском языке.) С. 15.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Примечательно, что это было написано менее чем через год после утверждения председателем Комитета начальников штабов США и придания гласности документа, носящего название «Объединенная доктрина информационных операций» (Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13, Joint Chiefs of Staff, 1998), в котором в практическом плане «рассматриваются вопросы интеграции и синхронизации наступательных и оборонительных информационных операций ... в поддержку военных действий на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях». Документ сам по себе очень интересен, но для получения представления об уровне проработки вопросов ведения информационной войны и проведения информационных операций в вооруженных силах США рекомендуем сразу обратиться к приложению D (Appendix D), содержащему ссылки на ранее выпущенные документы.

¹⁸ Данные приводятся по: Модестов С.А. Незримая война обостряется. *Независимое военное обозрение*. 2000. № 3 (176).

¹⁹ По некоторым данным, в той или иной степени разработки таких средств ведутся в 120 странах. Для сравнения: разработки в области ядерного оружия ведутся не более чем в 20 государствах.

²⁰ Приводится по: Homeland Security Handbook, 2001.

²¹ Перспектива попадания ядерного оружия в руки правительства черного большинства была малопривлекательной как для правительства Де Клерка, так и для его союзников. Однако далеко не все верят, что заверения ЮАР в уничтожении всей документации и переориентации всех специалистов полностью соответствуют действительности. Не до конца ясны и реальные возможности и результаты, достигнутые ЮАР к моменту падения режима апартеида, не до конца ясен даже вопрос, проводили ли они ядерные испытания.

²² Черешкин Д.С. и др. Защита информационных ресурсов в условиях развития мировых открытых сетей. М.: ИСА РАН. 1997. С. 33.

²³ *Newsweek*. 2000. February 14.

²⁴ Интервью радиостанции *Немецкая волна*, 19 июля 1999.

²⁵ *Computer Weekly*. 1999. April 15. P. 30.

²⁶ О том, сколько таковых, можно судить по тому, что, по данным ИТАР-ТАСС (10 февраля 2000 г.), только за декабрь 1999 г. к системе «Yahoo» обратились 36 миллионов пользователей.

²⁷ Данные приведены по материалам ИТАР-ТАСС за 10-14 февраля 2000 г.

²⁸ Модестов С.А. Незримая война обостряется. *Независимое военное обозрение*. 2000. № 3 (176).

²⁹ ИТАР-ТАСС. 2000. 14 февраля.

³⁰ *Euronews*. 2002. March 12.

³¹ *Newsweek*. 2000. February 14.

³² Однако факт того, что для проведения второй волны супертеррористических атак осенью 2001 г. (распространение вируса сибирской язвы) террористы избрали почтовые отправления, т.е. незлектронный информационный канал связи, вероятно, должен внести изменения в позицию США по данному вопросу.

³³ Умышленно берем интервал, далекий от 11 сентября 2001 г., т.е. период «спокойной», «стационарной» жизни.

³⁴ Отметим, что в отличие от рассмотрения этой проблемы на дипломатическом уровне, которое началось с 1996 г., примерно с начала 1990-х гг. вопрос «информационного

оружия» и «информационных войн» довольно широко обсуждался специалистами; появилось большое число публикаций; на многих конференциях, семинарах, симпозиумах в том или ином виде поднимались вопросы «немирного» использования программно-технических разработок и путей защиты информационного ресурса от их воздействия.

³⁵ Сразу после референдума о независимости этой провинции Индонезии общественная организация «East Tumor Sampaning» провела с территорий Испании, Португалии и Франции атаку на государственные интернетовские сайты Индонезии. Поражены веб-страницы, принадлежащие правительственным организациям Индонезии, созданы и внедрены новые компьютерные вирусы, специально предназначенные для поражения индонезийских информационных объектов. Эти информационные операции, проведенные, отметим, с территории Европы (вот пример «трансграничности» информационного оружия), явились примером прямого применения информационного оружия для решения конкретных внутриполитических задач.

³⁶ International Cooperation to Combat Cyber Crime and Terrorism. Conference Overview. Stenford University, 1999. P. 1-2.

³⁷ Denning Dorothy E. Cyberwarriors Activists and Terrorists Turn to Cyberspace. Harvard Internationl Review. 2001. Vol. XXIII, No. 2, Summer. P. 70-75.

³⁸ Проведена фондом Heinrich Böll Foundation. Berlin, Germany, June 29-30, 2001.

³⁹ См., в частности, Walter Gary Sharp, Sr. Cyberspace and the Use of Force. Aegis Research Corporation, 2000. P. 135-140.

⁴⁰ В мае 1999 г. юристами Пентагона подготовлен и после этого дважды после доработок переиздан обзор «An Assessment of International Legal Issues in Information Operations», содержащий комплексную оценку применимости и достаточности имеющейся в распоряжении мирового сообщества законодательной базы в отношении информационной войны. Эксперты не видят необходимости для США в организации работы по внесению новых договорных обязательств применительно к условиям информационной войны в различные разделы уже действующего на мировой арене законодательства. Исключением, по их мнению, является область международного уголовного права, в которой усилия американцев по улучшению взаимной юридической помощи и заключению соглашений о выдаче преступников должны получить дальнейшее развитие.

⁴¹ Подробнее см. Крутских А.В., Федоров А.В. О международной информационной безопасности. *Международная жизнь*. 2000. № 2.

⁴² Имеется в виду взаимодействие в части контроля за экспортом товаров и услуг в сфере информатизации и телекоммуникаций, которые могут иметь военное или двойное применение, а также средств и продуктов для производства психотронного оружия.

Вышли в свет в июне – июле 2002 года

- *Ракеты и Космос*. Том 2, № 3–4. Осень – зима 2002. В номере: «Совместный ответ на распространение ракет и ракетных технологий: взгляд из России»; Валерий Фомин «Россия и международные усилия по противодействию ракетному распространению»; Гари Сеймор «Международное сотрудничество с целью предотвращения распространения ракет и ракетных технологий»; Евгений Зведре «Вклад России в усилия по предотвращению ракетного распространения»; Алексей Краснов «Международное сотрудничество авиакосмической промышленности как средство содействия нераспространению ракетных технологий»; Давид Кифер «Противоракетная оборона. Взгляд из США»; Василий Лата «Возможные направления международного сотрудничества»; Иан Кенион «ПРО: путь к сотрудничеству или к конфликту. Европейская перспектива»; Владимир Мальцев, Александр Шавыкин «От СОИ и ЕвроСОИ к ширококомасштабной системе ПРО и ЕвроПРО»; Вадим Козюлин «Россия и Индия: крылатые проекты ракетоносителей». Цена 2500 руб.

См. также с. 7, 48

Полемика**НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
КАМПАНИИ****Екатерина Степанова**

Год от года объем ввозимых в Россию наркотиков – как для продажи в самой России, так и с целью транзита в другие страны – растет, а их качественный состав устойчиво меняется в сторону наиболее опасных препаратов¹. Большая часть нелегально ввозимых на территорию России наркотиков поступает через страны Центральной Азии², причем основной их поток имеет афганское происхождение (до 99% всего героина, изъятого в России за 2001 г., произведено из афганского сырья).

Как в России, так и на Западе распространено мнение о том, что на протяжении последнего десятилетия именно производство и торговля наркотиками стали для Афганистана наиболее прибыльной отраслью экономики и, в частности, обеспечили основной источник дохода режиму талибов. Однако производство наркотиков в Афганистане и их незаконный оборот – это лишь один из аспектов более глубокой проблемы, связанной с региональной теневой экономической системой, которая сформировалась в последние десятилетия XX века, охватила страны Среднего Востока и оказала значительное влияние на центральноазиатские государства.

Афганистан: производство и торговля наркотиками

Значение производства и незаконного оборота наркотиков в афганском конфликте трудно переоценить. С конца 1970-х гг. центральное правительство в Кабуле стало терять даже относительный контроль над ситуацией в сельских районах, начался упадок сельского хозяйства, а производство продуктов питания в последующее десятилетие упало наполовину (в некоторых районах – на две трети). Зависимость растущего городского населения от государственной поддержки, а обеих противоборствующих сторон – от финансовых вливаний и поставок оружия из-за рубежа привели к быстрой монетизации экономики и росту денежной массы, что в свою очередь усилило стимулы к переходу к тем видам экономической активности, которые могли быстро приносить денежный доход. К началу 1980-х гг. моджахеды стали использовать

производство и торговлю опиум для частичного финансирования закупок оружия. Запрет или ограничения на производство опия, установленные на тот период в трех основных странах-производителях (Турция, Иран и Пакистан), объективно сделали Афганистан основным альтернативным источником этого нелегального сырья. На момент вывода советских войск (февраль 1989 г.) Афганистан уже производил около 1200 тонн опия в год (около трети мирового производства). Дополнительной причиной увеличения производства опия стало возвращение в страну в конце 1980-х – начале 1990-х гг. миллионов беженцев, для которых наиболее эффективным способом выживания в условиях острого кризиса в сельском хозяйстве стало выращивание опийного мака.

Опийный мак можно выращивать на большей части территории Афганистана, а в некоторых районах (прежде всего в Гильменде³ и Нангархаре) собирают самые высокие урожаи в мире. Культивирование опийного мака здесь почти в 30 раз более прибыльно, чем выращивание пшеницы, и в 40 раз – чем хлопководство. Поэтому неудивительно, что именно производство и торговля опиум стали важнейшим источником роста денежных доходов. Кроме того, привлекательность выращивания опийного мака в качестве стратегии экономического выживания для многих семей связана с тем, что цены на опий относительно стабильны, а запасы высушенного мака используются как форма сбережений и источник кредита⁴.

В итоге в 1990-е гг. Афганистан стал ведущим производителем опия в мире: в 1986–2000 гг. средний темп роста производства опия в Афганистане составил 23% в год. В рекордном 1999 г. в Афганистане было произведено 79% нелегального опиума в мире. Хотя в 2000 г. эта доля сократилась, она все-таки была велика: около 70%. К концу 1990-х гг. в выращивании, производстве и торговле опиум было занято от трети до половины населения Афганистана⁵. От 30 до 50% афганского опия остается в странах Среднего Востока – особенно в Пакистане и Иране. В этом регионе

помимо традиционного курения опия наблюдается резкое возрастание потребителей героина: общее их число в Пакистане (1–1,5 млн) и Иране (1,5–1,8 млн) приблизительно такое же, как во всей Западной Европе⁶. Кроме того, Афганистан остается главным поставщиком опия, морфина и героина для Индии, центральноазиатских стран, ряда стран Аравийского полуострова и Восточной Африки, а также героина для Европы (около 80% всего героина, поступающего в Европу, произведено на основе афганского опия). Основным направлением наркотрафика из Афганистана в Европу остается так называемый «балканский путь». Через Пакистан и Иран афганский опий и морфин попадают в Турцию (где перерабатываются в местных лабораториях), а затем через Балканы – на европейский рынок в виде низкокачественного героина – «коричневого сахара». Уже в Европе часть героина иногда перерабатывается, после чего он становится близким по качеству к героину, поступающему из Юго-Восточной Азии. В последнее время также возросло значение северного, так называемого «шелкового пути», проходящего через центральноазиатские страны, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Важно подчеркнуть, что основы региональной теневой экономики, частью которой является производство и незаконный оборот наркотиков, сложились в Афганистане еще до появления и прихода к власти движения «Талибан». После окончательного вывода с территории страны советских войск (1989 г.) внешняя «подпитка» вооруженных формирований резко сократилась, центральная власть, имевшая хотя бы некоторую эффективность, перестала существовать, а кланово-племенная раздробленность достигла своего апогея. Адаптация различных групп населения к этим тяжелым условиям сводилась в основном к бандитизму полевых командиров и возглавляемых ими вооруженных формирований, росту объемов транзитной контрабандной торговли и производству опия крестьянами.

Вопреки распространенному мнению до недавних пор основным и наиболее прибыльным элементом региональной теневой экономики был не наркобизнес, а именно *транзитная контрабандная торговля*, охватывающая помимо Афганистана зону свободной торговли в Дубаи (ОАЭ), а также Пакистан и Иран и распространяющая свое влияние и на центральноазиатские государства.

Один из основных видов контрабандной торговли в масштабах региона представлял собой нелегальные поставки товаров, беспощинно закупаемых афганскими и пакистанскими торговцами в Дубаи для последующего транзита через Афганистан в Пакистан, а также нефтепродуктов из Ирана, на внутреннем рынке которого цены на них чрезвычайно низки. На территории Афганистана этот нелегальный транзит пересекался и сливался с другим торговым потоком – контрабандным реимпортом товаров из Афганистана в Пакистан (действующее еще с середины 1960-х гг. афгано-пакистанское Соглашение о транзитной торговле, в соответствии с требованиями ООН, давало Афганистану как стране, не имеющей выхода к морю, право беспощинно ввозить более половины всех импортируемых товаров через пакистанский порт Карачи; с 1980-х гг., однако, эта торговля стала активно развиваться в обратном направлении и большинство ввозимых в Афганистан через Пакистан товаров затем нелегально реимпортировалось в Пакистан).

Наряду с Афганистаном особую роль в региональной теневой экономике играет Пакистан, где высокий уровень таможенных барьеров и налогообложения местных товаров является мощным стимулом к контрабандной торговле. Бандитизм полевых командиров в Афганистане в начале 1990-х гг. наносил ущерб торговле, блокировал доступ Пакистана к странам Центральной Азии и оказывал дестабилизирующее влияние на ситуацию в самом Пакистане. В этих условиях совместными усилиями пакистанских властей, корпораций афганских и пакистанских торговцев, а также ультраконсервативных афганских и пакистанских религиозных лидеров и училищ (медресе), проповедующих исламское течение деобанди, было создано движение «Талибан». Показательно, что первой крупной военной операцией талибов в октябре 1994 г. стало именно освобождение пакистанского торгового конвоя, захваченного одной из группировок моджахедов по пути в Туркменистан. К 1998 г. талибам уже удалось установить контроль практически над всей основной транспортной инфраструктурой страны (дороги, города, аэропорты и таможни) и значительно ограничить локальный бандитизм на подконтрольных им территориях. Это способствовало снижению риска и транспортных издержек для торговцев и укрепило позицию Афганистана как центра региональной теневой экономики, основой

которой оставалась контрабандная транзитная торговля.

Обеспечиваемая талибами даже относительная безопасность на дорогах способствовала улучшению условий для торговли опиумом, что в свою очередь стимулировало его производство по всей территории Афганистана. Впрочем, хотя посевы опийного мака на территориях, контролируемых Северным альянсом во главе с Ахмад Шахом Масудом, постоянно расширялись, гораздо больший доход ему приносил экспорт драгоценных камней (изумрудов, лазуритов и т.п.) и печатание денег. На севере также несколько большее распространение получило производство гашиша и других наркотиков из конопли, например чарса⁷. В то же время в рекордном по урожайности 1999 г. около 97% опийного мака выращивалось на территориях, контролируемых талибами. Одной из причин достаточно мирного характера конкуренции в области производства и торговли наркотиками в Афганистане было то, что для самих афганцев эта сфера деятельности, вопреки распространенному мнению, не была сверхприбыльной.

Миф о колоссальных доходах талибов от наркобизнеса распространен на Западе, особенно в США, но не чужд и российской прессе. Между тем доходы афганцев, включая талибов, от производства и торговли наркотиками были довольно скромными (по данным авторитетной Международной кризисной группы, они составляли не более 1% всей конечной прибыли от продажи опия, выращенного в Афганистане, и продуктов его последующей переработки)⁸. Доход талибов от опия складывался из 10-процентного налога (ушр) на любую сельскохозяйственную продукцию (в том числе на опийный мак), собиравшегося непосредственно с крестьян, а также, по некоторым данным, из 20-процентного налога (закят) на торговлю опиумом и его производными, собиравшегося, однако, менее регулярно и не во всех областях. Доходы режима талибов от налогообложения производства и частично от местной торговли опиумом значительно, в отдельные годы – почти в три раза, уступали их доходам от региональной транзитной торговли. Так, по данным Всемирного банка за 1997 г., доход талибов от транзитной торговли, общий объем которой достиг 2,5 млрд долл., составил около 75 млн долл.⁹, тогда как налоги на опий и торговлю им давали всего лишь 27 млн долл. (для сравнения: доход от наркобизнеса, получаемый только одной из левых

повстанческих группировок – ФАРК¹⁰ – в Колумбии, где США уже не один год ведут операции по борьбе с наркотиками, составляет от 500 млн до 600 млн долл. в год)¹¹. Доход талибов от опия не превысил 45 млн долл. даже в рекордном 1999 году, когда производство опия в Афганистане достигло пика – 4600 т, а его стоимость, при средней цене в 58 долл. за килограмм, составила около 251 млн долл. В 2000 г. урожай мака упал до 3–3,6 тыс. т, а его общая стоимость составила около 91 млн долл. – пропорционально (как минимум, в два с половиной раза) сократилась и сумма собранных талибами налогов¹².

Эти суммы не идут в сравнение со сверхприбылями, которые получают группы, занимающиеся транзитной и межрегиональной оптовой торговлей, и особенно контролирующие розничную продажу героина в странах-получателях, прежде всего в Европе. Афганские же торговцы опиумом обычно довозят свой товар до приграничной зоны, где происходит его переработка в морфин и героин и откуда трансграничные кланы уже везут его до следующей границы.

Производство героина путем переработки опийного мака и его последующая перепродажа значительно более прибыльны, чем культивирование мака или торговля опиум-сырцом. Однако значительная часть опия, производившегося в течение 1990-х гг. на востоке Афганистана, перерабатывалась в так называемой племенной зоне (формально являющейся частью Пакистана, но не контролируемой пакистанскими властями) под контролем влиятельных наркокланов, например клана Африди, базирующегося в Хайберском районе (управлении). В 1990-е гг. часть опия, выращиваемого на юге Афганистана, подвергалась переработке (особенно первичной) и в местных лабораториях. Лаборатории по производству героина существовали и на севере, вдоль границ со странами Центральной Азии – на территориях, контролируемых Северным альянсом. Значительный объем афганского опия перерабатывается также в Пакистане и Турции.

В этом контексте указ от 27 июля 2000 г. о запрете на выращивание опия в Афганистане, изданный муллой Омаром во исполнение ряда предыдущих деклараций талибов по контролю за наркотиками, сделанных в период с 1996-го по 1999 г., не был чем-то из ряда вон выходящим. Как показал сезон 2000–2001 гг., запрет талибов на культивирование опийного мака оказался чрезвычайно эффективным на

контролируемых ими территориях. Площадь маковых посевов сократилась в 38 раз – с 64 510 га в 2000 г. до 1 685 га в 2001 г.¹³, – что меньше, чем площадь маковых посевов в Пакистане в 2001 г. (1 697 га)¹⁴. Соответственно, если в 2000 г. урожай мака в Афганистане составил, по разным данным, от 3 000 до 3 667 тонн, то урожай 2001 г. составил от 185 до 200 тонн (т.е. в 16–18 раз меньше, чем за предыдущий год), что сопоставимо с количеством опия, производимого в стране в середине 1980-х гг.¹⁵

Интересно, что в результате введенного талибами запрета предложение опия и морфина на рынках Западной Азии существенно уменьшилось, а предложение героина как в регионе, так и за его пределами оставалось неизменным¹⁶ (косвенное свидетельство того, что значительная часть производства героина из афганского опия талибами не контролировалась). Если учесть, что талибы регулярно собирали лишь 10-процентный налог с крестьян, выращивающих опийный мак, и испытывали большие трудности в налогообложении торговцев опиумом, то можно предположить, что регулярное налогообложение подпольных лабораторий по производству героина, особенно в приграничных зонах, было тем более затруднено. Таким образом, не получая крупных прибылей от переработки опия в героин, талибы в буквальном смысле слова могли *экономически* позволить себе кампанию по борьбе с производством героина (по некоторым данным, за 2000 г. ими было ликвидировано до 25 героиновых лабораторий¹⁷).

В целом, несмотря на эффективность запрета талибов на культивирование опийного мака, в 2001 г. Афганистан оставался в числе ведущих производителей опия в мире. Частично это связано с тем, что выращивание опийного мака на территориях, не контролируемых талибами, продолжалось: в 2001 г. на территориях, контролируемых оппозиционными талибам силами, где производство наркотиков не было запрещено, было засеяно 1 600 га опийного мака (для сравнения: на остальной территории – 85 га)¹⁸ и получено около 80% афганского опия. В 2001 г. основную часть прибыли от налогообложения производства опийного мака, общая стоимость урожая которого составила около 56 млн долл., получили уже не талибы, а Северный альянс. Вообще, если в 2000 и 2001 гг. доходы талибов от опия падали по сравнению с 1999 г., то за этот же период

(1999–2001 гг.) доходы Северного альянса от наркобизнеса выросли в три раза.

Другой причиной непрекращающегося потока наркотиков из Афганистана могли стать значительные запасы опия в стране. Точный размер этих запасов трудно определить: с одной стороны, существуют данные о том, что в отдельные годы до 60% всего выращиваемого опия складировалось для последующей продажи¹⁹; с другой стороны, по данным ООН на июль 2000 г., эти запасы составляли не более 220 тонн²⁰. Продолжительная засуха, значительные запасы опийного мака и затоваренность мирового рынка опиатами могли способствовать тому, что руководство талибов пошло на ограничение предложения за счет введения запрета на выращивание мака. Запрет привел к скачку цен на опий и его производные: по одним данным, от 30 долл. (урожай 2000 г.) до 300 долл. за килограмм (в мае 2001 г.)²¹, по другим – от 44 до 350–400 долл. в тот же период²² (в обоих случаях речь идет о десятикратном росте цен).

Рост цен, по идее, должен был создать более благоприятную конъюнктуру для распродажи накопившихся запасов. Однако такая ситуация продолжалась недолго: в начале сентября 2001 г. цена на опий достигала пика (в некоторых случаях – до 700 долл. за килограмм)²³, но после событий 11 сентября 2001 г. цены резко упали до 180 долл., а к концу сентября – до 90 долл. за килограмм²⁴. Таким образом, если вслед за рядом западных аналитиков предположить, что талибы рассчитывали крупно заработать на стимулировании роста цен на опий путем ограничения посевов мака, то придется признать, что теракты 11 сентября и их последствия серьезно подорвали эти расчеты. Отмечая существенное снижение предложения опия и морфина в результате введенного талибами запрета, эксперты ООН склонны связывать начавшийся после сентября 2001 г. выброс на рынок большого количества опиатов из имевшихся запасов именно с развернувшимися в Афганистане военными действиями²⁵.

После падения режима талибов ситуация в области контроля над наркотиками в Афганистане ухудшилась. В свое время талибы обеспечили, хотя и весьма варварскими методами, относительную безопасность на афганских дорогах и основных торговых путях и монополизировали контроль над ними, что

снизило издержки транзитной торговли. Однако та же самая задача пока не по силам нынешнему афганскому правительству, даже при поддержке иностранных миротворцев, численность которых пока невелика. После падения режима талибов условия безопасности на дорогах ухудшились, а многочисленные местные тарифы и таможенные барьеры восстановились из-за обретшей второе дыхание кланово-племенной раздробленности. Все это привело к тому, что контрабандная транзитная торговля стала гораздо менее прибыльной, чем при талибах. Необходимость компенсировать такие потери прибыли создает стимулы не только к росту производства опиийного мака, но и к увеличению масштабов его переработки в опиаты, в том числе в героин, на территории самого Афганистана.

Это отчасти объясняет, почему, несмотря на обострение обстановки в Афганистане вслед за общим обострением международной ситуации после терактов 11 сентября 2001 г., которое отвлекло силы талибов на противостояние внутренней оппозиции и внешнему вмешательству, а затем и привело к падению их режима, афганские крестьяне возобновили производство опия с удвоенной силой, хотя цены на него упали. Особенно опасной тенденцией стал рост числа лабораторий по производству героина в самом Афганистане (о чем свидетельствуют участвовавшие случаи изъятия героина на ирано-афганской и таджикско-афганской границах, а также перехват поставок в Афганистан уксусного ангидрида – химического наркотического прекурсора), необходимого для производства героина). Декларация нового временного правительства страны во главе с Хамидом Карзаем о запрете на выращивание мака, принятая в январе 2002 г., не могла сказаться на урожае 2002 г. (к тому времени большинство полей было уже засеяно, а урожай опия, по прогнозам ООН, может превысить 3 000 тонн).

Казалось бы, контртеррористическая операция США после сентября 2001 г. предоставляла международному сообществу шанс для активизации борьбы с наркотиками в регионе. Однако эти надежды не оправдались. По информации Федеральной пограничной службы РФ на апрель 2002 г., даже на контролируемой временным афганским правительством территории пока не уничтожено ни одного завода, фабрики или лаборатории по производству наркотиков, хотя карты опиийных полей существуют, а

координаты основных районов, где происходит переработка опия, в том числе в героин, известны²⁶.

США, будучи лидером международной антитеррористической коалиции, не спешат, однако, вкладывать значительные средства и прилагать повышенные усилия для борьбы с наркотиками в Афганистане и в его окружении. Это объясняется рядом экономических факторов и политических соображений. Прежде всего, наркотики афганского происхождения мало угрожают самим США. По официальным данным, афганский героин составляет лишь около 5% от всего героина, импортируемого в США²⁷ (хотя некоторые исследователи, например М. Олкотт, настаивают на 10%)²⁸. Как отмечалось ранее, большая часть афганского героина потребляется в самом регионе и в Европе, однако страны Европейского союза ограничились своим участием в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в регионе в основном финансированием через ООН соответствующих национальных программ перехвата наркотиков. В этих условиях максимум того, что можно ожидать от США в рамках общей программы восстановления Афганистана, – это участия в финансировании мероприятий по созданию альтернативных рабочих мест для афганцев, особенно в сфере строительства и ремонта базовой инфраструктуры и разминирования, а также в создании регионального плана развития сельского хозяйства и внедрения альтернативных сельскохозяйственных культур.

США оказывают финансовую помощь в осуществлении контроля за производством и незаконным оборотом наркотиков не только Афганистану, но и другим странам региона, прежде всего Пакистану (только в 2001 г. США на эти цели предоставили Пакистану в виде помощи 3,47 млн долл.)²⁹. Однако зачастую, а с началом антитеррористической кампании в Афганистане в особенности, для США политические соображения и интересы важнее необходимости борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Ярким примером этому стало внезапное освобождение из пакистанской тюрьмы в начале декабря 2001 г. Аюба Африди, главы наиболее влиятельного наркоклана, действующего в зоне афгано-пакистанской границы (с его помощью США намеревались заручиться поддержкой лидеров пуштунских полевых командиров на востоке Афганистана, одновременно являющихся крупнейшими торговцами опиумом, – Хаджи Абдула Кадира, Хаджи Мохаммеда Замана и Хазрата Али, в том числе для проведения

операции по захвату Усамы бен Ладена в горах Тора Бора)³⁰.

Ведущее место среди международных организаций в программе восстановления Афганистана принадлежит ООН. Комплексный подход ООН к противодействию незаконному обороту наркотиков в Афганистане и в регионе в целом основан на поощрении альтернативных сельскохозяйственных культур и создании возможностей легального заработка в несельскохозяйственном секторе с тем, чтобы обеспечить условия, при которых крестьяне могли бы отказаться от выращивания опия. Тем не менее в 1990-е гг. ни один из трех проектов Управления ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности в Афганистане, в рамках которых меры по контролю над наркотиками сочетались с мероприятиями по восстановлению сельского хозяйства, не принес видимых результатов. Ситуация не изменилась и после объявления международной кампании по восстановлению страны: хотя объем международной гуманитарной помощи к 2002 г. достиг 250 тыс. тонн (продуктов, медикаментов и т.п.) в Афганистан, например, продолжают везти в основном муку, а не семенной фонд, который позволил бы крестьянам в какой-то мере переключиться от культивирования опиумного мака на выращивание других культур.

В целом, борьба с незаконным оборотом наркотиков полицейскими и другими силовыми и административными методами, безусловно, необходима, особенно в региональном масштабе. В этой связи особого упоминания заслуживает специальный региональный план действий по координации традиционных – полицейских, пограничных, таможенных – мер борьбы с наркотиками афганского происхождения, принятый в сентябре 2000 г. «Группой соседей и друзей Афганистана» (так называемой Группой «6+2») под эгидой ООН. Однако эффективное противостояние производству и незаконному обороту наркотиков в этом и других регионах возможно лишь при координации более масштабных усилий, направленных на выявление основ и движущих сил региональной теневой экономики и создание условий для альтернативного варианта социально-экономического развития.

Незаконный оборот наркотиков в Центральной Азии и основные проблемы борьбы с ним

Теневая экономическая активность, включающая незаконный оборот товаров,

оружия, наркотиков и т.п., стала не только наиболее распространенной стратегией выживания населения самого Афганистана, но и центром более широкой региональной теневой экономики и связанных с ней социально-политических структур, которые подрывают легальную экономику и формальные институты государственной власти в соседних и близлежащих странах, в том числе в государствах Центральной Азии.

Основные причины перемещения важнейших путей транспортировки наркотиков афганского происхождения в страны Центральной Азии (имеются в виду бывшие среднеазиатские республики в составе СССР) в постсоветский период можно условно подразделить на экономические и «технические». К первым следует отнести разрыв прежних экономических связей, резкий спад промышленного производства и падение уровня жизни населения, натурализацию экономики и уход значительной ее части в теневой сектор в странах Центральной Азии после распада СССР, и т.п. Основной «технической» причиной стала «прозрачность» границ бывших советских республик после вывода российских пограничных сил из всех стран региона, кроме Таджикистана, ввиду недостатка собственных ресурсов на обустройство и охрану границ. Трансграничную наркоторговлю облегчает и этнический фактор: как и в случае с афгано-пакистанской границей, по обеим сторонам которой живут пуштуны, по обе стороны границ Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном живут таджики, узбеки, туркмены. Поэтому, например, правильнее говорить не столько об афганских наркоторговцах на таджикско-афганской границе, сколько о трансграничных таджикских кланах.

Традиционными транзитными коридорами для поставки афганских наркотиков на прибыльные европейские рынки были Иран и Пакистан. Однако с распадом СССР все большие масштабы стал приобретать транзит наркотиков через бывшие республики советской Средней Азии – как по путям, проторенным еще с досоветских времен, так и по новым маршрутам. В результате ко второй половине 1990-х гг. центральноазиатское направление (так называемый «шелковый путь») стало вторым по значению маршрутом наркотрафика из Афганистана наряду с более традиционными маршрутами «балканского пути». При этом «шелковый путь», в свою очередь, имеет две основные ветки. Первая идет из Афганистана

через одно из граничащих с ним центральноазиатских государств в Турцию (иногда через Закавказье), а далее по традиционному «балканскому пути», без пересечения российской территории. Вторая ветка идет через Центральную Азию в Россию, а оттуда через Прибалтику, Белоруссию, Украину в Восточную Европу. Поэтому если, по данным ООН, в конце 1990-х гг. через Центральную Азию экспортировалось более половины афганского опия, это не означает, что весь этот опий затем попадал на территорию России. Хотя вторая, российская ветка центральноазиатского маршрута и сохраняет значение транзитного пути в Западную и Центральную Европу, она все в большей степени ориентирована и на снабжение растущих рынков России и Восточной Европы.

В Центральной Азии производят и свои наркотики (в основном препараты на основе дикорастущих конопли и эфедры), однако опиный мак незаконно культивируется в небольших масштабах в отдаленных районах Казахстана, Киргизии и Таджикистана и не является «экспортной» отраслью. Поэтому Центральная Азия играет роль транзитного коридора прежде всего для нелегальных поставок опиатных наркотиков, особенно героина, из Афганистана и Пакистана (из препаратов конопли Афганистан в основном поставляет гашиш). Об увеличении транзита опиатов через Центральную Азию свидетельствует и значительный рост масштабов злоупотребления ими в странах этого региона³¹. Растущую роль центральноазиатского направления наркотрафика подчеркивают сообщения о росте числа лабораторий по переработке опия в героин вдоль границы Афганистана с центральноазиатскими государствами³². Хотя официально ООН не располагает данными, «которые свидетельствовали бы о переработке опия или морфина в героин в какой-либо из стран Центральной Азии», попытки крупномасштабных контрабандных перевозок опия из Пакистана и Афганистана в Таджикистан, зафиксированные в 2001 г., могут, по общему мнению экспертов ООН и российских пограничников, свидетельствовать о наличии в Таджикистане мощностей по переработке опия³³.

Основными пунктами хранения и транзита наркотиков по центральноазиатскому маршруту стали Таджикистан, Киргизия и Туркменистан. В этих же странах наркобизнес играет наиболее заметную роль в экономике, а

степень его сращения с коррумпированным государственным аппаратом наиболее высока.

Таджикистан, где, по оценкам представителей ООН, от 30 до 50% экономической деятельности в той или иной степени связано с незаконным оборотом наркотиков³⁴, стал главным перевалочным пунктом для поставок наркотиков афганского происхождения в Центральную Азию, особенно в годы гражданской войны (1992–1997). К 1997 г. основной маршрут транспортировки афганского опия и опиатов пролегал через Хорог (Горный Бадахшан) в Ош (Киргизия). Впоследствии значение хорогского пути снизилось и до 60% наркотиков стало поступать через Северный Афганистан до пограничной реки Пяндж (ряд сохранившихся дорог позволяет перевозить наркотики вплоть до Пянджа в грузовиках и фургонах). Большая часть наркотиков в Таджикистан поставлялись с территорий, контролируемых Северным альянсом. При этом Таджикистан остается по преимуществу транзитной страной: собственных наркотиков, по сравнению с Афганистаном, производится немного, а переработка развита недостаточно (хотя в Гармском и Тавильдаринском районах, контролируемых не вошедшими в правительственную коалицию оппозиционными группировками, возможно наличие подпольных лабораторий по производству опиатов).

В отличие от других стран Центральной Азии Киргизия традиционно была зоной культивирования опиного мака: в начале 1970-х гг. (до 1974 г., когда в Советском Союзе производство опиного мака было запрещено) в Киргизской ССР производилось около 16% легального мирового опия. Однако в настоящее время основную проблему представляет транзит наркотиков, поступающих прежде всего через территорию Таджикистана. Перевалочные пункты и склады в Киргизии созданы вдоль всего маршрута наркотрафика (крупнейшим центром складирования и торговли наркотиками стал Ошский район, где периодически изымаются крупные партии опия и других наркотиков)³⁵.

Транзит наркотиков из Афганистана в Иран (а также через Каспийское море на Кавказ, в Турцию и Россию) активно осуществляется и через Туркменистан. В то время как, например, таджикские наркокланы оперировали прежде всего на территориях, контролируемых Северным альянсом, большая часть транзита наркотиков в Туркменистан на протяжении второй половины 1990-х гг. осуществлялась с

территорий, контролируемых талибами, с которыми Ашхабад поддерживал полуофициальные контакты. В обратном направлении через территорию Туркменистана идет значительный объем химикатов, необходимых для переработки опийного мака в опиаты, в том числе для производства героина.

Хотя Узбекистан и граничит с Афганистаном, большая часть транзита афганских наркотиков через узбекскую территорию идет не напрямую, а через Таджикистан. За последнее время значение транзитных маршрутов через узбекскую территорию несколько снизилось, зато поток наркотиков, в том числе местных препаратов конопли и эфедры, в Россию через границу с Казахстаном (более 7,6 тыс. км) постоянно растет. В обратном направлении, из Узбекистана и Казахстана, а также через их территорию идут поставки химических наркопрепаратов (обе страны остаются легальными производителями уксусного антигидрида).

В соответствии со своими возможностями государства Центральной Азии принимают меры по борьбе с производством и незаконным оборотом наркотиков. Пока наибольшего прогресса они добились в создании формальных законодательных и административных механизмов в этой области (первый национальный закон о борьбе с наркотиками был принят Киргизией еще в апреле 1998 г.). Все страны Центральной Азии создали национальные органы по координации борьбы с незаконным оборотом наркотиками и все, кроме Таджикистана и Узбекистана, приняли комплексные национальные планы контроля над наркотиками (в июне 2001 г. такой план на ближайшие пять лет был принят в Туркменистане). Следует признать, однако, что даже в законодательной области государствам региона еще предстоит большая работа. Отсутствие надлежащего контроля над приватизацией и быстрым ростом частного банковского сектора сделало пять стран Центральной Азии особенно уязвимыми в отношении отмывания денег, а соответствующих законов о борьбе с отмыванием денег и конфискации доходов, полученных в результате преступной деятельности, в том числе связанной с незаконным оборотом наркотиков, пока не принято³⁶. То же касается и законов о прекурсорах, принятых или готовящихся к принятию во всех странах Центральной Азии. Хотя, например, в рамках международной операции «Топаз» (март 2001 г.) в регионе и был налажен более эффективный контроль за

уксусным антигидридом, в остальном, по оценке ООН, принятые законы о прекурсорах осуществляются слабо.

При этом пограничные службы и правоохранительные органы центральноазиатских государств не сидят сложа руки: объем наркотиков, изымаемых в странах Центральной Азии, в частности на таджикско-афганской границе, охраняемой совместно российскими и таджикскими пограничниками, год от года растет. По данным Федеральной пограничной службы РФ, ни начало, ни прекращение масштабных боевых действий в рамках контртеррористической операции на территории Афганистана не изменило к лучшему ситуацию с наркотрафиком на таджикско-афганской границе, где только в 2001 г. было конфисковано 5 440 кг наркотиков (из более чем 5 900 кг всех наркотиков, изъятых Федеральной пограничной службой). В 2002 г. за три месяца на таджикско-афганской границе было изъято 350 кг наркотиков (из них 310 кг составил героин)³⁷. В зонах ответственности Московского и Пянджского погранотрядов в начале 2002 г. героин составлял до 90% всех конфискованных наркотиков³⁸. Крайне сложным остается положение и на российско-казахской границе, полное обустройство которой для России на данном этапе – не только экономически неподъемная задача, но и политически это невыгодно, так как может вызвать отторжение как собственно Казахстана, так и его русскоязычного населения. В этих условиях Россией был сделан прагматичный выбор в пользу перехода на войсковую охрану границы с Казахстаном в сочетании с укреплением пограничного контроля на таджикско-афганской границе. В помощи по укреплению контроля на границе с Таджикистаном остро нуждается и Киргизия.

Однако, несмотря на рост объема изъятых наркотиков, он явно отстает от темпов роста наркопотоков, пересекающих границы стран Центральной Азии. По некоторым оценкам, количество наркотиков, ежегодно изымаемых как на таджикско-афганской границе, так и в самом Таджикистане, не превышает одной десятой всего объема наркотрафика³⁹, причем задерживаются в основном мелкие партии наркотиков. Помимо коррумпированности властей, в том числе правоохранительных органов и других силовых структур, такому положению дел способствует недостаточное межведомственное и межрегиональное сотрудничество по борьбе с наркотиками, а

также недостаток финансовых ресурсов, в частности международной помощи, на эти цели (так, неясность в вопросе с финансированием за счет ООН после 2002 г. фонда зарплаты для сотрудников Комитета по борьбе с наркотиками Республики Таджикистан не могла не сказаться на эффективности работы этого органа). Впрочем, тот факт, что, например, Иран перехватывает около 55% всех изымаемых наркотиков афганского происхождения (а все страны Центральной Азии – не более 15%)⁴⁰, может косвенно свидетельствовать либо о том, что соответствующие иранские государственные службы и органы работают более эффективно и менее коррумпированы по сравнению со своими центральноазиатскими коллегами, либо о том, что центральноазиатское направление пока не стало главным маршрутом нелегального транзита наркотиков из Афганистана.

В целом же неважная обустроенность и охрана границ центральноазиатских государств, наличие на территории стран региона, особенно в отдаленных районах, практически неконтролируемых государственной властью анклавов, низкая эффективность (в силу недостаточного финансирования и слабой подготовки) силовых структур, отсутствие на данном этапе условий для формирования действенного режима региональной безопасности и многие другие факторы свидетельствуют о том, что после распада СССР в Центральной Азии образовался определенный *вакуум безопасности*, который не может компенсировать ограниченное внешнее вмешательство в дела региона. Это явление можно считать вполне закономерным: недавно сформировавшимся государствам региона, переживающим последствия затяжного экономического кризиса и перехода к экономике с элементами рынка, на установление полного контроля за своей территорией, создание современного оборонного потенциала, эффективных административно-полицейских структур и жизнеспособной системы региональной безопасности и координации усилий в области борьбы с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и т.п. понадобится еще не один десяток лет. Наряду с плачевным состоянием экономики, бедственным положением населения и коррумпированностью государственного аппарата именно образовавшийся в регионе *вакуум безопасности* можно считать одной из основных причин переориентации части

наркопотоков из Афганистана и Пакистана в Центральную Азию.

Связь наркобизнеса с конфликтами, экстремизмом и терроризмом в регионе

В последнее время проблеме связи незаконного оборота наркотиков с сохраняющейся угрозой дестабилизации ситуации вокруг Афганистана (в том числе в Центральной Азии) и с экстремизмом и терроризмом уделяется повышенное политическое внимание как в самом регионе, так и за его пределами. Однако в условиях недостатка достоверной и объективной информации масштабы и характер такой взаимосвязи пока не вполне ясны и требуют отдельного рассмотрения, как, впрочем, и причины повышенного внимания к этой проблеме. Насколько оправдана постановка вопроса о прямой взаимосвязи незаконного оборота наркотиков с экстремизмом и терроризмом в Центральной Азии и в более широком регионе?

Привычка рассматривать терроризм в одном ряду с наркотрафиком глубоко укоренилась еще с послевоенного периода, когда терроризм традиционно рассматривался в одном ряду с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью как «угроза низшего порядка», или низкой интенсивности. При этом в годы холодной войны и особенно на ее исходе наркобизнес нередко становился одним из источников финансирования деятельности повстанческих и других негосударственных (оппозиционных) формирований и движений, в том числе международных экстремистских и террористических групп, часто не без помощи и поощрения со стороны государственных спецслужб (например, в рамках «тайных операций» по оказанию финансовой поддержки никарагуанским «контрас» и афганским моджахедам). Отрывочные данные о причастности государственных служб к незаконному обороту наркотиков как способу финансирования некоторых своих операций⁴¹ продолжали всплывать и в последнее десятилетие. Однако с ослаблением или прекращением в 1990-е гг. внешнего финансирования со стороны бывших противников по холодной войне многие повстанческие движения и экстремистские группировки вынуждены были перейти на полное самообеспечение, в том числе за счет налаживания более тесных контактов с дельцами наркобизнеса и более широкого, чем ранее, использования криминально-террористических методов (например, захвата

заложников с целью выкупа) для пополнения финансовых ресурсов.

Анализ наркобизнеса как источника нестабильности и конфликтов, особенно в прессе, страдает как минимум двумя серьезными недостатками.

Во-первых, пытаюсь выявить дестабилизирующий потенциал производства и незаконного оборота наркотиков, его зачастую вырывают из общего контекста формирования и развития теневой экономики, забывая о том, что наркобизнес не только является ее важной частью, но и теснее всего взаимосвязан именно с различными ее элементами. Это справедливо как для конфликтных зон (о чем, в частности, свидетельствует пример Афганистана, подробно рассмотренный выше), так и для относительно или вполне стабильных государств (стран Центральной Азии и России). При этом даже в том, что касается, казалось бы, наиболее очевидной *связи незаконного оборота наркотиков с организованной преступностью*, зачастую переоценивается степень тяготения наркобизнеса к созданию крупных картеликов и наркокартелей. Как показывает пример той же Колумбии, наркобизнес процветает даже после разгрома крупнейших картеликов («Медельин», «Кали»), приобретая менее централизованный и структурированный характер и функционируя в виде небольших, глубоко законспирированных групп (более крупные объединения все чаще формируются на временной, краткосрочной основе, что крайне затрудняет борьбу с ними). Сравнительно небольшие преступные группы, как правило, укрепленные этническими и семейно-клановыми связями, играют в незаконном обороте наркотиков более значительную роль, чем принято считать. Об этом, в частности, свидетельствует пример центральноазиатских стран и России, где пока не возникло крупных картеликов-монополистов с иерархической организацией, контролирующей экономические операции на незаконном рынке оборота наркотиков⁴². Доминирование на российском рынке мелких и средних организованных преступных групп, чаще всего связанных этнической общностью и семейно-клановыми отношениями, позволяет особенно четко проследить *связь между наркобизнесом и нелегальной миграцией*: число центральноазиатских, кавказских и других наркогруппировок, формирующихся за счет оседающих на территории страны мигрантов –

выходцев из «горячих точек», притока сезонных бригад и торговцев сельскохозяйственной продукцией из транзитных и наркопроизводящих стран, постоянно растет.

Во-вторых, в том, что касается связи наркобизнеса (и теневой экономики в целом) с локально-региональной нестабильностью и конфликтами, нередко преобладает односторонний подход: наркобизнес рассматривается преимущественно как *источник* нестабильности. Между тем эта связь носит двусторонний характер: теневая экономика, включая наркобизнес, является не только источником, но и *следствием* нестабильности и конфликтов – как результат хаоса и беззакония, ослабления или отсутствия органов государственной власти, а также как наиболее эффективный экономический способ приспособления различных групп населения к конфликтным или нестабильным условиям. Так, десятилетия междоусобной войны в Афганистане сделали культивирование опия одним из средств выживания для афганских крестьян, а гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) послужила питательной средой для расцвета торговли оружием и наркотиками. Вообще, обилие в 1990-е гг. конфликтных зон в рамках так называемой южной дуги нестабильности, включавшей конфликты в Таджикистане и Ферганской долине, в Афганистане и Кашмире, безусловно, способствовало формированию на Среднем Востоке обширной зоны теневой экономической активности, основанной на своеобразном региональном «разделении труда» и оказывающей свое влияние на страны Центральной Азии.

В плане влияния конфликтных условий на активизацию производства и незаконного оборота наркотиков особенно показательна и наиболее четко прослеживается *связь наркобизнеса с нелегальной торговлей оружием*. Часто именно необходимость финансировать криминальные группировки или экстремистские организации (например, моджахедов в Афганистане в 1980-е гг. или левых повстанцев в Колумбии по сей день) для закупки ими оружия становится одним из стимулов к росту объемов производства и незаконного оборота наркотиков; во всех конфликтных зонах, где наркобизнес является важной частью теневой экономики, распространен и «бартерный» обмен наркотиков на оружие и наоборот⁴³. Острую потребность в финансировании для закупок оружия, боеприпасов, подпольных баз,

лагерей и т.п. испытывают и те радикальные исламские группировки в Центральной Азии, которые ведут вооруженную борьбу и не гнушаются террористическими методами. В причастности к наркотрафику как одному из источников финансирования этих нужд обвиняют, в частности, боевиков Исламского движения Узбекистана во главе с Джумой Намангани⁴⁴ (предполагаемая гибель которого в Афганистане в ходе контртеррористической операции пока не доказана).

Однако при том, что наркобизнес легче осуществляется в условиях конфликта и общей нестабильности, его важной особенностью остается *относительная аполитичность* (о чем ярко свидетельствует пример Афганистана). В условиях конфликтной зоны наркостраны охотно идут на сотрудничество с противоборствующими сторонами, а в более стабильных условиях стремятся максимально обезопасить себя и свой бизнес за счет проникновения в государственные, в том числе силовые, структуры. И хотя экстремистские и террористические организации там, где это возможно, используют сотрудничество с наркогруппами в качестве одного из источников финансирования своих нужд, особенно в оружии и боеприпасах, опасность искусственной политизации наркобизнеса и использования борьбы с ним не по назначению, т.е. прежде всего в политических целях, не стоит недооценивать. Склонность использовать борьбу с наркотиками для криминализации политических, идеологических и религиозных оппонентов, в том числе различных организаций исламского толка, велика и для правящих кругов стран Центральной Азии. В условиях, когда основной объем наркотиков поступает в страны Центральной Азии из-за рубежа, привязка оппозиционных исламских групп к наркотрафику, помимо прочего, позволяет представить их исключительно как «внешнюю угрозу», не имеющую внутренней почвы и поддержки. Власти Киргизии, например, склонны в первую очередь увязывать вылазки боевиков на юге страны в 1999–2001 гг. с заинтересованностью наркобизнеса в «сохранении наркокоридоров для транзита афганских наркотиков в страны СНГ и Европы», о чем, по их мнению, свидетельствовал, в частности, неоднократный захват боевиками пограничного пункта Карамык на границе с Таджикистаном – перевалочного пункта наркотрафика из Афганистана через Хорог и Джиргаталь в Ош. Однако и до вылазок боевиков на юге

Киргизии граница в районе Карамыка была практически не обустроена, тогда как после баткенских событий 1999 г. власти решили укрепить этот участок, разместив там несколько сотен пограничников⁴⁵. О том, что цели акций боевиков на территории Киргизии не сводятся лишь к обеспечению маршрутов наркотрафика, свидетельствовали и попытки захвата ими объектов совсем иного характера, например телепередатчика в июле 2001 г.⁴⁶

В стремлении возложить основную вину за незаконный оборот наркотиков на радикальную исламскую оппозицию можно увидеть и *экономическую заинтересованность части местных элит* – в силу их собственной интегрированности в теневой сектор экономики и превращения в делового партнера наркобизнеса. В таких условиях кампания по борьбе с наркотиками, помимо прочего, нередко превращается в попытку устранить конкурентов и искусственно увеличить размеры взяток и поборов.

Вместо заключения

Хотя нестабильность и конфликты являются наиболее благоприятной средой для роста производства и незаконного оборота наркотиков, в определенных условиях и на определенной стадии конфликта наркобизнес может сам стать источником нестабильности. Известны примеры того, как наркобизнес наряду с некоторыми социально-экономическими факторами становился даже одной из основных движущих сил конфликта, как под его воздействием менялся характер противостояния, а усиление борьбы между конфликтующими сторонами за контроль над территориями возделывания наркосодержащих культур способствовало общей эскалации насилия. Классическим примером здесь может служить ситуация в Колумбии, где повстанцы не только облагают «революционным налогом» крестьян, выращивающих коку, опийный мак или коноплю, но и распределяют среди них семена наркосодержащих культур, охраняют плантации и урожай, участвуют в транспортировке наркотиков и предоставляют целый ряд других «услуг». Колумбийский пример, однако, значительно отличается от ситуации, сложившейся во второй половине 1990-х гг. в Афганистане, где производство и торговля опиумом носили относительно мирный характер и где оставалась лишь небольшая доля конечной прибыли от производимых наркотиков. Как уже отмечалось, талибы сами не занимались производством или торговлей наркотиками, а облагали их налогом (до введения в 2000 г. запрета на производство

опия), в их распоряжении были и другие, более прибыльные источники налогообложения (контрабандная транзитная торговля), а наркобизнес служил источником дохода и для оппозиционных им сил. В таких условиях попытки представить собиравшиеся талибами налоги с производства опия в качестве чуть ли не ключевого фактора их военных успехов или главного источника финансирования исламского экстремизма и терроризма в регионе и за его пределами не вполне обоснованы.

По этой логике активизация антитеррористических усилий, в том числе в рамках контртеррористической операции США, должна была бы предполагать и усиление борьбы с производством и незаконным оборотом наркотиков. Однако на практике операция США в Афганистане показала, что контртеррористические мероприятия в лучшем случае никак не увязаны со стратегией борьбы с наркотиками. По словам директора Федеральной пограничной службы К.В. Тоцкого, в Афганистане «боевые действия не очень влияют на наркобизнес», который «по-прежнему остается вне политики»⁴⁷: афганские наркоторговцы с успехом пережили американские бомбардировки и спецоперации (объектами которых не становились ни склады наркотиков, ни лаборатории по переработке опия), а урожай опийного мака 2002 г. имеет все шансы стать одним из самых высоких за десятилетие. Таким образом, вполне предсказуемым, хотя и, как хочется надеяться, временным «побочным ущербом» операции США в Афганистане фактически стало разрушение начавшей формироваться централизованной и относительно эффективной системы мер по борьбе с производством и незаконным оборотом наркотиков.

Этот пример, однако, отнюдь не означает, что антитеррористические мероприятия не могут и не должны внести свой действенный вклад в борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Усилия по борьбе с терроризмом не только стимулируют борьбу с отмыванием денег как на международном, так и на национальном уровне, но и напрямую укрепляют режим безопасности, особенно на границах. В свою очередь, меры по ужесточению пограничного режима (предпринятые, например, Казахстаном в рамках антитеррористической кампании после сентября 2001 г.) приводят к повышению эффективности перехвата наркотических средств. ■

¹ Если в 1999 г. на границах России было конфисковано 1 624 кг наркотиков, то в 2001 г. – уже 5 915 кг. С 1999-го

по 2001 г. только поставки героина в Россию возросли в четыре раза; легкие наркотики (имеются в виду прежде всего марихуана и другие наркотики на основе конопли) составили не более 7% от всех наркотиков, изъятых силами Федеральной пограничной службы РФ в 2001 г. (по данным ФПС РФ, объявленным ее директором К.В. Тоцким на пресс-конференции в пресс-центре газеты «Известия» 9 апреля 2002 г.).

² По данным Министерства внутренних дел РФ, 84% гашиша, 60% опиума и 53% марихуаны, изъятых правоохранительными органами России в 1998–1999 гг., поступили из бывших советских республик Центральной Азии (Контроль за наркотиками и предупреждение преступности в Российской Федерации. Организованная преступность и незаконный оборот наркотиков в Центральной Азии. М.: МВД РФ, 2000. С. 13).

³ В 2000 г., например, в Гильменде была собрана половина всего урожая опийного мака в Афганистане и произведено 39% всего мирового опиума.

⁴ При этом культивирование мака и торговля опиумом в Афганистане традиционно не рассматривались как криминальные действия, хотя собственно потребление наркотиков, больше распространенное, например, среди таджиков и туркмен, чем среди пуштунов, нередко приравнивалось к уголовному преступлению.

⁵ Central Asia: Drugs and Conflict. In: International Crisis Group (ICG) Asia Report. № 25. Osh/Brussels, 26 November 2001. P. 1.

⁶ Drugs Trafficking in the Region. In: Merging Wars: Afghanistan, Drugs and Terrorism. Drugs and Conflict Debate Paper. № 3. November 2001 (далее: Merging Wars).

⁷ Чарс – распространенный в Афганистане наркотик из конопляной смолы, часто с добавлением опиума.

⁸ Afghanistan and Central Asia: Priorities for Reconstruction and Development. In: ICG Asia Report. № 26. Osh/Brussels, 27 November 2001. P. 10.

⁹ Naqvi Z. F. Afghanistan-Pakistan Trade Relations. Islamabad: World Bank, 1999. P. 15–16.

¹⁰ ФАРК – Революционные вооруженные силы Колумбии.

¹¹ Подробнее см.: Chalk Peter. The War on Drugs: Is the USA's Colombia Policy Working? *Jane's Intelligence Review*. 2000. Vol. 12, No. 12, Dec. P. 40–42.

¹² Taliban and Opium Economy. In: Merging Wars.

¹³ International Narcotics Control Strategy Report. Wash., D.C.: US Dep. of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Efforts, March 2002. P. VII-7.

¹⁴ Ibid. P. VII-28.

¹⁵ Доклад Международного комитета ООН по контролю за наркотиками за 2001 г. Нью-Йорк: ООН, 2002. С. 85, п. 471 (далее: Доклад МККН).

¹⁶ Неудивительно, что героин в регионе стал доступнее опия. См. Доклад МККН. С. 81, пп. 443–446.

¹⁷ Там же. С. 85, п. 474.

¹⁸ International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-3.

¹⁹ Perl R. F. Taliban and the Drug Trade. Congressional Research Service (CRS) Report for Congress. Wash., D.C., 5 Oct. 2001. P. 2.

²⁰ Global Illicit Drug Trends 2001. N.Y.: UNODCCP, 2001. P. 231.

²¹ Illicit Drugs and Organized Crime: The Impact of Recent Developments in Afghanistan, by Amb. Mohammad Amirkhizi, Senior Policy Advisor to the UN ODCCP Executive Director. In: Summary Report, Bishkek International Conference on Enhancing Security and Stability in Central Asia: Strengthening Comprehensive Efforts to Counter Terrorism. Bishkek, 13/14 December 2001. P. 58.

²² Perl R. F. Op. cit.

²³ См., например, Guggenheim K. Afghanistan's Anti-Drug Efforts Could Be Casualty of Terrorism Fight. *Associated Press*. 2001, 26 Sept.

²⁴ Illicit Drugs and Organized Crime. P. 58.

²⁵ Доклад МККН. С. 81, п. 443.

²⁶ Пресс-конференция директора ФПС РФ К.В. Тоцкого в пресс-центре газеты «Известия» 9 апреля 2002 г. (далее: Пресс-конференция К.В. Тоцкого.)

²⁷ International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-5.

²⁸ Olcott Martha B. Drugs, Terrorism, and Regional Security: The Risks from Afghanistan. Testimony before the U. S. Senate Judiciary Committee Subcommittee of Technology, Terrorism and Government Operations. Wash., D.C., 13 March 2002.

²⁹ Ibid. P. VII-26.

³⁰ Подробнее см. Shahzad S. S. US Turns to Drug Baron to Rally Support. *Asia Times*. 2001, 4 Dec.

³¹ Доклад МККН. С. 81, п. 446.

³² International Narcotics Control Strategy Report. P. VII-5.

³³ См. Доклад МККН. С. 85, п. 475; Интервью командующего Московским погранотрядом ФПС РФ полковника А. Костюченко. Цит. по: Parshin Konstantin, Isamova Lidiya. Tajik, Russian Officials Suggest Tajikistan Is Developing into Drug Production Center. *Eurasianet*, 08.07.2001.

³⁴ По оценке Мэтью Кахейна, координатора гуманитарной помощи ООН в Таджикистане. См. Tajikistan: An Uncertain

Peace. In: ICG Asia Report. № 30. Osh/Brussels, 24 December 2001. P. 19.

³⁵ См. Доклад МККН. С. 86, п. 478.

³⁶ Там же. С. 84, п. 467.

³⁷ Пресс-конференция К.В. Тоцкого.

³⁸ *Росбизнесконсалтинг*. 06.03.2002.

³⁹ Tajikistan: An Uncertain Peace. P. 19.

⁴⁰ Central Asia: Drugs and Conflict. P. 19.

⁴¹ Например, о возможном использовании пакистанскими спецслужбами доходов от опиийного бизнеса для финансирования исламских экстремистов в Кашмире и сикхских – в Пенджабе (*Le Monde*. 2001, 21 Oct.).

⁴² Подробнее см.: Незаконная торговля наркотиками в России. Итоговый отчет Ин-та зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка. Фрайбург, октябрь 2000. С. 110.

⁴³ Об этом см. также Olcott M.B. Op. cit.

⁴⁴ Taleban and Opium Economy. In: Merging Wars.

⁴⁵ Подробнее см.: Герасимов М. Религиозный наркотрафик. *Независимая газета*. 1999, 3 ноября.

⁴⁶ Koichiev A. Skirmishes Suggest IMU is Changing Tactics. *Eurasianet*. 08.06.01.

⁴⁷ Пресс-конференция К.В. Тоцкого.

Вышли в свет в июне – июле 2002 года

- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. Vol. 7, № 4. Summer 2002. В номере: Владимир Орлов «”Черные дыры” – отсюда исходит угроза режимам нераспространения»; Василий Лата, Владимир Мальцев «Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности»; Иан Кенион «ПРО: путь к сотрудничеству или к конфликту. Европейская перспектива»; Юрий Федоров «Субстратегические ядерные вооружения: российские интересы безопасности и перспективы контроля»; Надежда Арбатова «Расширение НАТО: как обойти Россию?»; Мортен Бремер Маэрли «Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-Морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры». Цена 1500 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 12. Июнь 2002. В номере: Александр Дмитриев. «Российские олигархи: начнется ли вторая жизнь» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 13. Июль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Власть и Коммунистическая партия Российской Федерации: попытка погрома или преддверие флирта?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 14. Июль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «”Союз правых сил”: перед выбором» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. № 15. Август 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Политическая ситуация в России: политические каникулы?» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

См. также с. 7, 35

Полемика**РАКЕТНО-ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ: ВОПРОС ИРАНА¹****Владимир Новиков**

Иранская тема в российско-американском сотрудничестве связана, в частности, с решением двух основных вопросов: 1) осуществляет ли Иран программу создания ядерного оружия и средств его доставки, нарушая тем самым международные режимы ядерного и ракетного нераспространения, и 2) способствует ли российско-иранское сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии появлению в Иране ядерного оружия.

Для ответа на эти вопросы необходим объективный анализ доступной информации. Однако проблема информации, касающаяся Ирана, играет особую, нередко весьма негативную роль, которая затрудняет аналитические исследования и прогнозы перспектив развития ракетно-ядерных технологий в стране и их влияния на возможность появления ядерного оружия.

В настоящий момент отмечается виртуальное существование двух типов информации: а) так называемой «закрытой информации из компетентных источников» и б) открытой информации, широко циркулирующей по каналам масс-медиа и Интернета.

Если говорить о «закрытой информации из компетентных источников», то ее анализ абсолютно бесперспективен, поскольку нет возможности изучить эту информацию, не говоря уже об оценке ее источников; кроме того, организованные «утечки» информации или «убеждение» американской стороной российских официальных лиц в наличии достоверной соответствующей информации без представления самой информации аналогичны идентификации личности человека по его ДНК без самих материальных носителей ДНК. Подобная научная задача представляется практически неразрешимой.

Что касается открытой информации, то, как это ни парадоксально, ее слишком много, весьма часто она является повторением или интерпретацией (причем не всегда верной) той информации, которая была обнародована значительно раньше. Чрезмерный объем подобной информации создает информационный шум и затрудняет объективный анализ. Несомненно, что

существует информация из официальных источников (будь то государственные или международные организации, например МАГАТЭ), степень доверия к которой несравнимо выше, чем к публикуемым «жареным фактам». Однако этой информации явно недостаточно или она не всегда доступна. Тем не менее именно на ее основе и возможен относительно объективный анализ, а «жареные факты» могут быть своего рода «приправой» к «вкусным пристрастиям» аналитика. Важно только, чтобы «приправа» не стала (сознательно или неосознанно) самодовлеющей.

К сожалению, характерной чертой большого числа публикаций об Иране является именно переизбыток «приправы». Если допустить, что перед СМИ ставилась задача сформировать у международного сообщества (особенно у его демократической, западной части) мнение, что Иран осуществляет секретную программу создания ядерного оружия и средств его доставки, то можно утверждать, что такая цель в значительной степени достигнута. Однако к реальным фактам это имеет весьма косвенное отношение.

Ниже приводятся результаты анализа открытой информации, который позволяет оценить состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране.

Характер нынешней ядерной программы Ирана в существенной степени определяется ядерной программой, разработанной еще при шахе. В первую очередь это касается стратегии создания ядерной инфраструктуры, т.е. соответствующих звеньев ядерного топливного цикла. Такая стратегия была ориентирована на достижение значительного уровня самообеспеченности, овладение «критичными» технологиями, что создавало научно-технические предпосылки появления в стране ядерного оружия. При этом главную роль играло широкое сотрудничество с западными странами, в первую очередь с США, ФРГ и Францией. Имеет смысл отметить, что ни США, ни другие западные страны не возражали против реализации ядерной программы при шахе.

После «исламской революции» отношение к ядерным технологиям и «мирному ядерному сотрудничеству» коренным образом изменилось. Примечательно, что новое руководство ИРИ даже не настаивало на запланированном завершении всех заключенных контрактов, не говоря уже о расширении номенклатуры ядерного экспорта. Тем не менее руководство США довольно скоро решило, что введение эмбарго на поставки в Иран практически любой ядерной продукции крайне важно с точки зрения укрепления международного режима нераспространения. При этом в эмбарго должны были участвовать практически все страны-поставщики ядерной продукции. С точки зрения международного права такие действия, мягко говоря, — это нонсенс, тем более что практически до конца 1980-х гг. ядерная программа Ирана находилась в глубочайшем кризисе, и заявления о возможности появления в стране ядерного оружия даже в среднесрочной перспективе можно было расценивать как несерьезные.

Только с конца 1980-х гг. наблюдается рост внимания иранского руководства к развитию ядерной энергетики, которое Иран мог осуществить исключительно с помощью промышленно развитых стран. Но противодействие США реализации этой программы можно считать весьма эффективным: почти все поставщики ядерной продукции под давлением США свернули сотрудничество с Ираном в ядерной области. Исключение составила Россия.

В настоящее время практически единственным официальным иранским партнером в области мирного использования ядерной энергии является Россия. При этом решение о сотрудничестве в ядерной области с Ираном российское руководство приняло только после заверений соответствующих российских компетентных органов, что в Иране не осуществляется ядерная программа военного назначения.

Подписанные российско-иранские соглашения о сотрудничестве в ядерной области полностью соответствуют требованиям международного режима нераспространения ядерного оружия, осуществляются под контролем МАГАТЭ и в соответствии с положениями международного права и внутреннего законодательства России.

Несмотря на широкий перечень различных направлений сотрудничества двух стран в

ядерной области, которые имеются в соглашении, на практике относительно активно реализуются всего несколько. К ним относится строительство в Бушере первого ядерного энергоблока ВВЭР-1000, поставка для него ядерного топлива и подготовка иранских специалистов для эксплуатации АЭС. Ни поставка в Иран сравнительно мощного легководного исследовательского реактора (о тяжеловодном реакторе разговор даже не идет), ни строительство шахты для добычи урана, завода по производству уранового концентрата и предприятия по обогащению урана и производству ядерного топлива не были осуществлены, и вероятность этого в ближайшей перспективе крайне низка. Россия не только не передает Ирану ядерную технологию, относящуюся к «критичной», но даже не обучает иранских специалистов по соответствующим специальностям.

Все сказанное дает основание утверждать, что заявления «о значительном вкладе России в рост предпосылок появления в Иране ядерного оружия» абсолютно неверны.

Анализ имеющейся в настоящее время в Иране ядерной инфраструктуры позволяет сделать вывод, что в среднесрочной перспективе Иран не в состоянии создать научно-технические предпосылки для разработки и производства ядерного оружия: в стране отсутствуют ключевые звенья технологической цепочки, необходимой для создания ядерного оружия на основе высокообогащенного урана или оружейного плутония.

Обвинения Ирана в осуществлении незаявленной ядерной деятельности, в создании ядерного оружия, которые постоянно звучат со стороны официальных лиц США и представителей политического и научного истеблишмента, до сих пор не получили убедительного подтверждения. Ни одна инспекция МАГАТЭ на «подозрительных» объектах не выявила фактов незаявленной ядерной деятельности.

Таким образом, из анализа открытой информации относительно реализации ядерной программы Ирана не следует однозначный вывод об осуществлении (или неосуществлении) страной секретной программы создания ядерного оружия. Более корректно было бы сказать, что реализация иранской ядерной программы в полном объеме объективно — как и в случае с другими странами — ведет к созданию такой ядерной инфраструктуры, которая могла бы (в случае

необходимости) обеспечить наличие научно-технических предпосылок для создания ядерного оружия. В то же время, учитывая опыт других стран, следует подчеркнуть, что научно-технические предпосылки создания ядерного оружия далеко не тождественны созданию самого оружия. Для создания гарантированно работоспособного ядерного боезаряда нужно осуществить комплекс сложных НИОКР и испытания боезаряда. Еще более сложные НИОКР требуются для создания ядерного оружия как системы оружия (отметим, что требования к созданию «грубого» ядерного взрывного устройства значительно слабее, и в настоящее время «чувствительная» информация, связанная с созданием такого устройства, более доступна, чем 20 лет назад).

В качестве «наиболее убедительного» косвенного доказательства стремления Ирана обладать ядерным оружием, которое используют США (и Израиль), упоминается ракетная программа Ирана. При этом стремление Ирана к достижению самообеспеченности в ракетной области и разработка баллистических ракет малой и средней дальности характеризуются как явное намерение обладать ракетными средствами доставки ядерного оружия. Как представляется, такая оценка ракетной программы Ирана не вполне объективна, поскольку, во-первых, потенциальные средства доставки ядерного оружия в этих доказательствах необоснованно трансформируются в действующий компонент ядерного оружия как системы оружия, а во-вторых, для этих целей, по крайней мере на первых порах, достаточно и авиасредств.

Однако, по мнению практически всех российских и зарубежных экспертов, не вызывает сомнения, что импортированные ракеты *Scud-B* и *Scud-C*, находящиеся на вооружении иранской армии, и разрабатываемая ракета *Шахаб-3* могут рассматриваться в качестве потенциальных средств доставки ОМУ. Одновременно ведется целенаправленная работа по созданию новых ракет, обладающих большей дальностью и точностью наведения, что позволит Ирану (в перспективе) распространить свою военную мощь за границы Персидского залива.

Анализируя перспективы сотрудничества Ирана с Россией в ядерной области, можно утверждать, что в ближайшем будущем Россия останется едва ли не единственным поставщиком мирной ядерной продукции,

главным партнером в развитии ядерной энергетики ИРИ. Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока к власти в Иране не придет более «прозападное» руководство и пока США не перестанут зачислять ИРИ в список стран «оси зла». В этом случае США могут даже стать конкурентами российских производителей ядерной продукции, что может привести к переориентации Ирана на США и естественному ослаблению российско-американских противоречий (по вопросу сотрудничества) в их нынешнем виде.

Сотрудничество России с Ираном в ядерной области и наличие сравнительно тесных военно-технических связей, с одной стороны, дает определенные возможности для укрепления взаимовыгодного экономического партнерства, способствует установлению добрососедских отношений РФ в политической и экономической областях с одной из стран-лидеров региона. С другой стороны, не следует забывать о потенциале противоречий интересов, в частности вокруг каспийской нефти. Но и в этом случае весьма важно избегать резких изменений в характере сотрудничества России и Ирана. Значительное сокращение взаимодействия в ядерной области (под давлением США) без представления убедительных доказательств военной направленности ядерной программы Ирана может рассматриваться последним как проявление враждебной политики, угроза национальной безопасности страны. Кроме того, иранское руководство может принять односторонние ответные меры (что вряд ли соответствует национальным интересам России) и, вполне вероятно, переориентироваться в вопросе о партнерах. Последнее может привести к более сложным взаимоотношениям России не только непосредственно с ИРИ, но и с другими влиятельными членами мирового сообщества.

Необходимо также учитывать и тот факт, что успех (или неуспех) России в завершении строительства АЭС в Бушере является своего рода критерием состоятельности РФ в качестве надежного поставщика ядерной продукции. Сокращение экспортных заказов окажет отрицательное воздействие не только и не столько на Минатом, но и на весь ядерно-энергетический комплекс России, что негативно скажется на обеспечении национальной безопасности РФ.

Одним из возможных способов преодоления подозрений относительно поставляемой в Иран российской ядерной продукции может

быть проведение независимой экспертизы этой продукции, например, экспертами МАГАТЭ.

Политику США по отношению к Ирану в области ракетно-ядерных технологий вряд ли можно считать эффективной или продуктивной, если полагать, что конечная цель американского руководства заключается в том, чтобы предотвратить появление в Иране ядерного оружия и средств его доставки, используя для этого активно пропагандируемые методы демократии, цивилизованных межгосударственных отношений. Чем больше США нагнетают обстановку вокруг Ирана, чем больше угрожают применить силу, вплоть до превентивных военных акций, тем сильнее у руководства ИРИ ощущение реальной угрозы национальной безопасности страны. В таких условиях создание ядерного оружия в Иране вполне обоснованно может рассматриваться в качестве средства парирования этой угрозы, что увеличивает стимулы к его созданию.

Если же допустить, что США сознательно провоцируют Иран на деятельность, способствующую появлению в стране научно-технических предпосылок создания ядерного оружия, то шаги по нагнетанию напряженности можно объяснить. Проглядывается желание повторить своего рода иракский вариант, когда «обеспокоенное и возмущенное международное сообщество» выдает США карт-бланш на проведение единолично или в составе «широкой коалиции» масштабной военной акции. В результате устанавливается практически полный контроль над страной, а в Тегеране к власти приходит «правительство демократического большинства», более чем лояльно относящееся к США. Однако и в этом случае дело обстоит не так просто.

Во-первых, нет никакой гарантии, что руководство Ирана «дважды не наступит на одни и те же грабли» и не повторит ошибку Саддама Хуссейна. Наиболее вероятно, что оно постарается не предоставлять мировому сообществу во главе с США достаточный повод для начала военной акции.

Во-вторых, совсем не очевидно, что военные действия против Ирана с применением обычных вооружений будут столь же успешны, как в Ираке.

В-третьих, можно с большой долей уверенности утверждать, что реакция различных мусульманских стран и негосударственных игроков (мусульманских экстремистов и террористов) на военную акцию может быть весьма непредсказуемой, но почти наверняка очень острой, особенно в области ответных акций.

Наконец, нет никакой гарантии, что в Иране найдется столь желаемое «демократическое большинство», которое будет способно эффективно управлять страной в нужном для США направлении.

Описанную выше стратегию оказания давления на Иран вполне можно охарактеризовать так: «загоним крысу в угол». Как правило, в этой ситуации крыса бросается на загоняющего, даже если он много сильнее. Хочется, чтобы авторы подобной стратегии не забывали об этом.■

¹ В данном материале представлены размышления автора по поводу тезисов, приведенных в статье Роберта Айнхорна и Гэри Сеймура «Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы», опубликованной в предыдущем номере *Ядерного Контроля*.

Комментарий**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИКИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КЕДО)****Анатолий Лучин**

С самого начала осуществления полноохватных гарантий в КНДР в соответствии с соглашением, вступившим в силу в апреле 1992 г., у МАГАТЭ, явно с подачи американцев, возникли подозрения, что Северная Корея поставила под контроль не весь имевшийся у нее ядерный материал. Было высказано предположение о том, что на экспериментальном энергетическом реакторе в Йонбене осуществлена необъявленная загрузка активной зоны реактора топливом, переработанным после облучения.

По оценкам экспертов МАГАТЭ, северокорейцы могли выделить плутоний в количестве, достаточном для изготовления 5–6 ядерных взрывных устройств. По словам представителей Агентства, для такого предположения были основания, поскольку образцы проб радиоактивных отходов и мазковые пробы в горячих камерах не соответствовали заявленному режиму работы реактора.

После жестких и настойчивых требований, предъявленных МАГАТЭ, представить доказательства отсутствия незаъявленных грузов реактора КНДР в 1993 г. объявила о своем выходе из ДНЯО и прекращении на своей территории осуществления гарантий.

Однако после двусторонних консультаций с США Северная Корея приостановила свой выход из Договора, а затем было подписано известное рамочное соглашение 1994 г., положившее начало институциональному процессу по созданию КЕДО.

Создание КЕДО

В марте 1995 г. в Нью-Йорке представители США, Республики Корея и Японии подписали соглашение о создании международного консорциума КЕДО (Korean Energy Development Organization) с целью обеспечить финансирование и поставку в КНДР двух современных легководных реакторов (ЛВР) в обмен на прекращение («замораживание») Пхеньяном национальной ядерной программы. В Исполнительный совет – высший орган КЕДО (исполнительным директором стал представитель США) вошли представители трех стран-учредителей и ЕС, а общее

количество государств-участников консорциума составило 23.

В декабре 1995 г. в Нью-Йорке было заключено соглашение между КНДР и КЕДО о поставке в Северную Корею двух ЛВР мощностью по 1000 МВт каждый. По условиям этого контракта КНДР взяла на себя обязательство разрешить МАГАТЭ возобновить инспекции по гарантиям «незамороженных» ядерных объектов, оставаться участником ДНЯО и в полной мере соблюдать Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, когда будет завершена значительная часть объекта, но до поставки ключевых ядерных компонентов.

В августе 1997 г. официально объявлено о начале строительства АЭС в КНДР недалеко от порта Сипхо на побережье Японского моря. Общая стоимость контракта определена в 4,6 млрд долл. (северокорейская сторона будет компенсировать затраты КЕДО равными долями в течение 20 лет спустя три года после завершения строительства и введения в эксплуатацию). Южная Корея выделит 3,2 млрд, Япония – 1 млрд, ЕС – 130 млн, США – 115 млн долл. Соединенные Штаты обязались также ежегодно поставлять в КНДР 500 тыс. тонн мазута в порядке компенсации в связи с замораживанием ее ядерно-энергетической программы.

В декабре 1999 г. был подписан контракт между КЕДО и южнокорейской электроэнергетической компанией КЕПКО на строительство «под ключ» двух ЛВР.

Нынешний этап деятельности КЕДО

На данном этапе создается необходимая инфраструктура, а также согласовываются многочисленные протоколы по реализации контракта. Срок строительства определен в девять лет. В качестве субподрядчиков привлекаются компании из стран-участниц КЕДО. На тендер выставляются контракты о строительстве наименее важных объектов, так как право на поставки турбин, парогенераторов и ядерного топлива изначально было закреплено за основными участниками проекта – Южной Кореей, США,

Японией и Евросоюзом в лице Европейского сообщества по атомной энергии (ЕАЕС).

Выполнен солидный объем работ по подготовке площадки под ЛВР. На месте будущей станции полностью скрыта гора, проделаны необходимые топологические и геофизические исследования, подготовлен участок скального грунта для заливки бетона. По графику работ его бетонирование начнется в августе 2002 г. и продолжится 7–8 месяцев. После этого можно будет приступать к возведению самого корпуса АЭС и вспомогательных объектов. При этом уже оборудованы причалы, построен поселок на несколько тысяч человек с автономной инфраструктурой, подведены дороги.

Вместе с тем имеется серьезное отставание от графика работ практически по всем направлениям. Не решен вопрос об определении и контрактации субподрядчиков на изготовление некоторых важных компонентов ЛВР. При этом представители КЕДО пытаются перевести ответственность за нарушение сроков на северокорейскую сторону. Потенциальные субподрядчики не могут, мол, бесконечно ждать, пока Пхеньян, наконец, согласится допустить на свои ядерные объекты специнспекции по линии МАГАТЭ. Ведь только после этого можно будет с точностью определить период и смету работ над ключевыми компонентами реакторов (по рамочному соглашению 1994 г. поставке ключевых компонентов ЛВР должно предшествовать окончание инспекций). Пока КНДР не выполнила и условие о законодательном обеспечении международных стандартов безопасности реакторов.

Поставки компенсационного мазута проходят с постоянными задержками. Сбои в получении топлива наблюдаются и в этом году. Остается непогашенной часть задолженности за 2001 г.

Со своей стороны, Пхеньян жестко отреагировал на объявленный перенос сдачи в эксплуатацию АЭС с 2003-го на 2007–2008 гг., а также на резолюцию Генеральной конференции МАГАТЭ, в которой говорится, что реализация проекта находится под угрозой срыва из-за отказа КНДР допустить международных инспекторов на свои ядерные объекты. Кроме того, северокорейцы потребовали от США возмещения ущерба, понесенного страной в результате задержек в строительстве атомных электростанций. Категорически не приемлют в Пхеньяне и предложенную представителями новой

американской администрации идею замены атомной станции на тепловую.

Таким образом, в настоящее время условия рамочного соглашения не выполняются обеими сторонами. КЕДО минимум на пять лет затягивает сроки выполнения работ по строительству двух ЛВР. Северокорейцы же не дают МАГАТЭ необходимой информации, которая бы могла пролить свет на историю эксплуатации экспериментального реактора.

Как представляется, Пхеньян использует неопределенность относительно своего возможного ядерного потенциала для давления на США и их союзников с тем, чтобы те вначале выполнили свои обязательства по строительству АЭС. Северокорейцы прямо заявляют, что американцы их обманули: Пхеньян, мол, отказался от своей ядерной программы, но ничего не получил взамен.

В то же время Вашингтон усиливает нажим на КНДР с целью добиться от Пхеньяна незамедлительного и полного выполнения обязательств по рамочному соглашению в плане транспарентности. Без выполнения этого требования, как заявляют американцы, поставки чувствительных элементов АЭС в КНДР производиться не будут.

Одновременно США усиливают давление на Северную Корею с тем, чтобы заставить ее допустить на ядерные объекты инспекторов МАГАТЭ. Так, в марте этого года Дж. Буш по рекомендации госдепартамента принял решение не подтверждать Конгрессу информацию об отказе КНДР от использования ядерных материалов для создания ядерного оружия. Как известно, такое подтверждение необходимо, чтобы Конгресс выделил очередной взнос КЕДО для строительства ЛВР.

Следует, однако, отметить, что в последнее время намечается некоторый прогресс в отношениях между руководством КНДР и КЕДО. В начале декабря 2001 г. в Пхеньяне исполнительным директором консорциума Чарльзом Картманом и Ким Хи Муном, курирующим проект с северокорейской стороны, было подписано соглашение о гарантии качества ядерных реакторов. В этом соглашении, в частности, оговариваются взаимные права и обязанности КЕДО и КНДР, а также гарантируется неприкосновенность служащим КЕДО и субподрядчикам.

В конце апреля – начале мая 2002 г. в КНДР побывали две делегации КЕДО (специалисты на уровне руководства среднего звена и технические эксперты). Стороны обсудили ход выполнения соглашения о поставках оборудования и ряд технических вопросов, связанных с безопасной эксплуатацией будущей АЭС. Был также согласован проект протокола о мерах по предотвращению аварий на АЭС. Доводка этих документов потребует проведения еще ряда сугубо рабочих встреч.

В качестве благоприятной тенденции можно рассматривать и готовность Северной Кореи допустить инспекторов МАГАТЭ на территорию своего ядерного центра в Йонбене, о которой они заявили сразу после визита Чарльза Картмана (впоследствии был разрешен технический визит специалистов Агентства в радиоизотопную лабораторию, который состоялся в январе текущего года).

Представляется, что скорейшее выполнение Пхеньяном требований МАГАТЭ отвечало бы его собственным интересам. Ведь Агентству, по заключению его экспертов, потребуется 3–4 года для того, чтобы проанализировать полученную информацию и подтвердить или опровергнуть первоначально переданные Пхеньяном сведения. Поставки же оборудования для строительства АЭС могут быть начаты уже сейчас, после передачи этой информации.

Итоги последней Генеральной конференции КЕДО

23 мая 2002 г. в Нью-Йорке состоялась ежегодная Генеральная конференция КЕДО, в которой впервые в качестве наблюдателя принял участие представитель России. В таком же статусе участвовали Бразилия, Индия, Пакистан и Украина.

Исполнительный директор КЕДО Чарльз Картман в своем выступлении выделил две основные проблемы осуществляемых программ: финансирование со стороны стран-участниц и поставки мазута. К настоящему времени из 4,6 млрд долл. освоено лишь 882,3 млн. По самым оптимистическим прогнозам, запуск первого из двух реакторов может произойти не ранее 2008 г.

Что касается ежегодных поставок в КНДР мазута, то в текущем финансовом году они ожидаются на сумму в 91 млн долл., а на

следующий год пока выделено 82,5 млн долл. При этом в ходе Генеральной конференции руководители консорциума подчеркивали важную роль, которую Россия играла в осуществлении поставок мазута в КНДР, и выражали заинтересованность в возобновлении таких поставок («желательно по льготным ценам»).

Среди других проблем проекта называлось кризисное состояние электросети и всего электрооборудования КНДР, совершенно не приспособленных для потребления и распределения мощностей будущей АЭС. К настоящему времени участники КЕДО не имеют готовых предложений для решения этой проблемы.

Россия и КЕДО

Руководство консорциума в общем плане высказывается за подключение России к деятельности КЕДО. Расчет делается на то, что российское участие будет сигналом о поддержке работы консорциума Россией и поможет рассеять сомнения северокорейцев относительно жизнеспособности самого проекта.

В официальном плане Россия подчеркивает свою готовность в принципе участвовать в КЕДО, если ее место и роль в этом международном консорциуме будут адекватны уровню развития российской ядерной энергетики, интересам российской атомной промышленности и накопленному опыту работы с Северной Кореей в этой области. С учетом этих факторов российская сторона не форсирует решение вопроса о членстве в КЕДО.

В то же время признано целесообразным продолжать развивать сотрудничество между организациями Минатома и КЕПКО в целях возможного подключения российской промышленности к сооружению АЭС в КНДР на выгодных для Москвы условиях (скажем, в форме поставки Россией ядерного топлива, компонентов и оборудования). Россия, в принципе, также готова предложить альтернативный подход – сооружение за счет средств КЕДО на территории КНДР или на своей территории вблизи российско-корейской границы атомной электростанции по российскому проекту в составе двух блоков по 1000 МВт каждый. Руководство КЕДО пока не поддерживает подобные идеи.■

Комментарий**ИРАНСКАЯ ТЕМА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОМ ДИАЛОГЕ ПО РАКЕТНОМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ¹****Алексей Краснов**

Российское авиационно-космическое агентство совместно с МИД РФ и другими органами федеральной исполнительной власти принимало активное участие в выработке двусторонних российско-американских договоренностей по формированию основы для вступления Российской Федерации в члены международного режима контроля за распространением ракетных технологий (РКРТ). В начале 1993 г. был развернут интенсивный процесс консультаций с представителями администрации США по выработке практических шагов, необходимых для приведения законодательства России и национальной экспортной практики в соответствие с основополагающими принципами РКРТ. В этом контексте, в частности, были приняты решения по сокращению объемов и содержанию сотрудничества с Индией по криогенным ракетным двигателям. В этом вопросе Росавиакосмос (в то время Российское космическое агентство – РКА) занял, как представляется, единственно правильную позицию – признание необходимости содействия мерам по вступлению Российской Федерации в РКРТ и гармонизации национальных норм в области экспорта ракетных технологий с основополагающими принципами РКРТ. Это позволило бы открыть дорогу продвижению российских авиакосмических предприятий на мировой рынок космических проектов. РКА исходило из того, что наиболее перспективными являются сотрудничество на государственном уровне и промышленная кооперация в космической сфере со странами, обладающими сходными с российским потенциалами в этой сфере, имея в виду, прежде всего, страны-члены Европейского космического агентства и США. Такая позиция в результате привела к существенным положительным результатам.

В 1996–1997 гг. в рамках двусторонних контактов с США все активнее зазвучала иранская тема в плане озабоченностей возможными или якобы имеющимися случаями утечки ракетных технологий из России в Иран. Осенью 1997 г. решением президентов России и США был утвержден формат диалога по данному вопросу, с

русской стороны вести эту работу было поручено Российскому космическому агентству. Здесь следует особо отметить, что ни на тот момент, ни сейчас у официального русского органа, отвечающего за координацию международной деятельности в области космических исследований, которым является РКА, не было никаких договоренностей по сотрудничеству с иранской стороной.

В ходе двустороннего диалога с США в период 1997–2000 гг. был рассмотрен ряд вопросов, касающихся конкретных озабоченностей США экспортной деятельностью ряда предприятий русской промышленности. Русская сторона, учитывая ограничения по отношению к раскрытию информации о хозяйственной деятельности самостоятельных субъектов Русской Федерации, тем не менее представила исчерпывающие сведения, свидетельствующие о том, что нарушения русского законодательства в области экспортного контроля со стороны конкретных предприятий отсутствуют. Стоит отметить, что это законодательство полностью соответствует основополагающим принципам РКРТ и постоянно обновляется в части контрольных списков. Вторым положительным моментом стал обмен мнениями по мерам совершенствования национальной системы экспортного контроля России, который способствовал доработке нового экспортного законодательства, принятого в 1999 г.

К негативным аспектам этого диалога следует отнести принятие решений в 1998–1999 гг. о введении административных санкций против ряда русских предприятий. Эти решения явились следствием расширительного толкования требований международного режима РКРТ национальным законодательством США и попыток его экстерриториального применения, что нашло отражение в принятом впоследствии Законе 2000 г. «О нераспространении в Иран», в котором Росавиакосмос и подведомственные ему предприятия представлены в качестве основного источника возможного ракетного распространения, в частности, в Иран.

К сожалению, в целом плодотворный диалог с США по столь чувствительной тематике был использован Соединенными Штатами для решения сугубо политических задач, не имеющих прямого отношения к проблемам нераспространения ракетных технологий. Заложником принятых политических решений стала, прежде всего, уникальная программа Международной космической станции и, как следствие, другие проекты с США в космической области.

С 2000 г. диалог по вопросам экспортного контроля практически прекратился, хотя, несмотря на столь существенные негативные последствия предыдущего опыта, подобный диалог в целом рассматривается нами как полезный и необходимый. Вряд ли стоит ожидать, что различия в толковании требований РКРТ, реализуемых с позиций абсолютно разных подходов к торгово-экономическим отношениям с Исламской Республикой Иран в России и США, могут быть исключены без выработки взаимоприемлемых для обеих стран компромиссных решений. Сегодняшняя ситуация, с учетом отсутствия диалога по снятию напряженности в этом вопросе, не дает оснований для существенного оптимизма. Парадокс состоит в том, что позиции руководства России и США по теме нераспространения одинаковы. Мы также полагаем, что создание ракетных средств доставки ОМУ в государствах Ближнего и Среднего Востока не отвечает нашим национальным интересам и потенциально может представлять угрозу нашей национальной безопасности. Этот тезис касается не только Ирана и других стран этого региона, но и Израиля, с которым США, несмотря на отказ этого государства присоединиться к международным режимам

по нераспространению, активно сотрудничают в ракетной сфере. И в этом наши позиции расходятся, так как мы не ведем сотрудничества и с Израилем, которое могло бы содействовать созданию или совершенствованию ракетных средств доставки ОМУ в этой стране.

Хотелось бы надеяться, что иранская тема не явится таким непреодолимым препятствием, которое не позволит развиваться российско-американскому сотрудничеству в космосе. Как представляется, совершенствование системы контроля за чувствительными технологиями, особенно важное в ситуации обострения угрозы терроризма, лежит как раз не в плоскости запретов на легитимное и транспарентное сотрудничество между государствами и предприятиями, использующими одни и те же базовые принципы нераспространения, закреплённые в международных режимах. Напротив, интеграционные процессы, участие в совместных проектах, подобных «Морскому старту», Ай-эл-эс (ILS) и др., находящихся в сфере внимания государственных органов в плане контроля за перемещением технологий, содействуют становлению института подразделений внутрифирменного экспортного контроля на участвующих российских предприятиях и укреплению ответственности экспортера в столь деликатной сфере контроля над экспортом, где далеко не всегда можно разделить контролируемые предметы по принципу «черное – белое».■

¹ В основе комментария лежит выступление на семинаре «Перспективы российско-американского диалога по ядерному и ракетному нераспространению: вопрос Ирана», проведенном ПИР-Центром совместно с американским Центром стратегических и международных исследований (CSIS) в Москве 11 июля 2002 г.

Обзор**ОРУЖИЕ НЕЛЕТАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ****Виталий Цыгичко****Владимир Дьяченко**

Радикальные изменения, которые произошли в международной обстановке в период после окончания холодной войны, характеризуются резким уменьшением вероятности развязывания широкомасштабных войн и появлением нового спектра угроз национальной и международной безопасности, связанных с региональной нестабильностью и возможностью международного терроризма. Современные социальные и политические условия вызвали к жизни новые теории ведения вооруженной борьбы, изменили требования к ее средствам и способам; при этом как следствие возникли новые концепции строительства вооруженных сил, соответствующие складывающимся в настоящее время условиям.

Сегодня наряду с традиционным арсеналом разрабатываются средства, которые способны выполнять специфические задачи в локальных конфликтах, миротворческих миссиях и полицейских операциях и т.п. и при этом, по возможности, не наносить противнику, и в особенности мирному населению, большие потери в живой силе и значительный материальный урон. Эти средства основаны, в частности, на использовании специально подобранного акустического, оптического или электромагнитного излучения, временно выводящего из строя живую силу и технику противника, а также на применении информационного и психологического воздействия, которое вызывает изменение восприятия действительности и влияет на принятие решений. Предполагается, что такие средства, получившие название *оружие нелетального воздействия* (ОНЛВ), дадут государствам возможность добиваться своих целей в тех случаях, когда использование обычного оружия неприемлемо по политическим и этическим соображениям. Кроме того, ОНЛВ в сочетании с традиционным вооружением может быть «усилителем боевой мощи» в военных действиях и, следовательно, может существенно изменить соотношение сил в конфликте.

ОНЛВ принято делить на оружие, *поражающее живую силу*, и оружие, *наиболее эффективное для поражения техники и воздействия на окружающую среду*. В ряде случаев ОНЛВ

может применяться для воздействия как на живую силу, так и на технику.

Функциональное назначение ОНЛВ, требования к нему, проблемы его легального использования

Понятие «оружие нелетального воздействия» на официальном уровне впервые было сформулировано в США в августе 1990 г. в очередном докладе, посвященном концепции «*воздушно-наземной операции*», который подготовило Командование TRADOC (учебное и научно-исследовательское) по строительству сухопутных войск. Согласно этому документу, наличие на вооружении ОНЛВ позволит значительно расширить возможности по реагированию в кризисных ситуациях, так как «часто возникают ситуации, в которых США не могут добиться своих целей, поскольку в результате будут убиты, нанесен вред окружающей среде, разрушены памятники культуры и т.п., и в целом существует большой риск сделать врагами США тех людей, которые до этого ими не являлись. ОНЛВ даст в руки вооруженных сил США действенный инструмент вмешательства в конфликт, которое было бы нежелательно при использовании обычного оружия».

Американские источники указывают, что непосредственным толчком к началу серьезного рассмотрения концепции ОНЛВ в МО США послужила докладная записка на имя министра обороны Д. Чейни, направленная в 1990 г. заместителем директора ЦРУ Р. Клайном, который в настоящее время уже в качестве председателя независимой организации «Совет по глобальной стратегии» продолжает выступать за открытие широкомасштабных работ по использованию и развитию ОНЛВ. По мнению военных специалистов США, американские вооруженные силы во время различных локальных конфликтов продемонстрировали свою способность побеждать противника с минимальными потерями для себя, а теперь стоит задача разработать такие средства и методы борьбы, которые не вызвали бы массовую гибель личного состава войск противника и особенно его гражданского населения.

9 июля 1996 г. министр обороны США утвердил представленную его помощником по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности директиву N 3000.3 «Политика в области ОНЛВ». Эта директива дает следующее определение ОНЛВ: *«Оружие нелетального воздействия – это оружие, которое разработано специально и применяется главным образом так, чтобы выводить из строя персонал или вооружение и военную технику (ВВТ) противника, в то же время минимизируя безвозвратные потери личного состава и нежелательное нанесение ущерба материальным ценностям и окружающей среде».*

В зарубежных странах для создания средств воздействия на живую силу предполагается рассмотреть самый широкий круг возможных технических решений, часть из которых использовалась ранее в качестве обычного оружия, а часть является принципиально новой.

Проблемы, которые привели зарубежные государства к принятию концепции оружия нелетального воздействия, стоят в настоящее время и перед Россией. Исследование проблем разработки ОНЛВ, выявление условий и способов его применения, а также оценка технической реализуемости различных видов этого оружия составляют для России важную и актуальную задачу.

Современный подход к созданию и применению средств нелетального воздействия на живую силу зародился и наиболее полно реализуется в США. Кроме США программы по созданию подобных средств в той или иной мере осуществляют европейские страны НАТО, в частности Великобритания и ФРГ. Наиболее масштабные программы в области ОНЛВ, кроме США, выполняют Израиль, Китай и Индия. Эти программы, вероятно, включают разработку всех основных видов и типов средств воздействия на живую силу.

При создании средств воздействия на живую силу необходимо прежде всего руководствоваться требованиями международных договоров и соглашений. Этот класс оружия соответствует требованиям ст. 35 Дополнительного протокола к Женевской конвенции 1949 г., согласно которой запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения боевых действий, способные причинять излишние повреждения или страдания либо делающие смерть сражающихся неизбежной, а также ведущие к

массовому разрушению и бессмысленному уничтожению материальных ценностей.

Женевская конвенция 1980 г. о запрещении и ограничении применения конкретных видов обычного оружия, наносящего чрезмерные повреждения или имеющего неизбирательное действие, и дополняющий ее Протокол 4 (Вена, 1995 г.), также не накладывают явных запретов на применение лазерного оружия (в том числе нелетального), но налагают ограничения на некоторые из его типов. Россия подписала и ратифицировала этот Протокол.

По мнению специалистов, наличие развитой системы международных договоров, препятствующих использованию многих средств воздействия на живую силу (химического и биологического оружия, ослепляющих лазеров и др.), не может служить запретом для изучения и концептуальной проработки ОНЛВ и даже его создания, по крайней мере с целью выработки адекватных мер противодействия.

В мире есть немало государств, готовых разрабатывать и применять запрещенные виды оружия. Средства нелетального воздействия на живую силу для них могут выглядеть более привлекательными, чем «смертельные» виды запрещенного оружия. Это объясняется, конечно, не повышенной гуманностью этих государств, а тем, что такое оружие при соответствующем его использовании способно значительно повысить эффективность обычного оружия, а в ряде случаев стать даже так называемым оружием глобального поражения.

Следует подчеркнуть, что некоторые виды ОНЛВ уже созданы, некоторые даже применялись в операциях вооруженных сил стран НАТО, тем не менее реализация основных технологических наработок и идей в этой области – дело будущего. Поэтому в настоящее время перспективы развития подобных средств воздействия на живую силу целиком определяются концептуальными положениями, научно-техническими и материальными возможностями проведения их в жизнь.

В отличие от обычного, «летального» оружия, которое уничтожает свои цели, проникая в них, взрывая или поражая осколками, нелетальное оружие действует способом, отличным от чисто физического воздействия. ОНЛВ должно иметь одно или оба из следующих свойств: по возможности обратимый эффект воздействия на персонал

или материальные средства; избирательность воздействия на объекты поражения.

Политика министерства обороны США в области ОНЛВ, согласно директиве N 3000.3, заключается в следующем:

- применение ОНЛВ должно повышать возможности ВС по сдерживанию противника и расширять спектр средств, доступных командующему, для предотвращения возможных враждебных действий и ограничения эскалации; временного вывода из строя оборудования, сооружений и личного состава; обеспечения лучшей защиты своих сил; а также для применения в ситуациях, когда летальные средства нежелательны;
- ОНЛВ должно быть спроектировано так, чтобы стоимость восстановления нормальных условий жизни после окончания конфликта была меньше, чем при применении обычного оружия;
- при этом наличие ОНЛВ не должно ограничивать власть и ответственность командующих по использованию всех возможных средств, имеющихся в их распоряжении, и принятие необходимых мер по обеспечению самозащиты;
- ни наличие, ни потенциальный эффект ОНЛВ не должны накладывать дополнительных обязательств по его применению или устанавливать более высокие пороги применения силы, чем это определено соответствующими законами.

Во всех случаях США оставляют за собой право применения ОНЛВ тогда, когда это оправданно и не противоречит международным нормам. При этом ОНЛВ не обязательно должно иметь нулевую вероятность нанесения безвозвратных потерь или постоянной инвалидизации. Тем не менее, хотя не гарантируется и не ожидается полное отсутствие этих эффектов, в тех случаях, когда ОНЛВ используется правильно, оно должно их значительно снижать по сравнению с обычным оружием. Кроме того, ОНЛВ может быть использовано в совокупности с летальным оружием для усиления эффективности последнего и общей эффективности боевых операций.

Основные принципы стратегии разработки средств нелетального воздействия на живую силу в США:

- минимизация потерь и долговременных физических увечий личного состава противника, но не обязательный, по

крайней мере в ближайшем будущем, полный отказ от них;

- исключение экологического ущерба;
- использование для дальнейшей разработки оружия только достаточно отработанных технологий, которые могут быть полностью реализованы не позднее чем через пять лет;
- обязательная, одновременная с созданием оружия, разработка средств противодействия ему, поскольку многие технологии (например, лазеры) достаточно просты, хорошо освоены и могут применяться даже террористами.

Создаваемые средства воздействия на живую силу должны достаточно эффективно противостоять возможным контрмерам со стороны противника. Сила воздействия этих средств на живую силу должна быть такой, чтобы выгода от их применения существенно превышала неудобства из-за необходимости дополнительных разведывательных операций, связанных с планированием военных действий и оценкой ущерба.

Серьезной проблемой в случае использования нелетальных средств воздействия на живую силу является необходимость соблюдения международных договоров, в частности, касающихся химического, биологического и бактериологического оружия. С правовой точки зрения многие аспекты не имеют однозначного толкования. Так, например, некоторые химические вещества, временно выводющие человека из строя, не очень четко отличаются от отравляющих веществ, применение которых запрещено международной конвенцией, а использование «полицейских газов» иногда с правовой точки зрения мало отличается от боевых действий.

Комиссия по пересмотру роли и задач вооруженных сил США в мае 1998 г. подготовила доклад, который дал новый импульс разработкам нелетальных средств воздействия на живую силу и способов их применения. Были определены высокоприоритетные задачи: борьба с распространением оружия массового поражения; ведение информационной войны; миротворческие и невоенные операции, при решении которых ОНЛВ может сыграть большую роль.

Предполагается, что при реализации программы разработок средства нелетального воздействия на живую силу могут поступить в войска уже через пять лет. К разработке

подобных средств подключилось также министерство юстиции. Правовые вопросы использования средств нелетального воздействия на живую силу прорабатываются этим ведомством с учетом постановления Верховного суда США о том, что «применение оружия против подозреваемых, скрывающихся с места совершения преступления, в том случае, если они не вооружены и не создают непосредственной угрозы жизни и здоровью офицеров правоприменительных органов, противоречит Конституции США».

Национальный институт юстиции тесно координирует свою работу в этой области с научно-исследовательскими учреждениями министерства обороны и министерством энергетики. С 1993 г. осуществляется специальная программа по вопросам создания средств воздействия на живую силу. Выделено семь областей сотрудничества с министерством обороны США, включая средства двойного назначения – летальные и нелетальные (например, лазерная винтовка с переключением мощности) и инфразвуковые акустические генераторы.

Вместе с тем, несмотря на принятие специальной директивы N 3000.3, решение проблем, относящихся к тактическим приемам применения ОНЛВ, принятию на вооружение, определению ситуаций, в которых может (должно) применяться ОНЛВ и т.п., все еще далеко от завершения. В целом среди военных специалистов есть как горячие сторонники, так и столь же бескомпромиссные противники средств нелетального воздействия на живую силу. Расширяя спектр возможных действий вооруженных сил, средства нелетального воздействия ликвидируют границу между мирными политико-экономическими мерами и чисто военными, что может усилить вероятность непреднамеренной эскалации конфликта.

Развертывание и применение оружия нелетального воздействия порождает ряд конкретных проблем, требующих тщательного рассмотрения. Доставка подобных средств – это уже акт войны. Самолет с оружием нелетального воздействия нарушает воздушное пространство противника так же, как и самолет с обычным оружием, и противник вправе применить против него любые средства. Боевая техника и сооружения после применения нелетального оружия могут быть восстановлены, а личный состав может остаться столь же боеспособным, как и до этого. Следовательно, необходима тщательная

разведка, а возможно, и повторное применение нелетальных средств или обычного оружия. Все это ведет к тому, что затраты возрастают, а преимущество его применения утрачивается.

Средства нелетального воздействия на живую силу должно выполнять одну из следующих функций:

- эффективно нейтрализовать массовые беспорядки путем рассеивания и блокирования толпы и остановки транспортных средств;
- эффективно нейтрализовать индивидуальных участников противостояния, способствуя их захвату, аресту, пленению;
- обеспечивать возможность предотвращения несанкционированного доступа к наземным, морским и воздушным объектам, не уничтожая врага; это может предполагать использование физических преград либо систем, вызывающих дискомфорт для лиц, стремящихся к проникновению на объект;
- обеспечивать возможность очистки зданий, объектов и территории от противника и мирного населения без нанесения ущерба людям и материальным ценностям.

Как уже упоминалось, создание нелетальных средств воздействия на живую силу не означает, что в будущих войнах не будут убивать людей. Однако их применение позволит расширить диапазон возможных силовых мер против противника, не возбуждая отрицательного общественного мнения внутри страны и в мире.

Классификация ОНЛВ

В основу классификации средств воздействия на живую силу могут быть положены различные признаки и свойства, виды и механизмы их действия. Различают традиционные средства ведения вооруженной борьбы, которые могут непосредственно или после небольших доработок использоваться в качестве средств нелетального воздействия на живую силу, а также принципиально новые средства (новые технологии), разработанные специально или главным образом для таких целей.

Среди различных видов ОНЛВ выделяют фактически отработанные, для которых уже имеется опыт боевого использования (завершенные разработки), и те, создание которых возможно лишь в отдаленном будущем и весьма проблематично. Отдельно рассматриваются средства, основанные на эффектах, не получивших на данный момент

научного подтверждения (телепатия, телекинез, ясновидение и т.п.).

Вообще говоря, классификация видов и типов ОНЛВ зависит от того, с какой точки зрения оно исследуется. Так, в военно-политическом смысле естественной может оказаться классификация по масштабу использования: тактическое, оперативно-тактическое, стратегическое оружие, а также по принадлежности данного типа ОНЛВ к основным военным технологиям.

При решении вопроса о финансировании разработки и производства ОНЛВ ключевыми являются степень завершенности разработки и наличие соответствующей технологической и промышленной базы, привязка его к научно-техническим направлениям развития базовых военных технологий.

Ниже приводится одна из возможных классификаций средств нелетального воздействия на живую силу.

Низкоэнергетическое лазерное оружие. Предназначено для временного ослепления человека. Международными соглашениями использование лазеров для ослепления запрещено. Однако в этих ограничениях нет запретов на временное ослепляющее действие лазерного оружия, что дает правовую основу для его разработки. В то же время отсутствует четкое законодательное разграничение постоянного и временного ослепления, что позволяет считать лазерное оружие перспективным для применения вооруженными силами в миротворческих и антитеррористических операциях.

Некогерентные ослепляющие средства. Это устройства, световое излучение которых, сравнимое с интенсивностью луча лазера, способно временно ослепить человека или вывести из строя оптические приборы. Ненаправленное излучение образуется с помощью взрыва, который вызывает нагрев инертных газов и порождает высокотемпературную газовую плазму, оказывающую такое же поражающее действие, как и луч лазера. Указанные средства могут доставляться с помощью так называемых «оптических боеприпасов»: гранат, артиллерийских снарядов, мин и других средств. Световые гранаты могут быть использованы подразделениями по борьбе с терроризмом при проведении операций по освобождению заложников. Возможно также

применение световых устройств прожекторного типа, мощных ламп-вспышек.

Известны комбинированные средства с оглушающе-ослепляющим эффектом воздействия, продолжительность воздействия которых на объект определяется удаленностью от эпицентра взрыва, при этом возможно ослепление до 20–30 секунд, а потеря слуха – до 4–6 часов.

Акустические средства. Человек, как и животные, способен своим органом слуха воспринимать акустические колебания разных частот средних диапазонов. Выход за пределы этого диапазона воспринимается живым организмом не как перемена звучания, а как удар по его системам, вызывающий крайне болезненные ощущения. На этом эффекте основаны боевые генераторы ультра- и инфразвуковых колебаний. Они оказывают мощное давление на мозг и нервную систему человека, вызывая сильную головную боль, головокружение, расстройство зрения и дыхания, конвульсии и даже потерю сознания. При этом наиболее мощные генераторы способны создавать излучение, которое может пронизывать защитные материалы значительной толщины.

Акустическое оружие может оказывать влияние не только на органы чувств, но (при больших уровнях мощности) и на внутренние органы человека и при определенном сочетании условий выводить его из строя. Было показано, что инфразвук малой мощности может вызывать безотчетное чувство страха и создавать в толпе панику, при больших уровнях мощности возможно нарушение психомоторных функций и состояние, обычно предшествующее эпилептическому припадку. Однако, по мнению специалистов, инфразвук недостаточно эффективно выводит из строя живую силу. Кроме того, такое оружие сравнительно трудно применять в полевых условиях. Не исключено, что подобные средства воздействия окажутся более эффективными при комбинации их с другими видами нелетального оружия.

Оружие несмертельного действия на основе физико-химических композиций. Среди возможных средств воздействия на живую силу одно из первых мест занимают химические соединения, приводящие к временному выводу из строя личного состава: снотворные и обездвиживающие препараты, проходящие через кожный покров. Активно ведутся

исследования по изучению механизмов воздействия на человека психоактивных пептидов, вызывающих чувство страха, панику, нарушение психомоторных и других функций организма и воздействующих на человека в течение нескольких часов. Очень едкие химические составы могут разъедать средства индивидуальной защиты. Другие химические соединения содержат клейкие или создающие очень скользкое временное покрытие (поверхности), быстроотверждаемые, затемняющие, фильтрозасоряющие или какие-либо другие разрушающие реагенты. Отвратительно пахнущие аэрозоли также можно использовать, чтобы вывести из строя живую силу.

Направленное микроволновое излучение.

Создание подобного типа оружия считается достаточно перспективным направлением при условии решения ряда медико-биологических проблем и строгого соблюдения действующих международных нормативно-правовых актов. В зависимости от частоты и мощности воздействия радиочастотных излучений на человека могут наблюдаться следующие эффекты: нарушение работы головного мозга и центральной нервной системы, ощущение шумов, свиста, временный вывод из строя, поражение внутренних органов с определенной вероятностью смертельного исхода.

Нелетальное кинетическое оружие. Принцип действия нелетального кинетического оружия основан на несмертельном поражении человека кинетическим снарядом, разогнанным с помощью пороховых, пневматических, механических, электромагнитных или иных метательных устройств. К данному виду средств относится специально разработанное оружие, которое по конструктивным особенностям и правилам применения не может привести к летальному исходу, а также боевые средства с регулируемой скоростью выстреливаемого снаряда. Кроме того, к этому виду относятся всевозможные гранаты и патроны, начиненные резиновыми шариками. Для дозированного нелетального воздействия кинетического оружия на человека европейской расы наиболее эффективен диапазон энергии 40–110 Дж.

Биологическое оружие нового поколения. С политической точки зрения самой уязвимой областью является использование биологического оружия, которое запрещено в 1972 г. Современные биотехнологии позволяют создать качественно новые нелетальные средства воздействия на человека, технику и сооружения, а также на окружающую среду

путем использования микроорганизмов, возбудителей различных болезней и аномальных состояний человека, а также генетического оружия. Средствами генной инженерии принципиально могут быть созданы возбудители инфекционных заболеваний и токсины, отвечающие требованиям, предъявляемым к оружию нелетального воздействия. Препятствием к разработке и использованию этого типа средств являются действующие международные соглашения.

Информационное оружие. Одним из направлений в разрешении будущих конфликтов может стать воздействие на эмоционально-психологическую сферу – индивидуальную, групповую, массовую, которое приводит к разрушению общественных и государственных институтов, провоцированию массовых беспорядков, деградации общества, развалу государства. Бурное развитие средств массовой информации, особенно электронных, создает объективные предпосылки для использования их в военных целях в качестве информационного оружия.

Выявлено информационное воздействие на человека сравнительно малых мощностей модулированного СВЧ-излучения, которое практически не изучено. Сообщалось об открытии так называемого эффекта радиослышимости: люди, находившиеся в мощном поле вещательных станций, слышали «внутренние голоса», музыку и т.п. На основе этого эффекта, вероятно, можно было бы создать средства информационного воздействия для психологической обработки личного состава и больших масс населения.

В качестве информационного оружия можно рассматривать средства, оказывающие влияние на человека и используемые им технические системы при подготовке и принятии решений. Подобные средства обеспечат возможность внесения изменений в информацию, влияющую на работу систем управления, и создание виртуальной картины обстановки, отличной от действительности.

Полицейские средства. Эти средства нелетального воздействия имеют самую давнюю историю, они в значительной степени отработаны и давно применяются на практике. В качестве средств нелетального воздействия непосредственно могут быть использованы полицейские газы, резиновые пули, пули с обездвиживающими препаратами и иные полицейские средства разгона демонстраций и борьбы с массовыми беспорядками. Среди

других средств этого типа можно выделить, в частности, ручные электрошоковые приспособления, металлические покрывала и сети, обездвиживающие людей и автомобили. На базе имеющихся технологий может быть разработана быстро вспенивающаяся клеящая масса для той же цели и средства для ее прицельного метания на сравнительно большие расстояния.

Психотронные средства. О данном виде средств воздействия на живую силу достоверная информация практически отсутствует. Известно, что работы в этом направлении велись практически во всех развитых зарубежных странах. Можно также считать, что дистанционное влияние с помощью речи, изображений и т.п. на психическое состояние больших групп людей в определенных условиях (в ходе сеансов гипноза, например) доказано.

При оценке перспективности тех или иных средств воздействия на живую силу обычно используются следующие критерии.

1. *Минимальная вероятность нанесения необратимого ущерба* здоровью людей, больших разрушений гражданских объектов и вреда окружающей среде – это главный критерий.
2. *Правовая легитимность.* Средство нелетального воздействия не должно подпадать под существующие запреты и иметь потенциальный риск запрещения в будущем (в частности, по причине пока не изученных отдаленных последствий для здоровья).
3. *Боевая эффективность*, в которую включаются: а) надежность выполнения боевой задачи; б) необходимая дальность действия; в) удобство и простота в обращении, минимальный вес; г) необходимая мобильность для быстрой переброски в район применения; д) возможность изменения уровня воздействия в зависимости от ситуации.
4. *Устойчивость к средствам противодействия.*
5. *Совместимость с существующим обычным вооружением* и способность дополнять его действие (при этом важно, чтобы в качестве средств доставки могли использоваться штатные средства – стрелковое оружие, артиллерия, авиация, ракеты, а крупногабаритные установки размещались на штатных транспортных средствах; хранение и обслуживание средств нелетального воздействия должны

вписываться в существующую систему материально-технического снабжения).

6. *Безопасность для персонала и окружающей среды* при применении, хранении и в случае непредвиденных происшествий.
7. *Экономическая эффективность*, т.е. разумная стоимость производства, наличие необходимой научно-производственной базы.
8. *Степень развития технологии*, от которой зависят сроки принятия подобных средств на вооружение.
9. *Возможность двойного использования технологии* – т.е. использование результатов разработки в других, в том числе гражданских, секторах промышленности.

Что касается критерия легитимности, то возможные проблемы могут возникнуть в связи с применением средств, предназначенных для воздействия на человека, отдаленные последствия которого могут вызывать опасения и запреты: это лазерное ослепляющее, микроволновое излучение, химические средства воздействия на психику и биологическое оружие.

По критерию эффективности боевого применения вызывают сомнение волновые средства воздействия на человека (микроволновые и инфразвуковые) вследствие громоздкости аппаратуры и сложности применения в полевых условиях, а также оптические средства воздействия на психику, поскольку при отсутствии внезапности достаточно легко принять защитные меры в отношении направленных против людей ослепляющих, оглушающих средств и раздражающих химических соединений.

Проблемы совместимости с обычным вооружением могут возникнуть в отношении тех волновых средств воздействия на живую силу противника, для которых необходимы крупные установки (за исключением волновых средств, применяемых в виде боеприпасов).

Существенную опасность для персонала и окружающей среды могут представлять многие химические и биологические композиции.

Наиболее разработаны те средства нелетального воздействия, которые используют технологии, уже широко применяющиеся в военном и гражданском секторах промышленности: лазерные, физико-химические и полицейские средства.

Большинство технологий, применяемых при разработке ОНЛВ, за исключением, возможно, полицейских, а также ослепляющих и оглушающих средств, химического и биологического оружия, направленного против человека, имеют потенциал двойного применения.

По оценкам специалистов, среди средств воздействия на человека, безусловно, перспективны те, которые имеют физико-химическую основу и используют новые материалы и рецептуры, а также лазерные системы и полицейские средства. Прочие, в том числе волновые, нуждаются в дополнительных исследованиях и доработке.

Отвлекаясь от средств борьбы, которые можно причислить к ОНЛВ лишь в широком смысле слова и которые представляют собой отдельный предмет исследования, можно сказать, что в настоящее время эффективны для разработки разнообразные физико-химические средства, в том числе аэрозольного применения, лазерные и другие средства, основанные на волновом принципе действия, и средства в виде нелетальных боеприпасов к штатным средствам доставки (стрелковому оружию, артиллерии и ракетам).

Более эффективным, чем отдельные виды ОНЛВ, может быть комбинированное их применение, поэтому важной проблемой является тактика их использования. Преимущество в развитии получит ОНЛВ, используемое в виде боеприпасов или применяемое с такими штатными средствами, как водометы, огнеметы, аэрозольные генераторы и т.д. Они лучше вписываются в существующую систему вооружений, чем габаритные установки, требующие специального обслуживания.

Представленные выше оценки не означают, что другие средства воздействия на живую силу должны быть отвергнуты. Они свидетельствуют лишь о перспективном масштабе их использования. Некоторые средства (например, акустические) могут выполнять уникальные функции, крайне необходимые в конкретных ситуациях, и, следовательно, также найдут практическое применение.

Чувствительность к нелетальному оружию любого вида или эффективность нелетального оружия в значительной мере зависит от функционального состояния организма и наличия острой или хронической патологии у объекта воздействия.

В основе поражающего действия нелетального оружия лежат следующие явления: болевой синдром, запредельное раздражение органов чувств, судорожный синдром, кратковременный шок с расстройством вегетативной функции. Известно, что правонарушения часто совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения, а также в состояниях, вызванных абстинентным синдромом или употреблением наркотических и нейротропных средств. Эти состояния могут в существенной степени изменять болевую чувствительность и реактивность нервной системы в ответ на воздействие. Необходимо различать четыре типичных состояния, в которых могут находиться объекты воздействия.

1. Алкогольное опьянение приводит к снижению порога болевой чувствительности и повышению порога чувствительности центральной нервной системы к шокowym воздействиям. Это дает основание предполагать, что для эффективного воздействия нелетального оружия на людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, необходимо использовать более жесткие параметры и повысить интенсивность воздействия не менее чем на 30%.

2. В состоянии, вызванном приемом средств с седативным успокоительным воздействием, снижена чувствительность и реактивность нервной системы. Однако у лиц, употребляющих такие средства, снижена агрессивность, что делает их маловероятными целями для поражения нелетальным оружием.

3. Прием средств с психостимулирующим возбуждающим воздействием (типа фенамина, цинтедрина и т.д.) приводит к состоянию, характеризующемуся повышением чувствительности и возбудимости нервной системы и, следовательно, чувствительности к воздействию. Это обстоятельство позволяет использовать обычные уровни воздействия ОНЛВ.

4. Токсикоманы, принявшие различные токсические средства (летучие углеводороды и т.д.), чаще находятся в состоянии со сниженной возбудимостью центральной нервной системы, и в этом случае требуются более жесткие режимы воздействия.

Отдельную группу патологических состояний образует абстинентный синдром у наркоманов – патологически повышенная потребность в наркотическом средстве, общее дискомфортное состояние, повышенная возбудимость. Несмотря

на повышенную возбудимость центральной нервной системы, резко выраженная мотивация поведения (стремление получить наркотическое средство) может сопровождаться агрессией и снижением чувствительности к электрошоковому воздействию, что требует применения более жестких режимов воздействия ОНЛВ.

Следует подчеркнуть, что уточнение наиболее эффективных параметров воздействия на людей, находящихся в различных патологических состояниях, может быть проведено только экспериментальным путем.

Развитие ОНЛВ, как и других средств вооруженной борьбы, определяется военной доктриной государства, в которой описывается спектр угроз национальной безопасности, определяются формы и способы предотвращения этих угроз и вытекающие из этого конкретные планы военного строительства. Разработка планов развития ОНЛВ сталкивается в первую очередь с проблемой выбора из множества существующих и перспективных типов этого оружия: нужно выбрать такие, которые, с одной стороны, отвечали бы целям и задачам военного строительства, а с другой – не требовали бы больших затрат на их разработку, производство и эксплуатацию.

Для выбора приоритетов развития ОНЛВ необходимо четко определить:

- роль этих средств вооруженной борьбы в обеспечении национальной безопасности;
- виды конфликтов и ситуаций, в которых предполагается применение этого оружия, а также цели, задачи и ожидаемый эффект его применения в каждом конкретном виде конфликта;
- стоимость разработки, производства и эксплуатации каждого типа ОНЛВ;
- объем средств, которые может выделить государство на создание этого оружия;
- типы этого оружия, для которых имеется теоретический и экспериментальный задел и производственная база, позволяющая в приемлемые сроки и с минимумом затрат оснастить войска;
- инфраструктуру, имеющуюся в войсках для использования этого оружия;
- возможности для организации подготовки квалифицированных кадров и обучения войск в этой области.

Проведенная выше классификация существующих и перспективных типов ОНЛВ

позволяет построить приоритетный ряд основных направлений возможного развития этого оружия.

При ограниченных финансовых средствах, выделяемых на разработку ОНЛВ, основным критерием выбора приоритетов выступает стоимость разработки различных типов этого оружия. В соответствии с этим критерием на первое место выходит разработка *информационного оружия*. Это оружие отвечает всем сформулированным выше условиям и ограничениям. Его разработка и производство относительно дешевы, оно многофункционально, т.е. может быть использовано для решения широкого круга задач. Применение информационного оружия не требует сложной инфраструктуры в войсках и, наконец, в настоящее время еще не существует международных правовых норм, препятствующих разработке и использованию этого оружия.

Поскольку применение информационного оружия влечет крайне негативные последствия, то наличие этого оружия является серьезным сдерживающим фактором, предотвращающим угрозу развязывания информационной войны. Велика роль информационного оружия и в локальных конфликтах, подобных военной операции в Чечне, где его применение могло бы значительно улучшить оперативную обстановку, эффективно противостоять информационной активности боевиков и содействовать привлечению населения на сторону федеральной власти.

Вторым приоритетным направлением разработки ОНЛВ, отвечающим целям применения и условиям создания, являются *физико-химические средства и химическое оружие нелетального воздействия*.

В странах, обладающих высокоразвитой химической промышленностью, мощной научно-исследовательской базой и большим опытом в области создания боевых химических средств, возможно в короткие сроки и с небольшими затратами создать эффективные образцы химического нелетального оружия различного предназначения. Такое оружие позволит резко усилить действенность традиционных средств поражения и решать специфические задачи антитеррористической и антипартизанской борьбы.

Другие типы ОНЛВ требуют значительных затрат как на разработку, так и на создание

специальной инфраструктуры для его применения, хранения и поддержания в рабочем состоянии. Вместе с тем очевидно, что в США и других развитых странах будут проводиться научные исследования, способствующие созданию такого оружия.

При планировании программ создания и развития ОНЛВ важно в каждом из указанных выше приоритетных направлений выбрать минимальное количество конкретных видов нелетального оружия, которое способно в совокупности решать поставленные боевые задачи. Назовем эти совокупности «композицией видов информационного оружия» и «композицией видов физико-химического оружия».

Постановка задачи выбора оптимальной композиции ОНЛВ каждого вида осуществляется согласно известному критерию «стоимость–эффективность» для определенных условий, отражающих тактико-технические требования к его параметрам и способам применения. Этот критерий формулируется либо как 1) *максимум эффективности* выполнения поставленных боевых задач при заданной стоимости разработки, производства и боевого использования композиции, либо как 2) *минимум стоимости* разработки, производства и эксплуатации композиции при заданной эффективности боевого использования.

Очевидно, что при планировании создания ОНЛВ будут использоваться оба критерия.

Порядок решения задачи. Особенностью практически всех видов ОНЛВ является то, что их совокупное применение создает гораздо больший эффект, чем любое из них по отдельности. С учетом такого системного эффекта строится процедура выбора перспективных видов ОНЛВ.

На первом этапе этой процедуры формулируется круг боевых задач, которые должны решаться с помощью конкретных видов ОНЛВ каждого перспективного направления. Для каждой из этих задач составляются композиции видов нелетального оружия, имеющие наибольший совокупный боевой потенциал. Поскольку практически любой вид нелетального оружия многофункционален, то композиции подбираются так, чтобы общее число видов ОНЛВ во всех композициях было минимальным. На втором этапе из принятого набора композиций выбирается тот, который

соответствует поставленным условиям и ограничениям и наилучшим образом отвечает критерию «эффективность–стоимость» в одной из сформулированных выше постановок задачи.

Если существуют количественные оценки эффективности применения различных видов нелетального оружия, полученные теоретическим, опытным или экспертным путем, то задача выбора оптимальных композиций нелетального оружия может быть решена формально.

В заключение отметим, что разработка и применение ОНЛВ неизбежно повлечет за собой целый ряд негативных международных последствий, связанных с возможностью попадания этого оружия в руки террористов или с его неправомерным использованием отдельными государствами. Для устранения этих негативных последствий уже сегодня необходимо выработать как национальные, так и международные правовые нормы, регулирующие процессы создания, допустимые условия применения и распространения нелетального оружия. Первым шагом на этом пути должны стать исследования свойств и последствий применения различных типов ОНЛВ и разработка понятийного и терминологического инструментария как необходимой базы для проведения международных консультаций и переговоров по этим проблемам.

При подготовке статьи было использовано большое количество различных материалов, в том числе и опубликованные в приведенных ниже источниках.

1. Директива МО США N 3000.3: Политика в области оружия нелетального воздействия. 1996.
2. Joint Warfighting Science and Technology Plan. U.S. DOD, 2000.
3. Defense Technology Area Plan. U.S. DOD, 2000.
4. Non-Lethal Defense II. Jons Hopkins Applied Physics Laboratory, mar. 1996.
5. Non-Lethal Defense III. Jons Hopkins Applied Physics Laboratory, febr. 1998.
6. Non-Lethal Defense IV. Jons Hopkins Applied Physics Laboratory, mar. 2000.
7. Non-Lethal Weapons: a Fatal Attraction? Military Strategies and Technologies for 21st Century Conflict. London, 1997.
8. The Ethics of Non-Lethal Weapons. Strategic & Combat Studies Institute, No. 24, 1996.
9. Joint Non-Lethal Weapons Program. U.S. DOD, 2000.
10. Garwn Richard L. Nonlethal Technologies: Progress and Prospects, U.S. DOD, 1999.
11. Security Systems and Nonlethal Technologies for Law Enforcement. SPIE, nov. 1996.
12. Multiservice Procedures for the Tactical Employment of Nonlethal Weapons, Air Land Sea Application Center, oct. 1998.

ЛЕО СЦИЛАРД И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Роланд Тимербаев

Лео Сцилард вошел в историю не только как крупнейший физик XX столетия, стоявший у истоков открытия секретов получения атомной энергии и создания атомного оружия, но и как один из тех выдающихся умов, которые одновременно дали человечеству и ключ к решению задачи избавления от этого оружия с тем, чтобы атом мог служить только мирным целям. Этот ключ – установление международного контроля над атомной энергией.

Лео Сцилард (1898–1964) родился в Будапеште, физическое образование получил в Берлине, где познакомился с Альбертом Эйнштейном. В 1922 г. получил докторскую степень. В 1933 г. перебирается в Англию, осенью того же года впервые высказывает идею о возникновении цепной реакции при достижении критической массы и получает за нее патент. С 1938 г. живет в США.

Сцилард отлично знал о высоком уровне развития ядерной физики в Германии, где атомной проблемой занимались такие талантливые физики, как Отто Ган, Вернер Гейзенберг¹, Карл Фридрих фон Вайцзекер и др. Его как никого другого в предвоенные и в первые военные годы особенно мучительно преследовала мысль, что гитлеровская Германия может опередить союзников и выиграть войну с помощью атомного оружия. Поэтому он стремился побудить научную общественность и администрацию США приступить к реализации атомной программы и засекретить всю информацию об этом. Однако сначала Сцилард столкнулся с почти полным непониманием остроты ситуации.

Первый, к кому он обратился с предложением возглавить группу ученых, которые работали бы в пользу атомного проекта, был Нильс Бор, находившийся тогда в Соединенных Штатах. В марте 1939 г. Сцилард встретился с Бором в Принстоне, во встрече участвовали его соотечественники Юджин Вигнер (Нобелевская премия 1963 г.) и Эдвард Теллер. Но Бор не разделял тревоги, охватившей Сциларда и его друзей. Он считал, что бомбу в принципе можно создать, но для этого потребуется превратить США «в один огромный завод», а что касается секретности,

то о возможности расщепления урана уже и так было много известно, и обратно в бутылку джинна (информацию) не вернуть. Бора особенно беспокоила возможность засекречивания работ по атомному ядру².

Но первый неуспех не охладил энергии Сциларда, и он лихорадочно продолжил поиски возможностей довести до американского руководства необходимость скорейшего начала работ по созданию атомной бомбы. Следующий его шаг хорошо известен всем, кто интересуется историей американского атомного проекта: венгерский ученый обратился к Альберту Эйнштейну. Напомним вкратце об истории известного письма основателя теории относительности президенту Рузвельту – только для того, чтобы еще раз показать, какой удивительной энергией и находчивостью обладал Сцилард, добиваясь своей цели.

Сцилард вспомнил, что его старый друг хорошо знаком с бельгийской королевой, и решил уговорить Эйнштейна обратиться к ней с письмом. 16 июля (по другим данным, 12 июля) 1939 г. Юджин Вигнер повез его на машине в местечко Пеконик на Лонг Айленде, где ученый проводил летние месяцы. Когда Сцилард и Вигнер объяснили Эйнштейну, что речь идет о возможности цепной реакции и о создании атомной бомбы, ученый якобы воскликнул: «Daran habe ich gar nicht gedacht!» (Я никогда об этом и не подумал!)³.

Он согласился написать письмо бельгийскому послу и продиктовал его по-немецки Вигнеру (затем в Принстоне оно было переведено на английский язык). Но тем временем вездесущий Сцилард познакомился с выходцем из России Александром Саксом, крупным экономистом и бизнесменом, который был вхож к американскому президенту Франклину Рузвельту. Он и подсказал Сциларду, что письмо следовало бы адресовать самому Рузвельту. 30 июля Сцилард вновь едет в Пеконик, на этот раз его везет туда Эдвард Теллер. Письмо Эйнштейн и Сцилард диктуют Теллеру. После перевода и согласования с Саксом 2 августа 1939 г. Эйнштейн подписывает историческое письмо⁴. Письмо было лично передано Саксом

президенту лишь 11 октября 1939 г. Но только после второй встречи с Саксом, состоявшейся на следующий день, Рузвельт убедился в необходимости принятия мер и сделал соответствующие распоряжения⁵.

Исключительная роль Сциларда в инициировании работ над урановой проблемой признается всеми. Можно без всякого преувеличения утверждать, что без этой инициативы Сциларда весьма сомнительно, чтобы атомное оружие появилось во время Второй мировой войны, и неизвестно, когда оно вообще было бы создано и с чего началось бы использование атомной энергии – с военного или мирного применения. Даже генерал Лесли Гровс, директор Манхэттенского проекта и постоянный оппонент Сциларда, не доверявший его лояльности и не допустивший его к участию в основных работах по конструированию атомной бомбы в Лос-Аламосе, вынужден был признать: «Да, действительно, я мог бы даже сказать, что если бы не Сцилард, этот вопрос никогда не дошел бы до президента»⁶.

Однако «атомные» работы вначале развешивались крайне медленно. Сцилард сосредоточил свои усилия на строительстве, совместно с Энрике Ферми, первого атомного «котла» (уран-графитового реактора) в Металлургической лаборатории в Чикаго, который заработал 2 декабря 1942 г. (В 1955 г. Ферми и Сцилард получили патент за разработку этого реактора.)

Но, продолжая работать в Металлургической лаборатории над различными атомными идеями, в том числе над концепцией реактора-бридера, Сцилард одним из первых стал всерьез задумываться над политическими последствиями появления атомной бомбы. Впрочем, эта мысль его преследовала еще до войны. В письме на имя крупнейшего французского физика Фредерика Жолио-Кюри от 2 февраля 1939 г. Сцилард писал: «Если высвободится более чем один нейтрон, то возможна цепная реакция. При некоторых обстоятельствах это может повести к созданию бомбы, которая будет представлять крайнюю опасность вообще, и в особенности, если окажется в руках некоторых правительств». Публикуя это письмо, французский ученый и дипломат Бертран Гольдшмидт замечает, что это «первое по времени серьезное определение проблемы нераспространения (ядерного оружия)»⁷.

В разговоре с одним из руководителей Манхэттенского проекта Ванневаром Бушем в январе 1944 г. Сцилард высказал озабоченность в связи с опасностью развертывания гонки ядерных вооружений в послевоенном мире. Чтобы предупредить такое развитие событий, Сцилард, часто отличавшийся весьма оригинальными, а иногда даже крайними и экстравагантными суждениями, предложил установить международный контроль над всеми мировыми месторождениями урана, если необходимо, с помощью силы и даже с использованием атомной бомбы (!!)⁸.

В марте 1944 г. он вновь встречается с Бушем и его заместителем Джеймсом Конантом. В ходе беседы, продолжавшейся «практически весь день», и при последующих встречах Сцилард предложил «несколько вариантов установления международного контроля над атомной энергией для послевоенного мира»⁹. Он даже высказал мысль о создании мирового правительства как способа установления контроля за нераспространением атомного оружия после войны. Сцилард считал, что хотя «надежда на это невелика», по крайней мере следует попытаться сделать шаги в этом направлении. В то же время он высказал предположение, что если ядерным оружием овладеют несколько стран, то установится «вооруженный мир», иными словами, возникнет тупиковая ситуация типа «холодной войны»¹⁰.

12 марта 1945 г. Сцилард завершает подготовку меморандума президенту Рузвельту – «Атомные бомбы и послевоенная позиция Соединенных Штатов в мире», в котором предупреждает, что выбор, стоящий перед американскими стратегами, предельно ясен: заключить с русскими соглашение о контроле над вооружениями либо победить их в гонке ядерных вооружений. Сцилард считает, что через шесть лет Россия способна накопить достаточное количество расщепляющегося материала, чтобы изготовить атомные бомбы небольшого размера, которые могут быть упрятаны в американских городах для последующего применения. Хуже того, пишет он, «после настоящей войны можно предположить, что окажется возможным сбросить атомные бомбы на города Соединенных Штатов с очень больших расстояний посредством доставки их ракетами». Он предупреждает об опасности превентивной войны. «Такая война может возникнуть в результате опасения, что другая сторона нанесет первый удар, и сколько ни

проявили бы доброй воли оба государства, ее было бы недостаточно, чтобы предотвратить войну, если допустить возникновение такой взрывоопасной ситуации». Только всемирная система контроля в состоянии предотвратить такую опасность, система, включающая Великобританию и Советский Союз. Путем разбавления и денатурирования расщепляющегося урана и плутония мировые державы развивали бы мирное применение ядерной энергии, свободное от угрозы, что ядерное топливо может быть переключено на производство оружия¹¹.

В последний военный год, еще до появления ядерного оружия, Сцилард демонстрирует удивительный дар предвидения, предсказав характер развития событий в послевоенный период, в том числе и предстоящую гонку вооружений, и холодную войну с ее взаимным ядерным сдерживанием.

Сцилард и на этот раз сомневается, что Рузвельт обратит внимание на его меморандум, и решает вновь обратиться за помощью к Эйнштейну. Он подготовил проект сопроводительного письма, которое тот и подписал 25 марта 1945 г. Одновременно Сцилард устанавливает контакт с женой президента Элеонорой Рузвельт. В начале апреля она дает согласие встретиться с ученым в Нью-Йорке 8 мая. Но 12 апреля Рузвельт умирает, и к власти приходит новый президент – Гарри Трумэн.

Сцилард теперь стал добиваться встречи с новым американским президентом, но тот, вначале согласившись принять ученого 25 мая 1945 г., затем переадресовал его Джеймсу Бирнсу. Бирнс в то время был частным лицом, но пользовался безграничным доверием Трумэна, и до его назначения государственным секретарем США оставалось совсем немного времени. Встреча с Бирнсом состоялась в Спартанбурге, шт. Южная Каролина. Вместе со Сцилардом были лауреат Нобелевской премии Гарольд Юри и заместитель директора Металлургической лаборатории Уолтер Бартки. По пути к Бирнсу ученые договорились поставить перед ним такие проблемы: какое воздействие атомная бомба и ее применение окажут на мировые дела, каковым будет будущее атомной энергии и как следует планировать атомные исследования в послевоенном мире.

Состоявшийся 28 мая 1945 г. разговор носил полемический характер. Американский историк Уайден так его описывает:

Сцилард: Россия, так же как и США, скоро может стать атомной державой.

Бирнс: По данным генерала Гровса, Россия не имеет урана.

Сцилард: Россия располагает урановыми рудниками в Чехословакии. Стоит обдумать предложение об отказе испытать бомбу, что создаст у русских впечатление, будто работы не увенчались успехом.

Бирнс: Это приведет к тому, что Конгресс откажется финансировать ядерные исследования, результаты должны быть очевидны для всех. Россия осуществляет свою экспансию в Восточной Европе, включая вашу родину – Венгрию, и в этих условиях демонстрация бомбы и американской военной мощи сделает Советы более управляемыми.

Сцилард: Манипуляции с бомбой испугают Россию, превратят ее в нашего антагониста.

Бирнс: Бомба поможет вытеснить Россию из Венгрии.

Сцилард: Можно ли сейчас говорить о судьбе маленькой Венгрии, если гонка атомных вооружений в конечном счете может разрушить Соединенные Штаты и Россию¹².

Беседа с Бирнсом к каким-либо результатам не привела. Бирнс был твердо настроен на применение атомной бомбы и не пожелал рассматривать идеи Сциларда о международном контроле. Ученые обратили внимание на то, что Бирнс говорил не столько о применении бомбы для ускорения окончания войны с Японией, сколько о необходимости продемонстрировать американскую мощь перед Советским Союзом. Меморандум Сциларда о международном контроле был найден историками среди оставшихся бумаг Бирнса.

Следующей акцией, предпринятой Сцилардом, была попытка не допустить применения ядерного оружия против Японии. Вопрос этот был поручен Трумэном так называемому Временному комитету (Interim Committee) под председательством военного министра Генри Стимсона. Тем временем в Металлургической лаборатории были образованы шесть комитетов для выработки рекомендаций правительству относительно послевоенной политики, в том числе комитет по социальным и политическим последствиям под председательством нобелевского лауреата Джеймса Франка. В комитет вошли Сцилард,

нобелевский лауреат Глен Сиборг, Юджин Рабинович и др. Сцилард играл наиболее активную роль при подготовке доклада комитета Франка. Доклад был подписан всеми его участниками 11 июня 1945 г.

Доклад комитета Франка содержал следующие основные выводы: во-первых, Соединенные Штаты не смогут избежать атомной гонки, проводя политику секретности; во-вторых, наибольшие надежды на обеспечение национальной и международной безопасности давало бы установление международного контроля над атомной энергией; и, в-третьих, – и это главное, – «если Соединенные Штаты первыми применят это новое средство неразборчивого уничтожения человечества, они потеряют общественную поддержку во всем мире, подстегнут гонку вооружений и нанесут урон возможности достижения международного соглашения о будущем контроле над этим оружием». «Россия, – говорилось в докладе, – и даже союзные страны, у которых меньше недоверия к нашим действиям и намерениям, а также нейтральные страны будут глубоко шокированы. И будет очень трудно убедить мир, что можно доверять государству, которое смогло втайне произвести и внезапно применить новое оружие, столь же неразборчивое, как ракетная бомба, и в тысячу раз более разрушительное, если оно провозгласит желание заключить международное соглашение о запрещении такого оружия»¹³.

Вместо применения против Японии ученые предложили продемонстрировать мощь бомбы путем ее взрыва в необитаемой пустыне или на необитаемом острове. Доклад комитета Франка был рассмотрен Временным комитетом и отклонен им 21 июня 1945 г. Решение о применении бомбы было принято, считает Сиборг, еще до получения в Вашингтоне доклада Франка¹⁴.

Тем не менее Сцилард с удвоенной энергией продолжает свой крестовый поход за установление международного контроля над атомной энергией. 17 июля, не зная еще о проведении первого атомного испытания в пустыне Аламогордо, шт. Нью-Мексико, он пишет петицию на имя президента с призывом не применять ядерное оружие, в которой приводятся основные аргументы доклада Франка. Под петицией подписались 69 ученых, впрочем, некоторые, включая Эдварда Теллера, поставить свою подпись отказались. В меморандуме, в частности, говорилось:

«Развитие атомной энергии даст государствам новое средство разрушения. Находящиеся (сейчас) в нашем распоряжении атомные бомбы являются лишь первым шагом в этом направлении, и почти не будет предела разрушительной мощи, которая появится в процессе их дальнейшего развития. Таким образом, государство, которое создаст прецедент, использовав для целей разрушения эту вновь освобожденную силу природы, возьмет на себя ответственность за то, что оно открыло путь к эре опустошения в немыслимых масштабах»¹⁵.

При сопроводительном письме директора Металлургической лаборатории Артура Комптона она была направлена в Вашингтон 19 июля и там затерялась в кабинетах. Насколько удалось установить, до Трумэна она не дошла¹⁶.

7 сентября 1945 г, т.е. уже после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, Лео Сцилард подготовил еще один меморандум – под названием «Попытка определить платформу для наших бесед с членами американского сената и палаты представителей», где предлагалось образовать комиссию по атомной энергии Конгресса, с членами которой могли бы связываться ученые¹⁷.

Одновременно он вносит предложение канцлеру Чикагского университета Роберту Хатчинсу – созвать конференцию ученых для рассмотрения вопросов контроля над атомной энергией. Конференция состоялась 19–21 сентября 1945 г. В ней приняли участие около 50 ученых и администраторов, в том числе бывший вице-президент, министр торговли Генри Уоллес и председатель Управления гидросооружений в долине р. Теннесси Дэвид Лиолиенталь (в дальнейшем первый председатель Комиссии по атомной энергии США). Основное сообщение сделал Сцилард¹⁸. Он заявил, что Россия может создать бомбу через два с половиной года, а через шесть лет – иметь достаточно бомб, чтобы уничтожить все американские города. За это время и США смогут произвести столько бомб, чтобы разрушить все крупные города мира. Сцилард высказался за установление международного контроля, который включал бы инспектирование добывающей и производственной деятельности. Америка могла бы использовать в качестве рычага свое нынешнее положение единственной страны, располагающей бомбой, говорил Сцилард, чтобы побудить Россию принять инспекцию. В противном случае через

три года разразится война. Но постоянный мир может быть достигнут только путем образования мирового правительства. Если это вообще окажется возможным, на его создание потребуется 15–20 или даже 30 лет.

Оценки Сциларда были подвергнуты сомнениям, но Ирвинг Лангмюир из исследовательской лаборатории «Дженерал электрик», незадолго до этого посетивший Советский Союз, заявил, что СССР располагает огромным потенциалом, а наука в стране пользуется беспрецедентной для остальных государств поддержкой со стороны правительства. Он высказал предположение, что СССР догонит Америку через пять лет, а через десять уйдет далеко вперед.

Сцилард сказал, что было бы неправильно заранее предугадывать, каким может быть ответ русских. Почему не спросить самого Сталина? Россия обычно поступает, руководствуясь своим интересом, и мир без атомного оружия наверняка будет в ее интересах.

За Сцилардом осталось последнее слово на конференции: он призвал «гарантировать неприкосновенность всем в мире ученым и инженерам, когда они будут информировать о нарушениях согласованных договоренностей (относительно контроля над вооружениями)». Он призвал к принятию «Акта о правах ученых и инженеров» с целью гарантировать осуществление международных соглашений о контроле над атомной энергией¹⁹. Присутствовавший на конференции заместитель госсекретаря по вопросам атомной энергии Уильям Бентон попросил Сциларда изложить свои соображения в виде меморандума, что и было сделано.

В конце ноября 1945 г. Сцилард выступал на торжественном собрании в Нью-Йорке, посвященном юбилею журнала *Nation* и предложил заключить договор о запрещении атомных бомб и об организации инспекций под эгидой ООН.

В период работы Комиссии ООН по атомной энергии в 1946–1948 гг. Сцилард упорно лоббировал достижение договоренности о международном контроле.

В послевоенные годы Лео Сцилард продолжал с неукротимой энергией исполнять свою миссию по продвижению идей международного контроля над атомной энергией. Человек, который первым взбудоражил и научный мир, и американское руководство предсказанием

неминуемой гибели цивилизации в случае, если гитлеровская Германия опередит Соединенные Штаты и всю антигитлеровскую коалицию в создании ядерного оружия, теперь столь же последовательно и энергично, как никто другой, добивался создания мира, в котором атомное оружие было бы поставлено вне закона, под строгий международный контроль.

Сцилард глубоко верил в великую силу сотрудничества между учеными США, СССР и других стран в решении этой исторической задачи. Он принял участие в первой Пагуошской конференции, собравшейся в Пагуоше в июле 1957 г., а также в последующих конференциях. Пагуошское движение содействовало заключению Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой, а в дальнейшем – Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора по ограничению систем ПРО.

После провала Парижского саммита 1960 г. Сцилард в июне того же года пишет письмо Н.С. Хрущеву с предложением содействовать возобновлению советско-американского диалога прежде всего путем встреч ученых обеих стран. На первое письмо он не получил ответа и в середине августа пишет еще одно письмо Хрущеву. Советский премьер отвечает. Во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которую советский руководитель прибыл на теплоходе «Балтика», между ними 5 октября 1960 г. состоялась встреча в советском представительстве при ООН.

Сцилард передал меморандум, переведенный на русский язык, относительно необходимости заключения соглашения о ядерном разоружении, в котором внимание Хрущева привлек следующий текст, выделенный американским ученым: «России и Америке ... следовало бы создать условия, при которых Россия была бы уверена, что о тайных нарушениях соглашения Америкой американские граждане сообщали бы международной контрольной комиссии, а Америка была бы уверена, что о тайных нарушениях соглашения, происходящих на российской территории, советские граждане сообщали бы международной контрольной комиссии». Эту идею международного наднационального органа по контролю над вооружениями Сцилард вынашивал с 1945 г. Позже он с некоторым даже удивлением вспоминал, что Хрущев сказал ему, что он «полностью принимает это положение».

В меморандуме Сциларда предлагалось также, чтобы во избежание внезапного или случайного нападения между руководством обеих стран была установлена линия прямой телефонной связи, с чем Хрущев также согласился. Как известно, спустя некоторое время – в июне 1963 г. между правительствами Советского Союза и Соединенных Штатов было достигнуто соглашение об установлении такой линии прямой связи. По предложению Сциларда было условлено, что дальнейшие контакты с ним будут продолжены через АН СССР. Разговор продолжался два часа вместо ранее намеченных 15 минут. В конце 1960 г. Сцилард вместе с группой американских ученых участвовал в четвертой Пагуошской конференции, проходившей в Москве.

В мае 1960 г. он получает премию «Атомы для мира». До конца своих дней (скончался Сцилард от инфаркта в мае 1964 г.) он продолжал активную общественную деятельность, связанную с контролем над атомными вооружениями. В июне 1962 г. он создает первую организацию активистов-сторонников разоружения – Совет за безопасный мир (Council for a Livable World), в декабре 1963 г. выдвигает концепцию «минимального сдерживающего средства» в целях стабилизации и ограничения гонки ядерных вооружений между двумя державами. После его смерти Американское физическое общество учредило премию Лео Сциларда, которой в 1983 г. был удостоен Андрей Дмитриевич Сахаров.■

¹ Уместно отметить, что совсем недавно, в феврале 2002 г., стали известны новые документы из архива Нильса Бора, из которых следует, что Гейзенберг, вопреки версии, бытовавшей до последнего времени, о том, будто он сознательно, из лучших побуждений тормозил работы

над гитлеровской ядерной бомбой, в действительности же активно в них участвовал. (James Glanz. New Twist on Physicist's Role in Nazi Bomb. *New York Times*. 2002, 7 Feb.).

² Powers Thomas. Heisenberg's War. The Secret History of the German Bomb. Da Capo Press, 2000. P. 61-62; Rhodes Richard. The Making of the Atomic Bomb. Simon & Schuster (N.Y., L., Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore), 1996. P. 294.

Несколько позднее, после посещения Лос-Аламоса в декабре 1943 г. и ознакомления с американским атомным проектом Бор стал одним из наиболее энергичных сторонников предупреждения гонки атомных вооружений и установления международного контроля над атомной энергией. В 1944 г. он даже добился встреч по этому вопросу с Рузвельтом и Черчиллем, но они оказались безуспешными. Подробнее об этом см.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. М.: Наука, 1999. С. 15-18.

³ Rhodes Richard. P. 304-305; Lanouette William with Silard Bela. Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard, The Man Behind the Bomb. The University of Chicago Press, 1994. P. 198-199.

⁴ Текст письма см.: Lanouette William. P. 205-206. На рус. яз.: Создание первой советской ядерной бомбы. Гл. ред. В.Н. Михайлов. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 21-22.

⁵ Мальков В.И. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. С.16-17.

⁶ Lanouette William. P. 307.

⁷ Goldschmidt Bertrand. Atomic Rivals. A Candid Memoir of Rivalries Among the Allies over the Bomb. Rutgers University Press, New Brunswick and London, 1999. P. 47.

⁸ Lanouette William. P. 256.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. P. 257.

¹¹ Ibid. P. 260.

¹² Wyden Peter. Day One. Before Hiroshima and After. N.Y., 1985. P. 142-143. Цит. по: Мальков В.И. С. 85.

¹³ Alperovitz Gar. The Decision to Use the Atomic Bomb. N.Y.: Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1996. P. 187.

¹⁴ Seaborg Glenn T. with Loeb Benjamin S. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington Books. Lexington, MA, Toronto, 1987. P. 59-61.

¹⁵ Rhodes Richard. P. 749.

¹⁶ Alperovitz Gar. P. 191.

¹⁷ Lanouette William. P. 282.

¹⁸ Изложение его выступления и других высказываний основано на дневниковых записях, сделанных участвовавшим в конференции Гленом Сиборгом (Seaborg Glenn T. P. 61-65).

¹⁹ Lanouette William. P. 283-284.

Сообщения**О ЗАСЕДАНИИ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРОЕКТА
«СОВМЕСТНОЕ СНИЖЕНИЕ УГРОЗЫ: АМЕРИКАНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНИЦИАТИВА»**

22–23 апреля в Осло (Норвегия) состоялось заседание Наблюдательного комитета проекта «Совместное уменьшение угрозы: американо-европейская инициатива». Этот масштабный международный проект осуществляется Центром стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS) совместно с ПИР-Центром и рядом других ведущих европейских научно-исследовательских институтов и организаций.

В течение двух дней рассматривались различные вопросы реализации программ совместного снижения угрозы, в частности предотвращение распространения опасных биологических материалов, уничтожение химического оружия, утилизация расщепляющихся материалов, обеспечение

экспортного контроля, демонтаж избыточного ОМУ, предотвращение «утечки мозгов».

В заседании приняли участие представители Фонда Карнеги за международный мир, Пагуошского движения, Монтерейского института международных исследований, Норвежского института международных отношений, Бирмингемского университета.

Заместитель директора ПИР-Центра **Юрий Федоров** представил доклад ПИР-Центра «Международные проблемы: уменьшение российского потенциала оружия массового уничтожения». В ходе заседания были обсуждены возможности дальнейшего развития данного проекта. По итогам обсуждения принято решение о следующем заседании Наблюдательного комитета, которое намечено провести в сентябре 2002 г. в Париже (Франция).

**О ЗАСЕДАНИИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ТАКТИЧЕСКОМУ ЯДЕРНОМУ
ОРУЖИЮ ПАГУОШСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

23–26 мая заместитель директора ПИР-Центра **Юрий Федоров** принял участие в заседании рабочей группы по тактическому ядерному оружию Пагуошского движения, которое прошло в г. Сигтуна (Швеция). Заседание проходило под эгидой министерства иностранных дел Швеции, Стокгольмского университета и Шведского агентства оборонных исследований (Swedish Defence Research Agency). Заседание открыл генеральный секретарь Пагуошского движения **Джордж Ратженс** (George Rathjens). В работе группы приняли участие 25 ученых из 10 стран, в том числе сотрудники Шведского агентства оборонных исследований, Центра тихоокеанских исследований Стокгольмского университета (CPAS), Норвежского института международных отношений (NUPI),

Монтерейского института международных исследований.

В центре внимания участников были проблемы тактического ядерного оружия, распространения биологического оружия, ракетных технологий и расщепляющихся материалов.

В рамках встречи **Юрий Федоров** представил доклад на тему «Российский подход к проблеме контроля над тактическим ядерным оружием».

В завершение был обсужден вопрос о необходимости создания режима контроля над всеми существующими ядерными боеголовками, однако участники встречи с сожалением отметили, что возможность создания такого режима пока еще мала.

**О МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ ПО ПРОБЛЕМАМ
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

26–28 мая заместитель директора ПИР-Центра **Юрий Федоров** принял участие в Международном форуме по проблемам нераспространения ракет и ракетных технологий в Нью-Плэйс (Великобритания), организованном Маунтбеттеновским центром международной безопасности при Университете Саутгемптона.

Одним из проектов Маунтбеттеновского центра является Международный форум по проблемам нераспространения ракет и ракетных технологий (International Missile Forum). Его основная задача – поиск консенсуса между США и их европейскими союзниками по вопросам противоракетной обороны. Форум проходит два

раза в год. Маунтбеттенский центр сотрудничает с крупнейшими организациями, занимающимися проблемами ракетного и ядерного нераспространения. Среди них Монтерейский университет, Фонд Карнеги за международный мир, Французский институт международных отношений, ПИР-Центр.

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПОНАРС В СИЭТЛЕ

С 29 мая по 1 июня в Сиэтле (США) прошла академическая конференция российско-американской группы ученых ПОНАРС (Программа новых подходов к российской безопасности – Program for New Approaches to Russian Security, PONARS).

Конференция, организованная Центром стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS), проводилась в Университете штата Вашингтон.

В ходе конференции около сорока членов ПОНАРС, среди которых были его исполнительный директор Селест **Воландер** (Celeste Wallander), Марк **Краммер** (Mark Kramer), Николай **Петров**, Александр **Пикаев**, Михаил **Алексеев**, Аркадий **Мошес**, Алла **Касьянова**, Николай **Соков**, Павел **Подвиг**, Мэтью **Евангелиста** (Matthew Evangelista), Йошико **Эррера** (Yoshiko Herrera) и др., обсудили широкий круг проблем: от дальнейшего расширения НАТО и ЕС и их влияния на российскую внешнюю политику до

Выступавшие на форуме затронули ряд вопросов, касающихся будущего ракетных технологий. В этой связи доклад Юрия Федорова «Глобальная система контроля и Международный кодекс поведения: противоречие или совместимость?» вызвал большой интерес.

путей формирования внешней политики и политики в области безопасности России.

Директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, являющийся членом ПОНАРС, председательствовал и выступил с комментариями на сессии «Изменение понятия безопасности в эпоху после холодной войны». Он также представил доклад на сессии «Взаимоотношения федерального центра и регионов в современной России». В этом докладе, подготовленном совместно со старшим научным сотрудником ПИР-Центра Дмитрием **Евстафьевым**, рассмотрены проблемы российского ядерного регионализма, а именно: различные аспекты взаимодействия федеральных структур исполнительной власти и субъектов федерации, а также закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), связанного с объектами ядерной инфраструктуры.

Материалы конференции и более подробную информацию о ПОНАРС можно найти в интернет-представительстве ПОНАРС по адресу www.csis.org/ruseura/ponars/.

О ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОНСОРЦИУМА «ПАРТНЕРСТВО ВО ИМЯ МИРА»

17–19 июня в Париже состоялась Пятая ежегодная конференция Консорциума «Партнерство во имя мира» – «Построение стратегического сообщества через образование и науку».

В конференции приняли участие более 400 человек из 47 стран, в том числе первый заместитель секретаря Совета безопасности России Владислав **Шерстюк**, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Франции Жан-Пьер **Кельхе** (Jean-Pierre Kelche), госсекретарь министерства обороны Германии Вальтер **Штутцле** (Walter Stutzle), директор Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. Маршала Роберт **Кеннеди** (Robert Kennedy). Соорганизаторами конференции выступили министерство обороны Франции и

общевоинской оборонный колледж Франции (Joint Services Defence College).

Во время конференции помимо пленарных сессий, которые были посвящены проблеме европейской безопасности и новой концепции глобальной безопасности после 11 сентября 2001 г., прошли заседания 15 рабочих групп, исследующих актуальные вопросы современности под эгидой Консорциума, включая группы «Будущее НАТО», «Влияние информационных технологий на международную безопасность», «Военная история», «Управление кризисами в Центральной Азии», «Управление кризисами в Юго-Восточной Азии», «Управление кризисами на Южном Кавказе», «Характер европейской безопасности и обороны», «Экономические и юридические аспекты безопасности» и др.

В работе конференции и в заседании рабочей группы «Нераспространение и экспортный контроль» (НиЭК) принял участие директор образовательных проектов ПИР-Центра Антон **Хлопков**. Очередное заседание рабочей группы НиЭК будет организовано ПИР-Центром и пройдет 24–25 октября в Москве.

Шестая ежегодная конференция Консорциума «Партнерство во имя мира», запланированная на лето 2003 г., состоится в Берлине (Германия).

Консорциум «Партнерство во имя мира» военных академий и институтов, изучающих вопросы безопасности, является международной организацией, предназначенной для повышения уровня военного образования и исследований путем развития связей между разными странами и учреждениями. В настоящее время в состав Консорциума входят 200 организаций из 42 стран-членов Совета евроатлантического партнерства (СЕАП).

О КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА ЯДЕРНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

23–26 июня в Орlando (Флорида, США) прошла 43-я ежегодная конференция Института ядерного менеджмента (Institute of Nuclear Material Management, INMM), членами которого являются ученые, инженеры, представители промышленных кругов, сотрудники министерств Соединенных Штатов, а также России, Франции, Японии и др.

Конференцию открыл конгрессмен Курт **Велдон** (Curt Weldon), выступивший с инициативами об укреплении сотрудничества между США и Россией по снижению угрозы ядерного распространения. В ходе конференции основное внимание было уделено противодействию угрозе ядерного терроризма, о чем говорили представители МАГАТЭ, Комиссии по ядерному регулированию США, ФБР США, Лос-Аламосской и ряда других национальных лабораторий.

Директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, являющийся также членом Института ядерного менеджмента, выступил в заключительный день конференции с докладом, посвященным возможностям сотрудничества между Россией и США по предотвращению ядерного терроризма. Докладчик, в частности, рассказал о становлении противодействия ядерному терроризму в России; дал оценку угроз, как они видятся из России; предложил основные принципы сотрудничества между Россией и США и в заключение подробно остановился на необходимости комплексного подхода к террористическим угрозам, касаются

ли они ядерного или других видов терроризма с использованием ОМУ, терроризма с использованием обычных средств, имеющего масштабные катастрофические последствия, или же кибертерроризма. Владимир Орлов подчеркнул, что России и США в своих совместных действиях следует обратить особое внимание на тенденцию сращивания международных террористических групп с организованными преступными сообществами. Докладчик заметил, что будущие ОМУ-террористы будут тщательно подготовлены и обучены и с большой вероятностью могут использовать пути транспортировки материалов, уже освоенные международной наркомафией и нелегальными торговцами обычными вооружениями. Он обратил внимание на укрепляющиеся связи между негосударственными игроками, с одной стороны, и некоторыми «проблемными государствами» – с другой, причем в число «проблемных» он включил государства с ослабленными или отсутствующими рычагами центрального управления; страны, управление которыми контролируется коррумпированными группами («клептократии»); и страны, по тем или иным причинам находящиеся в изоляции от международного сообщества.

Подробнее о 43-й конференции Института ядерного менеджмента можно узнать в его интернет-представительстве www.inmm.org.

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СЕССИИ ГРУППЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ ПО ПОДГОТОВКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ООН ПО ОБРАЗОВАНИЮ И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

С **22 по 26 июля** в Нью-Йорке состоялась четвертая, заключительная сессия Группы правительственных экспертов по подготовке исследования ООН по образованию и повышению квалификации в области разоружения и нераспространения.

Группа была создана по поручению Генеральной Ассамблеи ООН. В ноябре 2000 г. ГА ООН по рекомендации Консультативного совета по проблемам разоружения единогласно приняла резолюцию «Исследование ООН по образованию в

области разоружения и нераспространения» (55/33 E от 20 ноября 2000 г.). В этом документе Генеральная Ассамблея поручила Генеральному секретарю ООН подготовить данное исследование при содействии группы компетентных государственных экспертов и представить его на рассмотрение 57-й сессии ГА ООН (2002 г.).

Предыдущие сессии Группы состоялись в апреле 2001 г. (Нью-Йорк), августе 2001 г. (Монтерей, США) и марте 2002 г. (Женева).

В ходе заключительной сессии группа, состоящая из десяти правительственных экспертов, представляющих Венгрию, Индию, Египет, Мексику, Новую Зеландию, Перу, Польшу, Сенегал, Швецию и Японию, обсудила проект доклада, который был подготовлен по поручению Генерального секретаря ООН. Консультантом группы на протяжении всех двух лет ее работы выступал директор ПИР-Центра Владимир Орлов.

В результате напряженной пятидневной работы окончательный текст доклада (на английском языке) был согласован и принят. Этот 30-страничный документ содержит восемь разделов:

- Введение;
- Понятие современного образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения (ОПКОРН);
- Оценка накопленного опыта в области ОПКОРН;
- ОПКОРН на всех уровнях и для различных аудиторий;
- Пути использования современных педагогических методов, в особенности с учетом революции в области информации и коммуникационных технологий;
- Пути осуществления ОПКОРН в постконфликтных ситуациях на благо мира;
- Координация между организациями структуры ООН и другими организациями, действующими в области разоружения, нераспространения или образования;

- Развитие ОПКОРН: практические рекомендации.

В то время как первые семь разделов носят обзорно-аналитический характер, в последнем сформулированы 34 практические рекомендации, адресованные самой ООН и ее подразделениям и институтам, государствам-членам ООН, журналистам, неправительственным организациям.

Во второй половине августа официальный английский текст доклада должен быть распространен Департаментом по вопросам разоружения ООН и размещен на сайте ПИР-Центра, а также разослан по электронной почте в электронных бюллетенях ПИР-Центра. Как только доклад будет переведен на официальные языки ООН, ПИР-Центром будет распространен официальный русский текст доклада. Он также будет опубликован в очередном номере журнала «Ядерный Контроль».

Представление доклада состоится на заседании Первого комитета ГА ООН в октябре с.г. Ожидается, что Мексика от имени государств, чьи эксперты принимали участие в работе над докладом, выступит с соответствующим проектом резолюции ГА ООН.

ПИР-Центр предполагает 2 октября с.г. провести широкое обсуждение тех практических шагов, которые предлагаются в докладе, с целью развития образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения ОМУ и средств его доставки.

По всем вопросам, относящимся к итогам работы Группы правительственных экспертов, к докладу, а также к планированию развития образования в области разоружения и нераспространения в России, следует обращаться к директору ПИР-Центра Владимиру Орлову: orlov@pircenter.org или к директору образовательных проектов ПИР-Центра Антону Хлопкову: khlopkov@pircenter.org.

Книжные новинки

«Ядерный Контроль» продолжает знакомить читателей с недавно вышедшими или готовящимися к публикации изданиями, которые посвящены проблемам нераспространения и контроля над вооружениями.

BARANOVSKY VLADIMIR, KALIADINE ALEXANDRE (Eds.) RUSSIA: ARMS CONTROL, DISARMAMENT AND INTERNATIONAL SECURITY. IMEMO CONTRIBUTIONS TO THE RUSSIAN EDITION OF THE SIPRI YEARBOOK 2001. M.: IMEMO, 2002. 161 p.

БАРАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР, КАЛЯДИН АЛЕКСАНДР (Ред.). РОССИЯ: КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ, РАЗОРУЖЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. СБОРНИК РАБОТ УЧЕНЫХ ИМЭМО (на англ. яз.). М.: ИМЭМО, 2002. 161 с.

Книга является сборником статей, в которых сообщаются результаты исследований, проведенных в Институте мировой экономики и международных отношений. Статьи были опубликованы в русском издании «Ежегодник СИПРИ 2001: Вооружения, разоружение и международная безопасность» (М.: Наука, 2002). В сборнике представлены факты, данные, аналитические, прогностические и документальные материалы по вопросам российской политики в области обороны, внешней политики и контроля над вооружениями. В частности, обсуждаются проблемы борьбы с международным терроризмом, способы развития отношений России и стран Запада, последствия выхода США из Договора по ПРО, перспективы сокращения ядерных арсеналов России и США и другие вопросы.

GRAHAM THOMAS, JR. DISARMAMENT SKETCHES: THREE DECADES OF ARMS CONTROL AND INTERNATIONAL LAW. Seattle, WA: University of Washington, 2002. 372 p.

ГРЭМ ТОМАС (мл.) ОЧЕРКИ О РАЗОРУЖЕНИИ: ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. Сиэтл: Университет штата Вашингтон, 2002. 372 с.

Томас Грэм-мл. принимал участие в работе над выработкой практически всех крупнейших двусторонних договоров между СССР и США. В воспоминаниях Томаса Грэма читатель найдет интересные подробности дипломатических и юридических баталий в процессе принятия тех или иных решений в области контроля над вооружениями, познакомится с хитросплетениями бюрократической борьбы в администрациях шести президентов США, в

Конгрессе и других ведомствах, полномочия и интересы которых зачастую пересекались и взаимно исключали друг друга. В книге содержится также детальный анализ многих важнейших документов периода холодной войны. Данное издание, несмотря на несколько сложный стиль подачи материала, станет важным первоисточником для специалистов, занимающихся историей холодной войны, международным правом и вопросами контроля над вооружениями. По выражению бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, эту книгу необходимо прочитать для понимания вопросов контроля над вооружениями в период холодной войны.

GALLAGHER THOMAS. ASSAULT IN NORWAY: THE AMAZING WWII STORY OF THE COMMANDOS WHO SABOTAGED THE NAZI NUCLEAR PROGRAM. Guilford, CT: Lyons Press, 2002. 234 p.

ГАЛЛАХЕР ТОМАС. НОРВЕЖСКИЙ ШТУРМ: УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ О ДЕСАНТНИКАХ, КОТОРЫЕ ПОДОРВАЛИ ЯДЕРНУЮ ПРОГРАММУ НАЦИСТОВ. Гилфорд: Лайонс пресс, 2002. 234 с.

В 1942 г. Германия несколько опережала своих противников по уровню технических разработок атомной бомбы. Научные успехи нацистов во многом определялись значительными запасами тяжелой воды, которую Германия получала из Норвегии (крупнейшее в мире производство и хранилище тяжелой воды находилось тогда на хорошо укрепленных заводах фирмы «Norsk Hydro» в городке Веморк, провинция Телемарк). В 1942 г. завод в Веморке выработал примерно 5 000 кг тяжелой воды. Оценив ситуацию, британское командование приняло решение уничтожить завод и таким образом серьезно помешать развитию ядерной программы Германии. Уничтожение производственного и энергетического комплексов с помощью бомбардировочной авиации было признано маловероятным: прочное здание цехов, в которых проходил процесс электролиза, выдержало бы любую бомбежку с воздуха. Уничтожение завода поручили группе диверсантов. Была разработана операция «Gunnerside»: проникновение группы «коммандос» на территорию завода с целью минирования и уничтожения цеха по производству тяжелой воды.

Книга Томаса Галлахера во многом основана на воспоминаниях норвежцев-десантников, уничтоживших цех по производству тяжелой воды. Автор пытается в деталях воссоздать процесс планирования и исполнения операции «Gunnerside», воспроизводит международную обстановку тех дней и размышляет о влиянии «войны за тяжелую воду» на развитие ядерной программы нацистской Германии и дальнейший ход Второй мировой войны.

CAMPBELL KURT, FLOURNOY MICHELE, et al. TO PREVAIL. AN AMERICAN STRATEGY FOR THE CAMPAIGN AGAINST TERRORISM. Washington, D.C.: CSIS Press, 2001. 402 p.

КЭМПБЕЛЛ КУРТ, ФЛУРНОЙ МИШЕЛЬ и др. ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ. АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ. Вашингтон: CSIS-пресс, 2001. 402 с.

Сразу после событий 11 сентября 2001 г. бывший сенатор Сэм Нанн (Sam Nunn), в настоящее время сопредседатель и главный исполнительный директор фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI) и одновременно председатель Совета управляющих Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне, совместно с президентом этого Центра Джоном Хэмром (John Hamre) инициировал создание группы экспертов для разработки последовательной полномасштабной стратегии борьбы с международным терроризмом. В эту группу вошли исследователи, занимающиеся вопросами региональной политики и проблемами борьбы с терроризмом, представители военных кругов, бывшие политические деятели и другие специалисты. Силами этой группы в кратчайшие сроки была подготовлена книга «Чтобы победить...», поступившая недавно в библиотеку ПИР-Центра.

В книге обсуждаются среднесрочные и долгосрочные последствия террористических атак, а также вопросы противодействия международному терроризму. Несмотря на успехи антитеррористической кампании в Афганистане и широкие меры, принятые администрацией США для борьбы с угрозой терроризма, следующие несколько лет, как уверены авторы, станут одними из самых сложных в истории США.

Проведено полномасштабное исследование ряда тем: изменение природы международного терроризма, построение глобальной антитеррористической коалиции, увеличение военных и разведывательных возможностей

США, применение антитеррористических законов, требуемые изменения в экономике и политике предоставления иностранной помощи. Особое место уделено стратегии США в различных регионах мира в целях успешной борьбы против международного терроризма.

Эта книга, получившая весьма доброжелательные отклики от множества экспертов внешнеполитического и оборонного ведомств США, будет полезна специалистам, занимающимся вопросами международного терроризма.

TELLER EDWARD, with SHOOLERY JUDITH. MEMOIRS: A TWENTIETH-CENTURY JOURNEY IN SCIENCE AND POLITICS. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2001. 544 p.

ТЕЛЛЕР ЭДВАРД, ШУЛЕРИ ДЖУДИТ. ВОСПОМИНАНИЯ: ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА. Кембридж: Персеус Паблишинг, 2001. 544 с.

Один из великих физиков двадцатого века, Эдвард Теллер, эмигрировал в США в 1935 г. и там нашел себя в физике, а затем и в политике: в середине века он работал над созданием термоядерной бомбы, а в 1980-е гг. был вовлечен в пропаганду противоракетной обороны. Возможно, самые противоречивые поступки он совершил во время расследования по делу Роберта Оппенгеймера, которому в итоге был запрещен допуск к секретным сведениям о ядерном проекте США из-за подозрений в связях с коммунистическими организациями. В этой книге воспоминаний Теллер публикует 30 страниц стенограмм своих показаний, связанных с делом Оппенгеймера, и утверждает, что хотя он и не был согласен со многими взглядами своих коллег, но не считал Оппенгеймера предателем. Он также выражает сожаление в том, что его показания были использованы против Оппенгеймера.

Позже Теллер работал в лаборатории им. Лоуренса Ливермора, а в конце 1950-х гг. стал научным консультантом Нельсона Рокфеллера. Хотя большинство событий, описанных Теллером, происходило в 1940–1950-е гг., значительное внимание автор уделяет также воспоминаниям о своем влиянии на инициативу СОИ президента Рейгана. Возможно, книга может показаться читателю слишком перегруженной деталями, но именно это свойство делает ее полезной для исследователя.

Новости ПИР-Центра

16 апреля ПИР-Центр и Фонд Карнеги за международный мир (США) провели пресс-конференцию на тему «Предстоящая встреча в верхах и формирование новых рамок стратегических отношений между Россией и США».

В пресс-конференции приняли участие: заместитель директора ПИР-Центра кандидат исторических наук Юрий **Федоров**; Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), председатель Совета ПИР-Центра доктор исторических наук Роланд **Тимербаев**; ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир Роуз **Геттемюллер** (Rose Gottemoeller), сотрудник Фонда Карнеги за международный мир Джон **Вольфстал** (Jon Wolfsthal); старший научный сотрудник Московского Центра Карнеги кандидат исторических наук Александр **Пикаев**.

Участники пресс-конференции представили меморандум «Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы», подготовленный в рамках совместного проекта (полный текст опубликован в № 3 журнала *Ядерный Контроль*).

На конференции присутствовали представители российских и зарубежных СМИ, среди которых были *Federal News Service, Интерфакс, Известия, Труд*, журнал «Эксперт», *Boston Globe, El Pais, Kiudo Цусин, Майнити, Токио Симбун*, Агентства *France Presse, Associated Press, Reuters, Синьхуа*, а также *ARD, CBS News, NHK, Радио «Свобода», Голос Америки, Радио Румынии* и представители пресс-служб МО РФ, ФАПСИ РФ, ФСБ РФ, сотрудники посольств Нидерландов, Польши и Украины.

За более подробной информацией о пресс-конференции следует обращаться к координатору ПИР-Центра по связям с общественностью Антону Хлопкову: тел. (095) 234-0525, E-mail: khlopkov@pircenter.org.

17 апреля ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета на тему «Ядерный фактор в российско-американских отношениях».

С докладами и сообщениями выступили: ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги

за международный мир Роуз **Геттемюллер** (Rose Gottemoeller); старший советник ПИР-Центра Владимир **Дворкин**; директор Центра стратегических исследований Андрей **Пионтковский**; заведующий отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Александр **Савельев**; старший советник ПИР-Центра Роланд **Тимербаев** и заместитель директора ПИР-Центра Юрий **Федоров**.

Выступавшие проанализировали нынешнюю ситуацию в российско-американских отношениях, уделив особое внимание проблемам, связанным с подготовкой юридически обязывающего соглашения по стратегическим наступательным вооружениям, которое готовилось к подписанию во время предстоящей встречи президентов Владимира Путина и Джорджа Буша. Дискуссия также развернулась вокруг перспектив ядерного сдерживания, проблем стратегического паритета и других актуальных военно-политических вопросов и их отражения в российско-американских отношениях.

В заседании также приняли участие Владимир **Белоусов**, Центр «Основа»; Михаил **Виноградов**, Комитет ученых за глобальную безопасность; Альберт **Гозаль** (Albert Gozal), представительство Европейской комиссии в России; Виктор **Есин**; Татьяна **Жданова**, Фонд Макартуров; Сергей **Зеленцов**, Институт стратегической стабильности; Андрей **Зобов**, Московский центр Карнеги; Александр **Калядин**, ИМЭМО; Элина **Кириченко**, ИМЭМО; Андрей **Киселев**, ФСБ РФ; Владимир **Лебедев**, правительство Москвы; Кевин **Маги** (Kevin Magee), посольство Австралии; Есихико **Мацусима**, *Kiudo Цусин*; Владимир **Медведев**, Институт стратегической стабильности; Владимир **Новиков**, РИСИ; Роберт **Нурик** (Robert Nurick), Московский фонд Карнеги; Вилиус **Самуйла**, посольство Литвы; Бахтияр **Тузмухамедов**, Конституционный суд РФ; Дональд **Хьюз** (Donald Hughes), корпорация «Бектель»; Марек **Цалка** (Marek Calka), посольство Польши и др.

18 апреля вышли в свет *Научные Записки ПИР-Центра* № 17. Роланд Тимербаев, Александр Шилин, Виталий Федченко «Проблемы распространения и

нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы».

Распространение ядерного оружия и эскалация вооружений в Южной Азии приковывают к себе пристальное внимание мирового сообщества, которое небезосновательно считает этот регион одним из самых опасных в мире с точки зрения угрозы возникновения здесь ядерного конфликта. Особую остроту и взрывоопасный характер ядерный кризис в регионе приобрел начиная с 1998 г., после ядерных испытаний, проведенных Индией и Пакистаном, которые возвестили миру о появлении фактически двух новых ядерных государств.

Актуальность рассматриваемой проблемы в последнее время неизмеримо и весьма опасно возросла в связи с трагическими нападениями террористов на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. Антитеррористическая операция, проводимая Соединенными Штатами в Афганистане при поддержке других государств, в том числе России, ведет к дестабилизации и без того неустойчивого режима в Пакистане, что создает угрозу захвата пакистанского ядерного оружия экстремистски настроенными элементами.

В связи с большим интересом, проявляемым к этой проблеме правительственными кругами, законодателями и широкой российской общественностью, ПИР-Центр приступил к осуществлению нового проекта – «Южная Азия: проблемы и перспективы нераспространения». Первым результатом исследования в рамках этого проекта является настоящая работа из серии *Научные Записки ПИР-Центра* – «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы».

В работе Роланда Тимербаева «Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность» дается краткая история развития ядерных программ Индии и Пакистана, вскрываются внутренние пружины возникновения кризисной ситуации в регионе, анализируются военно-стратегические и геополитические последствия появления новых ядерных государств, а также высказываются соображения о возможных перспективах ослабления ядерного противостояния в регионе и вокруг него.

Александр Шилин в работе «Эскалация вооружений в Южной Азии» показывает, как

разворачивалась гонка вооружений на южноазиатском субконтиненте в результате острых этнических, религиозных и территориальных конфликтов, явившихся следствием сложного колониального прошлого региона и последующего образования там независимых государств.

Наконец, в исследовании Виталия Федченко «Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля» рассматриваются проблемы развития сотрудничества между двумя странами в области использования мирного атома, дальнейшие его перспективы и влияние на будущее международного режима экспортного контроля.

ПИР-Центр надеется, что настоящий выпуск *Научных Записок* поможет как специалистам, так и более широким кругам общественности глубже познакомиться с проблемами нераспространения в Южной Азии и будет способствовать процессу принятия решений, адекватных складывающейся ситуации в регионе.

ПИР-Центр ожидает, что читатели откликнутся на эту публикацию своими замечаниями и комментариями, это поможет нам в дальнейшей работе – развитии и углублении проводимых исследований в рамках данного проекта.

По вопросам приобретения издания следует обращаться к координатору проекта ПИР-Центра Марии Верниковой: тел. (095) 234-0525, факс (095) 234-9558, E-mail: info@pircenter.org.

28 апреля вышли в свет *Научные Записки ПИР-Центра* № 18. Антон Хлопков «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях».

Президент США Джордж Буш, выступая 29 января 2002 г. в Вашингтоне на совместном заседании сената и палаты представителей Конгресса США с ежегодным посланием «О положении страны», ввел новое понятие в политический лексикон: он заявил, что Северная Корея, Ирак и Иран составляют «ось зла». В своем послании президент отметил, что страны «оси зла» стремятся к обладанию оружием массового уничтожения, являются пособниками террористов, и от них исходит угроза всему миру.

Россия имеет давнюю историю партнерских взаимоотношений с Ираком и КНДР. СССР стоял у истоков иракской и северокорейской программ развития ядерной энергетики, а также способствовал присоединению этих стран к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Однако на рубеже 1980–1990-х гг. в сотрудничестве СССР/России с этими странами возникли трудности. Примерно в то же время в обеих странах международным сообществом были рассекречены программы по созданию ядерного оружия.

Российско-иранское сотрудничество стало развиваться в начале 1980-х гг., после свержения проамериканского режима в Иране, а в начале девяностых годов началось взаимодействие Москвы и Тегерана в области ядерной энергетики. США, имевшие прямое отношение к созданию в шестидесятых годах иранской ядерной программы, с момента начала российско-иранских переговоров стали проявлять беспокойство в связи с возможными последствиями, к которым могло привести осуществление поставок российской высокотехнологичной продукции в страну, по мнению американской стороны, тайно занимающуюся созданием ядерного оружия.

На протяжении всей второй половины 1990-х гг. не было более острой проблемы в российско-американских отношениях, чем сотрудничество России и Ирана, в частности, в области атомной энергетики. За это время в России и США сменились президенты – на смену Борису Ельцину и Биллу Клинтону пришли Владимир Путин и Джордж Буш-младший, в России дважды сменился министр иностранных дел и пять раз – премьер-министр, в США – дважды госсекретарь и один раз вице-президент; однако российско-иранское сотрудничество продолжало оставаться «занозой» в российско-американских отношениях. Отдельные эксперты даже стали рассматривать российско-иранское сотрудничество в качестве «наилучшего индикатора состояния российско-американских отношений».

С приходом республиканской администрации в США давление на Россию по «иранскому вопросу» начинает увеличиваться. Расширение двусторонних контактов Москвы и Вашингтона, в первую очередь в высокотехнологичных областях, а также участие России в работе международных организаций увязывается с отказом от военно-технического сотрудничества и

сотрудничества в области ядерной энергетики с Ираном.

Включение Соединенными Штатами Ирана в «ось зла», видимо, означает, что администрация Джорджа Буша в ближайшее время, используя имеющиеся экономические и политические рычаги, будет добиваться от Москвы принятия решения о полном прекращении сотрудничества с Ираном.

Для оценки возможного результата таких шагов и эффективности возврата США к политике увязок в вопросе предотвращения российско-иранского сотрудничества необходимо проанализировать опыт предыдущей администрации, оценить продуктивность ее действий в этом направлении и эффективность санкций по отношению к российским компаниям и организациям, введенных за сотрудничество с Ираном. Следует ответить также и на другие вопросы, а именно: в чем конкретно заключается российско-иранское партнерство; какие поставки в Иран были осуществлены и могут ли они ускорить реализацию тегеранской программы создания ядерного оружия, если таковая существует; в полной ли мере контролирует российское правительство экспорт чувствительных технологий в Иран, и насколько эффективна система экспортного контроля в этом случае?

Ответы на эти вопросы, а также анализ истории возникновения и развития иранской ядерной программы и научно-технического потенциала этой страны позволят лучше понять возможности Ирана в области создания ядерного оружия и оценить действенность американской политики увязок и санкций.

По вопросам приобретения журнала следует обращаться к координатору проекта ПИР-Центра Марии Верниковой: тел. (095) 234-0525, факс (095) 234-9558, E-mail: info@pircenter.org.

27 мая сотрудники ПИР-Центра награждены сенаторами Сэмом Нанном и Ричардом Лугаром за вклад в развитие программы Нанна–Лугара.

На торжественном ужине в отеле «Метрополь», устроенном Американо-российским деловым советом при поддержке фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», сенаторы США Сэм Нанн (Sam Nunn) и Ричард Лугар (Richard Lugar)

наградили медалями за заслуги в области уменьшения угрозы распространения ОМУ и вклад в развитие программы Совместного уменьшения угрозы (программа Нанна–Лугара) члена Совета ПИР-Центра генерал-полковника (в отставке) Евгения **Маслина** и старшего советника ПИР-Центра генерал-майора Владимира **Дворкина**.

10 июня в конференц-зале бизнес-центра «Александр-Хаус» состоялось заседание круглого стола на тему «Конфликт в Индостане и новые военные угрозы России», организованного ПИР-Центром совместно с клубом «Гражданские дебаты» и редакцией еженедельника «Независимое военное обозрение».

В обсуждении приняли участие ученые, политологи и общественные деятели, представляющие различные исследовательские организации, фонды и структуры исполнительной власти, включая Горбачев-фонд, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Институт политических исследований, Московский центр Карнеги, ПИР-Центр, фонд «Политика», Фонд эффективной политики, Центр стратегических исследований, еженедельник *Независимое военное обозрение*, МИД РФ.

За более подробной информацией следует обращаться к координатору проекта ПИР-Центра Виталию Федченко: тел. (095) 234–0525, факс (095) 234–9558, E-mail: fedchenko@pircenter.org.

13 июня в ПИР-Центре состоялась презентация второго издания учебника «Ядерное нераспространение».

Впервые не только в России, но и в мире выпущен полномасштабный учебник по нераспространению ядерного оружия, в котором подробно представлены: история создания ядерного оружия, становление международного режима ядерного нераспространения, международно-правовые аспекты, детали дипломатической борьбы, особенности ядерных программ и ядерной политики отдельных государств, а также собраны *основные российские и международные документы, посвященные проблеме нераспространения*. Учебник насыщен фактами, цифрами, цитатами, которые студент, исследователь, журналист

обычно вынуждены собирать из десятков источников, подчас труднодоступных.

Второе, переработанное и расширенное издание учебника состоит из двух томов и предназначено прежде всего для студентов старших курсов высших учебных заведений России и других государств бывшего СССР, слушателей магистратуры, аспирантов. Но не только. Оно может быть полезно в текущей работе молодых специалистов – как «гуманитариев», так и «технарей»: дипломатов, специалистов по международному праву, специалистов по учету, контролю, физической защите и безопасному обращению с ядерными материалами. К читательской аудитории учебника относятся также и работники министерств и ведомств, стремящиеся повысить свою квалификацию. Новое, двухтомное издание будет полезно сотрудникам научных институтов и неправительственных организаций, исследующим проблемы международной безопасности.

Учебник издан под общей редакцией директора ПИР-Центра, консультанта ООН по вопросам образования кандидата политических наук В.А. Орлова.

Свои поздравления в адрес ПИР-Центра направили помощник Президента Российской Федерации по вопросам стратегической стабильности маршал И.Д. **Сергеев**, начальник Управления проблем международной безопасности аппарата Совета безопасности РФ Н.Н. **Успенский**, посол России в Бельгии С.И. **Кисляк**.

Для пособия характерны «систематизированность, хронологическая последовательность, доступность и глубина изложения материала. Весьма важной является исчерпывающая проблемно-хронологическая подборка во втором томе основных международно-правовых документов, регулирующих деятельность в данной сфере ... Уверен, что данное пособие вызовет интерес и найдет широкое распространение среди специалистов и простых читателей».

И.Д. Сергеев,
помощник Президента Российской Федерации по вопросам стратегической стабильности

«С точки зрения интересов национальной безопасности России издание “Ядерное нераспространение” приобретает дополнительное значение, поскольку

позволяет расширить круг людей, которые осознают опасность этого вызова современности, позволяет помочь обществу стать более восприимчивым к реальным угрозам сегодняшнего дня».

Н.Н. Успенский,
начальник Управления проблем
международной безопасности
аппарата Совета безопасности РФ

«Уверен, что эта книга станет хорошим подспорьем в работе не только дипломатов, военных и юристов, профессионально занимающихся вопросами ядерного нераспространения, но и ценным источником информации для всех тех, кто интересуется новейшей историей и развитием мировой внешней политики».

С.И. Кисляк,
посол Российской Федерации в Бельгии

В рамках презентации с сообщениями о новом издании учебника выступили: директор департамента информации и печати МИД РФ Александр **Яковенко** и директор Центра проблем безопасности, контроля над вооружениями и миротворчества Дипломатической академии МИД РФ Михаил **Шелепин**.

По словам Александра Яковенко, «учебник будет полезен не только студентам, аспирантам, преподавателям, но и дипломатам, а также широким кругам российской общественности в целом. В учебнике собраны воедино основные документы по ядерному нераспространению, в совокупности конкурирующие даже с базой данных с сайта Министерства иностранных дел, а также очень квалифицированные комментарии известных авторов, которые, конечно, придают дополнительный авторитет этому изданию».

Михаил Шелепин назвал учебник «энциклопедией ядерного нераспространения». По его мнению, «работа сделана хорошо и фундаментально ... Теперь это станет необходимым компонентом обучения слушателей в учебных заведениях (МИФИ, Дипломатической академии и т.д.)».

В мероприятии также приняли участие представители Министерства иностранных дел РФ, Министерства обороны РФ, Министерства экономического развития и торговли, Администрации Президента РФ, Аппарата правительства РФ, правительства Москвы, Службы внешней разведки, Дипломатической

академии МИД РФ, МГИМО МИД РФ, МИФИ, Института США и Канады РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН, Конституционного суда РФ, Информационного бюро НАТО в Москве, представительства Европейской комиссии в России, фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», Фонда Макартуров, Московского центра Карнеги, РИСИ, корпорации «Бектель», посольств Великобритании, Нидерландов, Швейцарии, Швеции.

За более подробной информацией об учебнике следует обращаться к администратору проекта ПИР-Центра Марии Верниковой: тел. (095) 234-0525, факс (095) 234-9558, E-mail: info@pircenter.org или прочитать на сайте ПИР-Центра по адресу: www.pircenter.org/russian/subscription/library.htm.

20 июня в отеле «Марриотт-Аврора» ПИР-Центр провел очередное заседание Клуба ПИР-Центра. С докладом на тему «Проблемы демократизации и современное российское общество» выступил Дмитрий **Якушкин**, исполнительный директор Американо-русского делового совета, член Совета ПИР-Центра.

В своем докладе Дмитрий Якушкин затронул следующие проблемы:

- Отношение населения страны к вопросам демократических преобразований в России.
- Доверие населения к прессе.
- Понимание в России роли прессы как инструмента процесса демократизации общества.
- Самоцензура прессы.

Заместитель директора ПИР-Центра Юрий **Федоров** и старший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий **Евстафьев** выступили с комментариями к докладу.

За более подробной информацией о Клубе ПИР-Центра следует обращаться к администратору проекта Марии Верниковой: тел. (095) 234-0525, факс (095) 234-9558, E-mail: info@pircenter.org.

11 июля ПИР-Центр совместно с Центром стратегических и международных исследований (CSIS) провел семинар «Перспективы российско-американского

диалога по ядерному и ракетному нераспространению: вопрос Ирана».

В семинаре приняли участие сотрудники российских и американских неправительственных организаций, представители российских министерств и ведомств, сотрудники посольства США, которые по роду своей деятельности заинтересованы в обмене мнениями по таким чувствительным вопросам, как иранские ракетные и ядерные программы и возможное влияние российско-иранского сотрудничества на темпы развития этих программ. Среди участников семинара от Российской Федерации были представители МИД, Минатома, СВР, Российского авиационно-космического агентства, Администрации Президента РФ, Государственной Думы, Совета Федерации, Генерального штаба, Института стратегической стабильности, Московского центра Карнеги, Института востоковедения РАН, фонда «Политика», Центра стратегических исследований, Института прикладных международных исследований, Совета по внешней и оборонной политике, ПИР-Центра; от Соединенных Штатов Америки – сотрудники посольства США в России, Фонда Карнеги за международный мир, Совета по внешнеполитическим связям, Научного совета министерства обороны США. На семинаре присутствовали представители российских и зарубежных СМИ, включая *Интерфакс*, *Известия*, *Коммерсант*, *Kyodo News*, *Синьхуа*, *Русскую службу Би-би-си*, *NHK*, *Los Angeles Times*, *Associated Press*, *Agence France-Presse*, *Newsday*.

В качестве докладчиков выступили директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, старший советник Программы международной безопасности Центра стратегических и международных исследований Роберт **Айнхорн** (Robert Einhorn) и старший научный сотрудник Международного института стратегических исследований (IISS) Гэри **Сеймур** (Gary Samore).

В докладе американских представителей «Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы», текст которого опубликован также в предыдущем номере журнала *Ядерный Контроль* (№ 4 за 2002 г.), были подняты вопросы сотрудничества России и Ирана в области ракетных и ядерных технологий.

Представители США изложили собственные взгляды на беспокоящие руководство Соединенных Штатов процессы в российско-иранских отношениях, в частности, особое внимание было уделено намерениям Ирана построить с помощью России атомную электростанцию в Бушере. Также был выдвинут ряд соображений относительно взаимодействия России и США по вопросам предотвращения распространения ядерного оружия в Иран. Роберт Айнхорн отметил: «Усилия США по нейтрализации ядерных амбиций Ирана стали основным фокусом американской политики нераспространения на протяжении десятилетий».

Гэри Сеймур обратил внимание участников семинара на то, что «при наличии времени страна, обладающая значительными ресурсами, такая, как Иран, вполне вероятно, преуспеет в реализации своих амбиций, связанных с планами приобретения ядерного оружия». По мнению г-на Сеймура, «единственный долгосрочный и надежный способ предотвратить создание ядерного оружия в Иране – убедить Тегеран, что это не отвечает его собственным национальным интересам».

Директор ПИР-Центра Владимир Орлов в своем докладе «Сотрудничество между Россией и Ираном в области атомной энергетики и проблемы нераспространения» поднял ряд вопросов, критических для понимания российской позиции в переговорах с Ираном по поводу строительства там АЭС. В частности, он обосновал необходимость сотрудничества России и Ирана в рамках полноценных гарантий МАГАТЭ.

В то же время, как подчеркнул Владимир Орлов, «Россия не стремится развивать сотрудничество в ядерной области с Ираном, которое выходит за рамки ее международных обязательств и которое даже в потенциале могло бы привести к появлению на карте мира новой ядерной державы. Недалеко от российских границ уже имеются государства, обладающие ядерным оружием, поэтому Россия еще меньше, чем Соединенные Штаты, заинтересована в появлении нового ядерного соседа».

После выступлений докладчиков было организовано заседание круглого стола, на котором представители российской и американской сторон высказались по волнующим их проблемам.

Посол США в России Александр **Вершбоу** (Alexander Vershbow), отметив актуальность вопросов, затронутых в выступлениях докладчиков, заявил, что сотрудничество России и Ирана в ядерной области и оценка его Соединенными Штатами – «очень важная проблема, особенно с тех пор, как отношения между Россией и США начали улучшаться». «Более того, – сказал посол, – это становится самой крупной проблемой в отношениях США и России. Я вижу, что российское руководство на самом высшем уровне выступает в поддержку режима нераспространения и придерживается осмотрительной политики в вопросах, касающихся предотвращения распространения ОМУ».

Александр Вершбоу также подчеркнул: «Я считаю, что трудно не согласиться с позицией России, которую в своем докладе представил Владимир Орлов. Нельзя сказать, что в этом вопросе Россия не может выдвигать условия при поставке ядерных технологий в Иран. Россия – главный подрядчик Бушерского проекта. И ее отношения с Ираном гораздо надежнее, чем наши: у нее есть рычаги воздействия, которые она может использовать для того, чтобы предотвратить производство Ираном ОМУ».

Представители МИД РФ, присутствовавшие на встрече, выразили свое удовлетворение позицией американских докладчиков. Владимир **Рыбаченков**, советник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ, заявил, что в прошлом, на переговорах по проблеме Ирана с представителями США при участии Роберта Айнхорна и Гэри Сеймура, у него возникло впечатление, что «американская сторона слушает, но не слышит». «Аргументы российской стороны всерьез не принимались. Однако должен сказать, что настоящий доклад, который отличается исключительно прагматичным подходом, произвел на меня большое впечатление. Представленные подходы говорят о том, что работа

неправительственных организаций исключительно важна и полезна».

С собственной оценкой российско-иранского сотрудничества в области ядерных технологий выступил депутат Государственной Думы Сергей **Митрохин**. В частности, он заявил, что «строительство АЭС в Бушере опасно в первую очередь для России, для ее геополитических интересов. Мы имеем дело, прежде всего, с фундаменталистским исламским государством. По соображениям, не имеющим ничего общего с логикой экономического сотрудничества, Иран может пойти на изменение сделки, которое будет продиктовано теми или иными изменениями в позиции духовного руководства Ирана».

Позиция г-на Митрохина во многом совпала с позицией американских докладчиков, которые в ходе дискуссии затронули вопрос экономической целесообразности для Ирана приобретения объектов ядерной энергетики. Так, Гэри Сэймур сказал: «Я считаю, что вполне резонно спросить Иран: зачем ему ядерные установки?».

Роберт Айнхорн в продолжение выступления Гэри Сеймура заявил, что «России и США необходимо объединить усилия в решении проблемы Ирана. Россия иногда не хочет видеть очевидное – то, что действительно происходит в Иране».

Несмотря на различия в оценках проблемы Ирана, участники семинара исключительно высоко оценили уровень встречи, которая позволила присутствующим по-новому взглянуть на российско-американские споры по Ирану и обсудить новые подходы к возможности их разрешения.

Владимир Орлов в заключение отметил, что самое важное – это сохранить международно-договорной режим, и Договор о нераспространении ядерного оружия является основой этого режима.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Non-Proliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 8
Number 5, September-October, 2002

Editorial entitled «**Good news from the summit**» states, that «a few weeks ago the G-8 summit in Kananaskis, Canada came to an end. From June 25 to 27, 2002, the heads of the influential states discussed such matters as global security, international terrorism, Russia's role in the G-8, as well as problems of education, transport security, etc. Without question, the summit was a success for Russia.

First, a decision was made at the summit that in 2006 Russia would take upon itself the chairmanship and the duties of serving as the G-8 summit's host country. As was recognized at the summit by the states' leaders, in the changing world Russia has shown its capability of playing a sound and significant role in solving the current global problems.

Second, the G-8 leaders have bound themselves to attempt to pass laws in their countries on the allotment of up to US\$ twenty billion for the implementation of nonproliferation and counter-terrorism programs. In accordance with this decision, during the next 10 years the US would have to allocate half the sum, and the other G-8 states would give the remainder. Russia was declared to be the main recipient of these means, thus giving the mass media cause to say that "foreign states will present to Russia \$20 billion.

But it would be naïve to expect Russia to get such a sum after Kananaskis. First of all, the financial resources have been planned for use not in Russia alone. In the future, part of the sum is supposed to be allocated to other countries, as well. In general, the heads of the G-8 states put no formal restrictions on the eventual list of countries which would have the opportunity to receive some part of the \$20 billion.

Second, among the support variants not only the allotment of financial resources is mentioned, but also writing-off part of Russia's debts in exchange for the implementation of nonproliferation programs. Probably other options are possible as well. In any case, Russia will have to clearly determine the amount of work it is capable of carrying out by its own means.

Third, the declared intentions don't yet guarantee real financing. In democratic countries it is the

parliament's prerogative to allocate the budget means, and nobody can be sure in advance of an unimpeded passing of corresponding laws by the parliaments of the G-8 states. In spite of the obvious necessity of assigning the money, the process never goes off smoothly. For instance, in the beginning of 2002 the US Congress froze funding of some support programs to Russia because of non-compliance with the entire set of required formal conditions of rendering the aid.

Even if Russia gets the maximum possible amount of financial resources, a question should be asked whether the money would solve the task of preventing weapons of mass destruction from falling into the hands of terrorists. In spite of the fact that the aid from the G-8 would be undoubtedly useful, one cannot, evidently, assert the means as being sufficient.

In the Baker-Cutler report prepared by a task force of top-ranked experts for the US Department of Energy, the figure of about US \$30 billion for 10 years was recommended to fund DOE programs alone. Hence, the level of funding recommended in the report is half as much as that declared by the G-8, and the recommendations don't take into account programs of the US Department of Defense and the US Department of State with total amount of efforts comparable to that of the DOE programs.

In such a situation, the leaders of Russia should clearly realize what tools of the nonproliferation regime consolidation and counter-terrorism they have at their disposal. A statement made by Vladimir Putin at the summit is of interest: he said that Russia would be ready to take part in efforts for the elimination of weapons of mass destruction not only at home but in other states possessing them, too. The very fact of making such a statement is evidence of Russia's readiness to actively confirm its status as the leader of global efforts in the fields of weapons of mass destruction nonproliferation and counter-terrorism.»

Vitaly Fedchenko and **Dmitry Kovchegin** in their article «**The impact on global security of the decisions made in Kananaskis**» speculate on the importance of creation of the «Global Partnership Against the Spread of Weapons and

Materials of Mass Destruction» declared on the G8 summit in Kananaskis, Canada. Authors analyze this general effort, its background and interrelations with the CTR program, which is already being implemented for a decade, and with the new initiative, «Global Coalition Against Catastrophic Terrorism», launched recently by the Sam Nunn and Richard Lugar. The study of the documents adopted in Kananaskis allows authors to conclude that, since Russia was recognized on the G8 summit as one of the major participants of the global antiterrorist effort, it has now to take the full responsibility for the dismantlement of the redundant Soviet Cold War arsenal and to earmark for this dismantlement as much resources as it possible under current conditions.

Sam Nunn in his interview «**United States and Russia must take the lead in creating a global coalition against catastrophic terrorism**» discusses means of the multinational counteraction to the WMD terrorism and, specifically, issues of foreign nonproliferation assistance programs to Russia. He states that preventing the spread of nuclear, biological and chemical weapons should be the central organizing security principle uniting the efforts of United States and Russia in the 21st century, because it is the only way to avert threats of WMD terrorism. Senator Nunn states that «we cannot afford to lose sight of the fact that terrorists and certain states are racing to acquire weapons of mass destruction, and we ought to be racing together to stop them».

Sam Nunn believes that the global coalition against the catastrophic terrorism should be created. It would begin with Russia and the United States, but should quickly expand to include other nations in Europe, Japan, Canada, China, India, and Pakistan. As former US senator puts it, this coalition should include every state with nuclear weapons and weapons-usable materials.

Alexander Fedorov in his analysis «**The International Information Security: An Arena of Rivalry or A Way of Cooperation?**» states that in the last decade the issue of international information security suddenly revealed itself and ranked with the problem of mass-destruction weapons non-proliferation. The world's leading countries include clauses aimed at counteraction to information threats to both an individual person and the State into their military doctrines, concepts of national security, legislative systems and criminal legislation.

Two main approaches to the problem – the Russian and American ones – are considered in the article. The approaches have become a quintessence of disagreement on the issue of international information security in the course of debate in the UNO in connection with initiatives of Russia aimed at formation of an international mechanism of its assuring. It is shown on the basis of factual data that there are no antagonistic contradictions between the Russian and American approaches, and that each of them is only a more precise definition of the other, which, in its turn, only broadens the first one. In such a way the absence of unsurmountable obstacles has been shown for the purpose of finding out of mutually acceptable attitudes when determining ways towards achievement of political understanding in the sphere of information arms race limitation, stopping proliferation of information weapons, counteraction to information terrorism.

In the article by **Yekaterina Stepanova** «**The Illicit Drug Trafficking in Afghanistan and Central Asia Within the Context of the Anti-Terrorist Campaign**» the illicit trafficking of Afghani originated drugs is analyzed as a part of a more fundamental problem – that of formation of a regional shadow economic system with its center in Afghanistan and linked with it social & political structures, undermining the legal economy and formal institutions of the state power in the region's countries, including the states of Central Asia. Along with a sad state of the economy, distress of the population and corruptibility of the state machinery, the *vacuum of security*, having arisen in the region, is considered to be one of the main reasons of reorientation of a part of Afghani and Pakistani drug flows to the Central Asia. In the article an interdependence between the illicit drug trafficking and conflicts is investigated: on the one hand, the armed conflicts are becoming an auspicious medium for the growth of drug business (which is at the same time becoming an efficient economic means of adaptation of various groups of the population to unstable or conflict conditions), and on the other hand, at a certain stage the drug business itself becomes a source of non-stability.

Vladimir Novikov in his article «**Missile & Nuclear Non-Proliferation. The Issue of Iran**» states that Russia's cooperation with Iran in the nuclear field, the relatively close military & technical relations between the two countries, on the one hand, present certain opportunities for consolidation of mutually advantageous bilateral economic ties, make for establishing of good-neighbor relations between the Russian

Federation and Iran, one of the leading countries of the region. On the other hand, one should not forget of the potential of the conflict of interests around the Caspian oil. But in that case, too, it seems to be of importance to avoid drastic changes in the character of the two states' cooperation in aforementioned fields. A significant reduction of cooperation in the nuclear field (under the US pressure), without presenting any convincing evidence of military orientation of the nuclear program of Iran, could be considered by the state as a manifestation of hostile policy, as a threat to the country's national security. In their turn, the Iranian leaders might undertake unilateral asymmetric response measures (that would hardly meet Russia's national interests) and try to choose other partners. The latter could lead to complication of Russia's relations not only with the Islamic Republic of Iran peculiarly, but also with some other influential members of the world's community.

Anatoly Luchin in his commentary «**On the Activities of the International Korean Peninsula Energy Development Organization (KEDO)**» reports about relations between the KPDR and the international KEDO consortium set up in March 1995 with the objective of providing financing and delivery to KPDR of two up-to-date light-water reactors in exchange for cessation by Pyongyang of the national nuclear program. The NPP construction in KPDR was started in 1997, and it was planned to be completed in nine years. The construction works, however, are seriously behind of schedule, and KEDO blames KPDR for that: the North Koreans didn't allow the IAEA inspectors to visit their nuclear objects, they failed to meet requirements of the international standards of reactor safety. In the last time (2001-2002) a progress began to show in the relations between the KPDR and KEDO. The KPDR is ready to allow the IAEA inspector to visit the nuclear object in Yonben. The leaders of KEDO declare for Russia's joining the KEDO activities.

Alexei Krasnov in his commentary «**Iranian Issue in Russia-US Dialogue on Missile Non-Proliferation**» states that in 1996-1997 within the framework of bilateral contacts with the USA the Iranian theme began to sound more and more actively in connection with the anxiety caused by probable (or as if having taken place) cases of missile technologies leakage from Russia to Iran. In autumn 1997 a format of dialogue on this subject was authorized by a decision of the presidents of Russia and the USA. The Russian Space Agency was charged of carrying on the work from the Russian side. Since 2000 the

Russia-US dialogue on the issues of export control has practically come to naught, although the Russian party, in spite of so essential negative consequences of the former experience, considers such a dialogue to be on the whole useful and necessary. One could hardly expect that the variance in interpretation of the MTCR requirements implemented through the prism of absolutely different (in Russia and the USA) approaches to commercial and economic relations with the Islamic Republic of Iran could be removed without working out of a compromise mutually acceptable to the both countries. The current situation with the absence of a dialogue for removing the tension linked with the subject does not give any reasons for a vital optimism. The paradox is that the attitudes of the leaders of both Russia and the USA, concerning the matter of non-proliferation, are identical. Russia reasonably considers the creation of MDW missile delivery systems by the Near and Middle East countries to be at variance with our national interests, making a potential threat to our national security. The point does not concern Iran alone. It also relates to other states of the region, including Israel, which is engaged in active cooperation with the USA in the missile sphere, in spite of its refusal to join the international non-proliferation regimes. And at this point our attitudes diverge, because we don't cooperate with Israel, too, since the cooperation could make for creation or perfection of MDW missile delivery systems in that country.

Vitaly Tsygichko and **Vladimir Dyachenko** in their review «**The Non-Lethal Effect Weapons**» report that «today, along with conventional arsenal for armed fight, there is a need in means capable of carrying out of specific tasks in local conflicts, peace-making missions and police operations, etc. without causing, at the same time, of serious human losses and significant material damage to the enemy and especially to the peaceful population. The availability of such kind of means, called *the non-lethal effect weapons*, would allow the states to reach their goals in such case as the use of conventional arms is unacceptable by political and ethical reasons. Besides, the non-lethal effect weapons could be used as *an intensifier of fighting power*, being applied in military operations in combination with conventional arms, that could essentially change the correlation of forces between the combatants.»

Roland Timerbaev in his article «**Leo Szilard and the International Control for Atomic Energy**» tells about the role of a pioneer Leo Szilard in the development of international control for atomic energy. He went down in

history not only as a great physicist of the XX century, who was at the cradle of discovery of the secrets of making nuclear weapons, but also as a man of keen intellect, who at the same time gave the humanity a key to solving the problem of getting rid of the weapons so that the atom could serve peaceful purposes alone. The exclusive role of Szilard in initiation of works on the uranium problem is acknowledged by everybody. One could say without any exaggeration that without the initiative of Szilard the atomic weapons would hardly appear during the World War II, and nobody knows when it could be made at all and what would be its first uses – military or peaceful.

In the post-war time Leo Szilard with indomitable energy went on pursuing his mission on advancement of the concepts of international

control for atomic energy. The man, who was the first to agitate the world with his prediction of inevitable downfall of civilization, if the Hitlerite Germany takes the lead over the anti-Hitler coalition in making nuclear weapons, now just in the same way, consistently and vigorously, sought after formation of a new situation in the world, so that the nuclear weapons would be outlawed and put under the strict international control.

Szilard had faith in the great power of cooperation between the scientists of the USA, USSR and other countries in solving the historic task. He took part in organization of the Pagwash movement, which made for signing the Limited Test Ban Treaty, the Nuclear Non-Proliferation Treaty and the Anti-Ballistic Missile Treaty.

Об авторах

Дьяченко Владимир Александрович – доктор военных наук, профессор. Работает в Генеральном штабе Вооруженных Сил России.

Ковчегин Дмитрий Алексеевич – научный сотрудник ПИР-Центра. Родился в 1977 г. в Москве. В 2000 г. окончил Московский инженерно-физический институт. Аспирант ИМЭМО РАН. С 1999 г. работает в ПИР-Центре. Круг научных интересов включает проблемы безопасности ядерного топливного цикла в контексте нераспространения (утилизация ядерных материалов, СФЗУК ЯМ, незаконный оборот ЯМ, «утечка умов» и т.д.), перспективы развития ядерной энергетики в России и в мире. Является автором многочисленных публикаций, среди которых: «Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями» (совместно с Дмитрием Евстафьевым). *Ядерный Контроль*. 2000. № 2, март-апрель; «Об инициативе Путина на Саммите тысячелетия ООН (совместно с Роландом Тимербаевым). *Ядерный Контроль*. 2000. № 6, ноябрь-декабрь; «Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы». *Ядерный Контроль*. 2001. № 3, май-июнь; «ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего». *Ядерный Контроль*. 2002. № 1, январь-февраль.

Краснов Алексей Борисович – заместитель начальника Управления международного сотрудничества Российского авиационно-космического агентства (Росавиакосмос). Родился в 1959 г. в Москве. В 1982 г. окончил Московский энергетический институт. После окончания работал в Госкомитете по науке и технике инженером, главным специалистом. С 1985 по 1988 г. старший инженер В/О «Машприборинторг» Министерства внешней торговли. Окончил факультет повышения квалификации Академии внешней торговли. С 1988 г. по 1992 г. работал в посольстве СССР/России в США. С 1992 г. – главный специалист, с 1994 г. – заместитель начальника Управления международного сотрудничества Российского космического агентства (с 1999 г. – Росавиакосмоса). Член-корреспондент Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, ответственный секретарь Комитета по космосу Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству с США. Вел переговоры с НАСА, связанные с программой «Мир–Шаттл», соглашениями по сотрудничеству с США, ЕКА, Японией, Межправительственным соглашением по МКС.

Нанн Сэм (Sam Nunn) – сопредседатель и главный исполнительный директор фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», а также старший партнер в юридической фирме «King & Spalding», расположенной в Атланте, где он занимается вопросами международного и корпоративного права. В течение 24 лет Нанн был сенатором от штата Джорджия (1972–1996). Учился в Техническом университете Джорджии, Университете Эмори и юридической школе Эмори, которую он и закончил с отличием в 1962 г. После службы в Береговой охране США в течение шести лет находился в резерве Береговой охраны. В 1968 г. начал политическую карьеру, став членом палаты представителей Конгресса штата Джорджия. Будучи сенатором, возглавлял сенатский Комитет по вооруженным силам и Постоянный подкомитет по расследованиям. Кроме того, работал в комитетах по разведке и малому бизнесу. Сэм Нанн – один из авторов программы Совместного уменьшения угрозы, известной также как программа Нанна–Лугара. Является почетным профессором Школы международных отношений имени Сэма Нанна в Техническом университете Джорджии, председателем совета Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне и сопредседателем Коалиции за согласие – неправительственной организации, занимающейся разъяснением общественности американской налоговой политики.

Новиков Владимир Евгеньевич – ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ), член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в 1950 г. в Москве. В 1977 г. окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана. В 1992 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. С 1992 г. по настоящее время работает в РИСИ, осуществляя исследования по различным аспектам проблемы нераспространения ядерного оружия. Круг исследовательских интересов включает проблемы ядерного нераспространения, формирования ядерно-технической политики пороговых стран и использования атомной энергии в промышленно развитых и развивающихся странах. Автор более 100 научных работ по проблеме ядерного нераспространения.

Степанова Екатерина Андреевна – старший научный сотрудник, руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук. Родилась в 1973 г. В 1995 г. окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1998 г. – аспирантуру МГУ, защитив диссертацию по проблемам американской политики в области регулирования региональных конфликтов в 1990-е гг. В 1994–2000 гг. – сотрудник программы «Внешняя политика и безопасность» Московского центра Карнеги; в 1998 г. – стажер Факультета военных исследований Королевского колледжа Лондонского университета; в 2000–2001 гг. – стипендиат Фонда Макартуров. Специалист по проблемам регулирования локально-региональных конфликтов, миротворческим и гуманитарным операциям, «антикризисной» стратегии США и НАТО. Автор монографии «Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа» (М., 2001); соредатор и соавтор сборника «Косово: международные аспекты кризиса» (М., 1999); автор научных публикаций на русском, английском, немецком и сербском языках.

Тимербаев Роланд Михайлович – старший советник ПИР-Центра (с 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра). Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке). В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 г. – в МИД СССР. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000, 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001; монографий «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001 и «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. № 17.

Федоров Александр Валентинович – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в Москве в 1955 г. В 1977 г. окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет вычислительной математики и кибернетики) и в 1981 г. – аспирантуру МГУ. Имеет ученую степень кандидата физ.-мат. наук (1981 г.) и научное звание старшего научного сотрудника (1991 г.). После окончания учебы работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной информационной безопасности и связанных с ней проблем. Автор ряда работ в этой области. Редактор и соавтор монографии «Информационные вызовы национальной и международной безопасности». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Федченко Виталий Геннадьевич – младший научный сотрудник ПИР-Центра. Родился в 1979 г. в г. Красногорске Московской области. Выпускник Московского инженерно-физического института. Сфера научных интересов: российско-индийское сотрудничество в ядерной области, вопросы нераспространения и безопасности в Южной Азии, программа Совместного уменьшения угрозы. Является автором публикаций, среди которых: «О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики». *Ядерный Контроль*. 2001. № 3, май-июнь; «АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли». *Ядерный Контроль*. 2002. № 1, январь-февраль; «Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. № 17.

Цыгичко Виталий Николаевич – доктор технических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН. Родился в 1933 г. В 1952 г. окончил Рязанское артиллерийское училище, в 1961 г. – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблеме устойчивости стартов баллистических ракет. С 1967 г. работает в центральных НИИ Министерства обороны в области математического моделирования операций войск. Руководил крупными научными подразделениями этих институтов. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию. Полковник в отставке. С 1985 г. – ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН. В 1988–1991 гг. возглавлял независимый Центр исследования проблем национальной безопасности. В 1992–1993 гг. работал по контракту в Массачусетском технологическом институте (MIT) США руководителем международной программы «Поддержка решений в области международной безопасности и стратегической стабильности». В настоящее время – эксперт Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, помощник на общественных началах заместителя председателя этого комитета, член рабочей группы Совета Федерации «Россия – НАТО», эксперт МИД РФ по проблемам информационной безопасности. Круг научных интересов включает методологические и методические проблемы математического моделирования социально-экономических процессов, теорию принятия решений, прикладной системный анализ, теорию и методы социально-экономического прогнозирования, проблемы обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности, проблемы информационной безопасности, геополитические проблемы и др. По всем этим темам опубликовано более 100 статей и 6 монографий.